

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА.

Чтобы не повредить ~~как~~ **либо** живому свидетелю из СССР я ему дал в ~~книге~~ **вымышленное** имя и, перед тем, как передать ~~готовый~~ **уже** материал в типографию, информировал ~~подробно~~ о своем умысле опубликовать рассказанное ~~мне~~. Одновременно спросил — может ли он учиненные им показания, которые я публикую, в случае необходимости, открыто подтвердить.

К моему великому и приятному удивлению он не только дал на этот мой вопрос утвердительный ответ, но сам. по собственной инициативе, сейчас же предложил, чтобы я опубликовал в книге и его фотографию, имя, фамилию и его подданство.

Моим „подсоветским“ собеседником был Вилем Андреевич Балинт, подданный Чехословацкой Республики; место его рождения село Фарнад, на юге Словакии.

Д. Е.

Жизнь в родной Земле.

1. Человек из союза коллективных грабителей.

Предо мною человек; на вид ему лет сорок восемь. Недавно он вернулся из СССР, из района Ростова, к себе на родину — ЧСР.

В Россию, в плен, он попал в Карпатах, в 1915 году и пробыл там два года до большевицкой власти и ровно 20 лет при большевиках. По-русски говорит прекрасно, лучше чем на своем родном языке. Из СССР вернулся он с многочисленным семейством. Жена русская. Вернулся, конечно, абсолютным бедняком, как говорится, — в чем мать родила. По профессии — рабочий, вернее мастер.

С нескрываемым любопытством рассматриваю я этого человека, так недавно ходившего по нашей родной земле. Весь его внешний вид и фигура говорят о хроническом, долголетнем недоедании и переутомленности. В действительности ему 42 года, но выглядит на много старше. Тощий, как скелет, на лице ни кровинки, глаза ненормально глубоко запади в орбитах, на щеках впадины, челюстные кости на лице резко выделяются, невероятное количество преждевременных морщин избороздило все лицо вдоль и поперек. В СССР занимался исключительно физическим трудом...

— Что же это вы, значит, насытились райской жизнью, если решились через 20 лет покинуть Советы? — задаю ему прямо вопрос, знакомясь с ним.

— Да, тяжело прожить там 20 лет... большую половину прожитой жизни и оказаться опять у разбитого корыта. На старости лет начинать все сначала, да еще

с такой семьей!... Но ничего не поделаешь, — жить там просто невозможно. Надо было искать выхода. Блатная советская жизнь меня последние годы совсем измотала. Давно бы вернулся домой, да не так это было просто. Окончательно и бесповоротно решил вернуться на родину в 1929 году. Как видите, реализация, как будто совершенно законного желания, продолжалась восемь лет! Ну, слава Богу, наконец все таки выбрался из этого проклятого „рая“. Как бы здесь плохо ни было, но я уверен, что и сам и мое семейство с голоду не умрем. А там, — не знаю, был бы ли в этот момент жин.

— А что, долго были без работы?

— Нет! В том-то и дело, что все время работал, как вол. Без работы там совсем нельзя жить, — восклицает мой собеседник. — Всего в январе месяце этого года, после краха того госпредприятия, где работал, меня уволили, а другого места не мог найти, а без работы там — верная смерть. Так вы обратите внимание — после 20 лет непрерывной работы я имел ровно столько запаса, чтобы прожить всего две недели! А безработным государственной помощи нет, работы тоже нет, вот и живи, как хочешь...

— Скажите, пожалуйста, — прерываю своего собеседника, — что значит слово „блатная“?

— Это слово универсальное, в Советской республике наиболее употребляемое. При советских условиях жизни и порядках можете его употреблять во всех случаях, когда хотите сказать о чем-либо ненормальном, нехорошем, уродливом, противозаконном. В данном случае это значит: воровская, жульническая, похабная жизнь. Советский человек, как говорится, налету все поймет, вам, конечно, это трудно.

— По вашему объяснению можно судить, что там все крадут, жульничают? — снова перебиваю рассказчика, свежего человека из наших казачьих Земель.

Тяжелая складка легла поперек лба.

— Должен признаться, что ваш покорный слуга тоже крал, — после некоторого молчания говорит человек из СССР. — Да-да, вы вот улыбаетесь, а мне очень тяжело на душе, но откровенно признаюсь, что я крал, иначе давно бы помер с голоду. Там именно все воруют.

КТО НЕ ВОРУЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ. При этом повволю себе обратить ваше внимание на следующий парадоксальный факт: в СССР чем человек своим служебным положением стоит выше, тем больше крадет, тем крупнее преступник; и непревзойденный, самый большой в мире преступник, это — Советское правительство во главе со Сталиным. Все же Советский союз, это — сплошной грабеж или, как в СССР говорят, „Союз коллективных грабителей“. Для пояснения сказанного приведу вам следующие факты: выработка одного литра водки Сов. правительству стоит 60 копеек, а населению продается по 12 рублей за литр! . . . Скупает от колхозов пшеницу по казенной закупочной расценке по 90 копеек за пуд (16 килограмм), а продает готовый хлеб самого наихудшего сорта по 75 копеек за 1 килограмм; немного лучшего сорта 1 рубль 50 копеек, а хороший хлеб 7 рублей 50 копеек . . . Разве это не грабеж? Где и какое еще правительство пользуется своим положением, чтобы получать прибыль от внутреннего товарооборота в тысячных процентах? Где возможен, кроме СССР, такой грабеж населения? . . .

— А знает ли об этом народ, скажем рабочие, колхозники? — вадаю я вопрос, имея в виду самым подробным образом информироваться у этого живого и весьма компетентного свидетеля жизни в наших краях.

— А как же, прекрасно все знают, особенно рабочие. Рабочий, особенно когда напьется, всегда об этом почти только и говорит. Почему? Да как же почему? Начнет пить, сразу же пропьет все свое недельное жалованье, при этом даже и не напьется, как следует русскому человеку, да к тому еще целую неделю должен будет жить впроголодь. Ясно, что сейчас же невольно начинает вспоминать старое доброе время, когда за одnodневный заработок был пьян, сыт и нос в табаке. Вот он и ищет причину такому явлению. Зубами скрежещет, но может ругать открыто только троцкистов. Вот он и кроет их, а в душе совершенно не делает никакой разницы между троцкистами и сталинцами. Да это и часто открыто выговаривается; рабочий уже давно понял, что причиной всех нынешних бед — Советская власть . . .

— Значит в действительности не так, как это пи-

шут советские газеты: „любимый, дорогой, единственный, незаменимый Сталин“?

— Бумага все терпит, а вот что 95 процентов рабочих, особенно колхозников, коммунистов ненавидят, — это своею честью заверяю, так как янаю все тайные думы советского рабочего и колхозника. Ведь 20 лет я жил между ними на равном положении!

— Как же так? . . А вот в советских газетах пишут о единогласных голосованиях, об огромных манифестациях? . .

— При советских порядках ничто не удивительно. Уверяю вас в большем — вот вам пример: сейчас — проголосуют за „да здравствует Сталин“, а через час могут совершенно также проголосовать — „да здравствует Троцкий“. Голосующие настолько отупели, что никогда не вникают в суть дела. На каждом собрании есть 5—6 человек активистов, ком'ячейка, которые первыми поднимают руки, а за ними поднимают и те 500, которые следили за активистами — как бы не опоздать с рукой и не попасть бы под подозрение, а там и в НКВД, или снимут с работы, что тоже — верная смерть после долгих мучений . . .

— И что-же, народ доволен подобными порядками?

— Какое уж, совсем нет. Наоборот. Народ с нетерпением ждет войны. Большие надежды возлагает на немцев. Настанет война, коммунисты в СССР будут поголовно уничтожены. Говорю это и подчеркиваю, что там у меня остались среди коммунистов родственники . . .

— А не были бы вы так добры объяснить мне, почему назвали Советский союз сплошным грабежом?

— Два года я прожил в старой добольшевицкой России, как военнопленный, пася овец у одного из коннозаводчиков в Сальских степях (Пишванова). За эти два года много хороших и честных людей встретил, вообще много хорошего видел. Хорошо я тогда себя чувствовал, хотя и был военнопленный и пастух.

При коммунистах прожил 20 лет, занимал различные должности, иногда довольно ответственные, и вот за эти 20 лет я встретил одного лишь честного человека и не видел ни одного предприятия, где бы не крали. В СССР все крадут.

2. Три жулика.

В СССР существует твердо установившееся понятие о „трех жуликах“. Это — директор, бухгалтер и кассир.

В огромной фабрике или же захудалом колхозе все равно существуют эти „три жулика“. В каждом предприятии эти три лица самые крупные воры. Крадут они тысячами, остальные в зависимости от должности. Доярка, например, крадет кружками молоко, самая последняя работница и работник колхоза могут красть только картошку, капусту, кукурузу. Сторож какого угодно предприятия все же всего самый отъявленный вор; он собственно не сторожит, а все, что плохо лежит тянет и берет для себя. Я, например, работал в хлебопекарне и крал хлеб; когда был поваром, то крал сверх нормы обеды, ужины и т. д. для своего семейства. Я никак не ленился, но больше всего все это крал для своего директора питательной фабрики.

Объясните пожалуйста, почему же там происходит такая всеобщая вакханалия массового грабежа?

— Очень просто. Директору получаемых им 500 рублей и даже 1000 руб. в месяц совершенно недостаточно. Он уже привык к легкой жизни, абсолютно ничего не делает; придут друзья, бывает начальство, у каждого из них девицы, на все и всегда нужно угощение (дорогие закуски и вина у них всегда к столу), одеваются они соответствующим образом, и вот жалованья не хватает. При этих гулянках, а проще пьянствах, всегда бывают должностные лица. Когда собственные средства пропьют, начинают изобретать способы их добывания. Но откуда же набудешь, если не обокрадешь то дело, которое ведется. Вот на этой почве и объединились круговой порукой „три жулика“ — директор, бухгалтер и кассир. Промогают, а потом составляют годовой баланс с „прибылью“. Например, тот питательный пункт, где я работал 4 года, каждый год давал большой дефицит, но по книгам дело давало большую прибыль! И так во всем.

— А ревизия разве не бывает? Ведь, в конце-то концов, все это должно обнаружиться и кончиться казнью?

— Да что-ж ревизия? Ревизии очень часты, но что за ревизоры? Ревизорами бывают обыкновенно рабочие из того же гос. предприятия. И я бывал им. Но что, например, мог делать я? Махинация налицо, но откроешь и подымешь дело, значит, сразу же попадешь в тар-тарары, ибо директор — коммунист, а потому, в лучшем случае, ревизоры ограничиваются: „Будьте, товарищи, осторожны все таки“, давая понять, что злоупотребление обнаружено, но прикрито. И так сам становишься невольным соучастником. Если приедет ревизор из центра, то его прежде всего напоят до зеленых чортиков и стараются, чтобы он из этого состояния не выходил до самого отъезда. Результаты ревизии в таких случаях бывают для „трех жуликов“ блестящи.

Хозяйственную сторону дела ведут приблизительно так: вдруг прибегает ко мне, весь запыхавшийся, директор питательной фабрики и кричит: „Андреич, скорей беги на базар, там массу рыбы привезли казачки, скупии ее!“ Я бегу и скупаю немедленно всю рыбу. А так как эта рыба краденая продавцом, то скупаю ее за бесценок, а в книгу же покупка заносится по нормальной покупочной цене, а потом в обработанном виде она продается по весьма дорогой цене. Такие операции и дают возможность „трем жуликам“ снова кутить.

— Откуда казачки берут краденую рыбу? — прерываю его.

— Как откуда? Разве я не говорил, что в СССР все крадут. Есть там по Дону специальные рыболовные коллективы. Но если бы казак жил только работой в коллективе, то давно бы помер с голоду и ходил бы нагим. Должен он изворачиваться. А насчет умения изворачиваться казаки народ очень шибкий. Учить его не приходится. По ночам колхозники-рыболовы стерегут свой участок воды по очереди, чтобы посторонние не крали их рыбу. Вот сторожа то и пользуются случаем и ловят рыбку для себя. Раненько, в назначенном месте, ждет его жена. Получив от мужа рыбу, она, как вихрь, босая летит в Ростов — продать дощичу. А для нас, для государственно-социалистического предприятия, была как манна с неба — рыба почти даром. При этом обе стороны остаются очень довольны: казачка, но

скоро съела краденую рыбу, а фабрика, что дешево купила, имеет возможность записать по дорогой цене. Вот так и хозяйничают.

— Знали у вас в предприятии, что это краденая рыба?

— А как-же, прекрасно знали, только не знали, когда казачки с рыбой появятся, надо было следить . . . Да . . . Интересные бабы эти казачки. Ух, и острые! Боже упаси, на покупке сказать ей, что рыба плохая, несморгнув ездит тебя рыбой по физиономии и как следует выручает. Если вздумаешь протестовать и вообще сцепиться с нею, то засучивает рукава и кидается в драку. Разъяренные, как тигры. На весь базар кричат: „Ух вы, проклятые, продали все, а теперь еще перебираете!“

— Неужели это там возможно при таком терроре, не боятся?

— Даю вам честное слово, — абсолютно не боятся. Казачки, ужасно смелые женщины. Милиционер, милиционер, когда увидит такую сцену, то поворачивается скорее ходу дальше, чтобы не видеть и не слышать, знает, что с бабой ничего не сделает, а товарищи на-скакивают и бьют.

3. Трудодень, трудодень . . .

— Меня интересует отношение колхозников к колхозу. Расскажите:

— Ну, а почему колхозные рабочие крадут, ведь это же их общее хозяйство?

— Причина в том, что рабочий на фабрике получает 30 рублей в месяц; 1 килограмм хлеба стоит от 50 копеек до 3 рублей 50 копеек; кило мяса по половине до 10 рублей. Этих цифр достаточно, чтобы убедиться в том, что рабочий живет впроголодь, а не тетка, вот и крадут. С колхозником дело еще хуже. Тот работает и получает за свой труд всего „палочки“ в колхозной учетной книге или „трудодень“, цена которых до конца уборки еще неизвестна. Есть там довольно популярная частушка:

„Сидить баба на рядні
Та щитає трудовні;
Трудодень, трудовень, —
Дай хліба хочь на день“.

И действительно, почти так оно и бывает. Заработает колхозник, скажем, 300 палочек — трудовой за сезон. И когда „три жулика“ разделят собранный урожай, то на трудовень припадает от 1 до 7 килограмм пшеницы максимум, иными словами в общем от 300 до 2100 кг. Переведя на пуды, получите приблизительно от 19 до 132 пудов пшеницы, а если переведем на советские деньги по казенной расценке, то получится, что годовой заработок сельскохозяйственного рабочего колеблется от 17 до 118 рублей. Вот и живи, как хочешь. При таких обстоятельствах сам Бог начнет, думаю, красть.

— Но ведь колхозникам разрешили иметь собственные домашних птиц, даже корову и свиней?

— Да, разрешили, только вот кавказский ишак забыл в декрете указать, — чем и где их надо кормить и пасти. Не то что корову или свинью, курочек и уток негде держать и нечем выкормить. Вообще декрет о собственности колхозника был рекламой, очковтирателем для иностранцам. От голого декрета жизнь колхозника ничуть не улучшилась. Жизнь колхозника действительно жизнь собачья, беспросветная. Советскую власть и то, что от нее, колхозник ненавидит волчьей ненавистью. Я думаю, что в целом СССР не найдете ни одного колхозника, который не знал бы такую частушку:

„Когда Ленин умирал
Сталину наказывал:
Народу хлеба не давай,
Только показывай“.

Очень распространена и такая народная поговорка: „В колхозі добре жить: сім роблят, один їст“.

Частушки эти, конечно, простые незамысловатые, но вышли они из народной толщи, как выражение народного её настроения, и сколько в них горечи и сарказма. Когда говорит об ужасах, которые творят

мунисты на российских народами, в словах моего информатора слышится дрожь, глаза его горят ненавистью, до того ему видимо, вновь и вновь переживает кошмары подсоветской жизни. Помолчав немного, он продолжает:

— Ведь там в каждом даже маленьком колхозе в 12-15 человек есть — председатель, заместитель, бухгалтер, секретарь, кассир, всякие бригадиры и т. д. Это все — дармоеды. Живут в колхозе, абсолютно ничего не делая даже в самое горячее время, только лежат и роются в бумагах, отчетах, докладах, записях и... приказывают. Колхозники все это прекрасно видят, знают и ждут упорно чего-то.

Между колхозниками и вообще советскими рабочими популярна такая частушка:

Сталин и Ленин за стеной
Сидели и говорили:

Ах ты — урка, я — блатной,
Что мы натворили? —
Обещали всем мы рай земной,
А кабак им подарили“.

А вот о пятилетке:

„Говорят, что Ленин умер,
А я вчера его видал —
Без штанов, в одной жилетке,
Пятилетку он догонял“.

Частушки особенно сильно распространены среди молодежи. Я, например, первый раз их услышал сына, когда он был пионером.

Как колхозники относятся к представителям власти на местах, к коммунистам в частности, —

Папа, как вам сказал, колхозники Советскую власть не любят душой, иначе они и не говорят — „мы“ — „наш“. Эта ненависть безусловно была скрыта в последнее время, особенно после всех успехов. Но теперь, как вы знаете, ненависть эта начала прорываться наружу. Когда идет компания парней-колхозников, кому попадется коммунист в единственном числе, сразу же минут как следует его избить.

Незадолго до своего отъезда, я был свидетелем такой сцены в поезде: вагон заполнен колхозниками. Между ними два коммуниста. Ведется спор между колхозниками и коммунистами. Сначала не обращаю на это внимания, но вдруг слышу громкое: „Эх вы, жулики и воры чужого добра! Сколько лучшего и честного народу благодаря вам погибло!“ говорит молодой и бойкий колхозник. — „Да нет, мы в том не виноваты, голод тогда завинился, троцкистские вредители тому виноваты“, — защищается коммунист. — „А вы то куда смотрели?“ — прерывает тот же голос. „Да и черт вас разберет, кто из вас троцкист, а кто нет. Все вы воры, все вы крали, а потому и остались живы“. — „А ты то почему остался жив, тоже, значит, крал?“ грубо огрызается коммунист. — „Да, я крал“, — бойко отвечает колхозник, — „честно признаюсь, иначе давно бы был у прабабушки, но я крал СВОЕ, а вы крали НАШЕ“. Неизвестно, чем бы этот спор между колхозником и коммунистом кончился, если бы колхозник не вышел во время на площадку.

На ближайшей станции коммунист вышел из вагона. Колхозники шумной и беспорядочной толпой тоже спускаются с поезда. Наблюдаю из окна. Один из коммунистов крутится вблизи толпы, другой куда-то исчез. Вдруг из толпы колхозников быстро выскакивает какая-то крупная фигура и, вплотную подойдя к коммунисту, говорит ему: „Только вздумай, гадюка, доносить в НКВД, видишь вот это“, — тыча огромный кулак по направлению к коммунисту, — „вадавим тебя, как вош, и морда твоя останется“. Коммунист, видимо, настолько ошеломлен, что, ни слова не проронив, встает и колхозник тоже быстро скрылся в толпу колхозников. Шумя и галдя, они направляются в близ лежащей деревни.

* * *

— Вы говорили, — спрашиваю я своего знакомого казака, — как казаки ухитряются ночью рыбу ловить и зачатки продавать, но по нашим сведениям ты даже употребляешь слово казак. Ведь толк

торые, это казачество в большей своей массе. Но и от старого казачества, будто, не осталось. — Да, было время, когда казакам приходилось воевать за свое звание, и верно тоже, что большевики пытались казаков физически уничтожить и многие погибли. Но ничего из стараний советских заправил не вышло. Казаки молчали, но за свое крепко держались. Поэтому, казаков невозможно уничтожить. Народ этот себе на уме, страшно живучий, изворотливый, хитрый и гордый. Нет, такой народ никто не сможет уничтожить. Поняли, наконец, это и коммунисты, понявши, что казаков не уничтожишь и что они не злобят народ, начали к ним ухаживать. Советское правительство разрешил им носить свою форменную одежду. Только они хранили! Разрешили только им разрешить носить казачью одежду. Казаки немедленно стали ходить на праздникам обязательно в брюках с лампасами. И курьезно получается — на ногах часто лапти, а брюки с алыми лампасами. Смешно, но это так. Не удивляйтесь этому, купить сапоги в СССР может только коммунист, простому смертному сапоги давно уже вещь недоступная.

Казаков сейчас народ очень любит. В прошлом году, когда впервые открыто появились казаки, население при виде их просто с ума сходило. Дети, от радости даже некоторые плакали. Никогда так искренне в СССР народ не встречал казаков. Эта любовь населения ничуть не уменьшилась и сейчас. Например, когда видишь красивую фигуру, то обязательно скажешь: как казак. Когда мы с сыном Коля увидели дедушку, которому свои 70 лет, все еще ходит в парадке, сейчас-же заметил: Папа, вот наш дедушка старенький, а ходит как казак, и теперь иначе его и не называет, как „наш казак“. Если идет, например, по улице города казак, за ним обязательно следует толпа любопытных, особенно ребят. Любимая игра детей в СССР — игра в казаки. Что касается женщин, то у них никто таким успехом не пользуется, как казак. Почитай, каждая девица мечтает выйти за казака.

своим отношением казаки держатся очень самоуверенно, — гордо, при том очень неразговорчивы и скрытны. Каждый из них сам себе на уме. А что у них на уме, это не так легко узнать. Коммунисты, конечно, много и пишут о преданности казаков Советскому Союзу, но как раз этой их рекламы достаточно, чтобы предполагать обратное. Мне приходилось очень часто вызывать откровенно и по душам с рабочим, колхозником и даже коммунистом, но вот поговорить с казаком мне не пришлось. Очень трудно казака вызвать на откровенность. Постороннему человеку это ему совершенно невозможно. Сразу настораживается. Одно время я работал в одном учреждении вместе с казаком коммунистом. Знаю, что никто никогда слова из него не мог вытянуть. Все бывало молчит. Удивительный народ. Сильно пораженный народ. Вы представьте себе, — казаки во время своего террора и правительственного гнета в 1932—1934 ухитрились нашим заводским рабочим, зараженным коммунизмом, бить морды. Часто и много колхозников-казаков к нам приходило из ближайшей Ближневетинской станицы. Напьются в кабаке и в результате всем, кто подвернется под руку, морды набьют. Побойтесь же, до сих пор в силах остановить иногда даже местное население даже милиция.

Мой шурик тоже много рассказывал, например, о том, что при хлесте их часто казачьи отряды били. При появлении отряда по хлебоготовкам мужчины оббегали дворы и исчезали. Езжают ко двору. Навстречу им выстрелы, а казаки порами в руки.

„Чего вам еще, раз вы коммунисты, пошли вилами полотить. Бросайте оружие, коммунисты, но все таки сперва стеснялись бить баб. Но потом уж начали и с ними поступать, как с мужчинами, сопротивляющимися хлебосдаче. Конечно, много казачей погибло в тех годах от коммунистических рук в результате своих тяжких трудов.“

ПРИМЕЧАНИЕ: Об'ективность сведений о казаках несомненна, потому что мой информатор сообщал настоящие сведения о казаках, считал меня русским и в том,

что — казак, он узнал много позже, т. е. по полном
исчерпании своей обширной информации, ответив на все

вопросы, вернее — после нескольких встреч).

4. Мозги на сторону.

Желая выяснить отношение коммунистов к грабежу населения и их самочувствие при этом, задаю своему собеседнику вопрос:

— Ну, а как ваш шури́н был доволен своей работой подобного характера — отнимать у крестьян хлеб и, быть может, при этом убивать хлеборобов?

— Нет. Весьма мучился. Из подобных экспедиций возвращался всегда разбитым. Жена его, та всегда была в слезах. Всегда его просила, чтобы он как-нибудь выкрестился от подобных командировок. Но ему, как коммунисту, достигнуть этого не так-то было легко. А так, в конце концов, удалось. Его прикомандировали к железно-дорожному ГПУ. Ездил с особо секретной почтой из Ростова в Баку. И попал, как говорится, из огня да в полымя. Не было ни одной путевки, чтобы что-либо не случилось: то горцы обстреляют поезд, то рельсы разберут, то целый поезд под откос пустят и т. д. Удалось ему потом увильнуть и от этой работы. Устроился заместителем директора одного предприятия. Когда работал по хлебозаготовкам или же в ГПУ, жил прекрасно, сейчас очень бедствует, так как оказался мало активным, кроме того он же тот один единственный честный, не крестящийся человек, которого я встретил в СССР. Между прочим, на Кавказе и сейчас не все в порядке. Горцы бьют коммунистов и сейчас, где только представится случай.

— Не приходилось вам говорить с вашим шурином-коммунистом откровенно о жизни в СССР., о тяжелом, беспросветном положении колхозников, рабочих и вообще о неестественной жизни на началах коммунизма?

— Как-же!.. Очень и очень много на эту тему мы с ним говорили, конечно, когда были вдвоем. Лично ему сколько лет доказывал, что причиной всех бед в СССР

как раз только и являются они, коммунисты, с своей дурацкой идеей. Но должен вам заметить, что у коммунистов, по-моему, мозги устроены как-то иначе, нежели у нормальных людей. Шурин в этом отношении не был исключением. Ему говоришь, что люди сейчас не хотят работать, потому что нет абсолютно никакой перспективы в жизни, ибо не видно личных результатов труда, народ находится на положении раба, так плохо и под таким гнетом никогда он не жил, никогда столько народу с голоду не умирало, что в СССР установлено рабство политическое, экономическое и духовное. А он тебе — „да это все временное затруднение на пути к достижению лучшей, счастливой жизни на началах коммунизма, голод запричинили, вредители, троцкисты“. Точь в точь по своим газетам!

„Да чорт вас возьми“ — отвечаю бывало ему — „да ведь уже 20 лет, как продолжается это „временное затруднение“, пора бы уже устранить все препятствия: вредителей вы миллионами уничтожили, а их вместо того, чтобы стало меньше, становится все больше! Пора-же понять, что весь народ не хочет, не принимает вашего строя!“.

„Не забывай, что наш народ некультурный, его надо учить“, — старается он вывернуться, припертый к стенке. — „А не лучше ли было, если бы вы, коммунисты, так здорово не заботились об этом, а дали бы народу возможность самому учиться и самому организовывать свою жизнь. Уверяю тебя, что от этого и вам бы было лучше, не тряслись бы каждую минуту за свою жизнь, да и народ вздохнул бы и счастливо принялся за труд. А то вы все учите народ, а он вам черепа ломает. Это верно, что народ не культурный, но глупым его назвать нельзя. Народ прекрасно знает о том, что при царе было политическое неравенство, но и тогда жизнь и труд настолько были свободны, что теперешними „свободами“ и не сравнить. Вы, коммунисты, ко всему плохому, что было при царе, прибавили столько, что народ превратили в рабов, а сами стали рабовладельцами“.

„Да ты, Андреич, не дюже то ляпай языком. Это возьму да и потяну тебя в НКВД, вот тебе там пока-“

жут, — раки зимуют“, — вскакивает он, обыкновенно, доблестный мною до белого каления и совсем загнанный в упик. „Вот-вот“, — отвечаю ему в таких случаях — на это вы мастера, губить людей вы умеете, на это вы специалисты большие“.

После такой беседы недели две не разговариваем. А потом всегда, как правило, шурин приходит ко мне и мы миримся и по русскому обычаю напьемся до упитиков, и история снова повторяется. Но все таки я не выдал. Иногда случалось, что шурин своими доводами сам себя в галюну сажал. Особенно когда пускался вспоминать свое детство. Как пример, привожу такой случай: увлеченный воспоминаниями, шурин как-то рассказывал о кочевании, как они с отцом добрались до степей. По столько-то рублей купили овец и коз. Это и говорю: „Ну нидишь, раньше барана или овцу купить за пару рублей, а сейчас вонючего мяса стоит 10 рублей“. Он мечтает. Так когда же к роду жилось? Он приводит какие-то доказательства моего рода. Остались мы с ним при своих мыслях.

— А не знаете, не приехал ли шурина расстреливать людей, ведь, как вы знаете, одно время служил в ГПУ?...

— Не могу сказать определенно не знаю. Он нажды спрашивал я его об этом. Он ответил, что у них есть на это специальный человек. Официально этот человек исполняет роль кучера, а фактически исполняет роль походного палача. Это для того, чтобы население не знало, что он — палач и не убило его. Но вот как производится расстрел в Ростове производится, это он рассказал подробно. В ростовском ГПУ есть для этого специальное помещение, устроенное так, что палача не видно. Жертва идет в темноте как бы по коридору, в стене которого, в определенном месте, сделано незаметное окошечко-отверстие. Как только жертва, ничего не замечая, поровняется с отверстием в стене, раздается выстрел. Жертва падает, в этот же момент пол под ней проваливается в яму под полом, и труп уже в подвале. Одним словом, работа чистая, быстрая, и никаких сле-

дов. О дальнейшей судьбе жертвы шурич ничего не говорил, да и лишне было спрашивать. На основании этого рассказа его, я полагаю, что мой шурич, если и не расстреливал сам, то при сем присутствовал.

— Ну, а как по вашему, — знают коммунисты о враждебном настроении к ним населения?

— Безусловно знают. Знают также и то, что даже не продержатся и что придет конец и жестокий час. Платы, но тем не менее без боя, по-моему, они командных позиций не сдадут. Народ отпетый и вый на все. Коммунисты страшно боятся фашистских государств, вернее — войны с ними. Между прочим коммунисты очень хорошо настроены по отношению к нам, но зато очень плохо все остальное население. Советский гражданин направляет свои симпатии в обратную сторону от симпатий коммунистов.

5. Народ

В газетах и журналах почти исключительно о Сталине. Везде: „Без Бога ни до порога“. Сталин во всех склонах и спрямлениях действительности, что ни мат, то обязательно посылается по адресу „любимого“.

Прекрасным показателем настроения населения являются общественные уборные на железно-дорожных станциях, особенно на меньших станциях. Например, население когда видит, как всякие иностранные экскурсии просматривают фабрики и заводы, колхозы и т. д. обидно очень возмущается и говорит: „Эх, вот дурачье, — для того, чтобы иметь правильное представление о советской жизни, о действительном настроении населения, надо не заводы и колхозы осматривать, а советские уборные!“

Должен заметить, что население правотой на сто процентов право. В СССР больше действительной правды можно узнать в уборной какой-нибудь захолустной станции, нежели на каком-нибудь „заводе-гиганте“. Стены общественных уборных, как укоренившееся правило, расписаны всякими откровенными ругательствами

и частушками по адресу Сталина, Молотова, Кагановича, Калужина и других советских заправил; разрисованы всевозможными по их адресу нецензурными карикатурами. Первенство имеет Сталин, этому достается больше всего. Вот где можно совершенно точно узнать о действительном настроении подавляющего большинства советского населения. На стенах уборных особенно ясно народ запечатлел свой гнев и ненависть против Советской власти. Если бы было возможно записать со стен все, что написано по всему СССР это свободное народное творчество, то можно бы получить много томов интереснейшего материала о подлинных переживаниях российских народов под большевистской властью. Говорю „подлинно-народного“, потому что все это малограмотно написано, ясно что писали и рисовали люди простые, — рабочие, крестьяне. Тут бызает вещи, которые иногда поражают своей меткостью, правдивостью и мудростью. Вот почему иностранцам заглядывать, для того, чтобы можно было понять все происходящее в СССР.

— Ну, а как к этим иностранцам-туристам относятся население? Рады их посещениям?

— Ну, это уж нет! На основании только что сказанного вы можете приблизительно посудить о действенных отношениях к ним населения. Простой народ считает за пособников коммунистов и этого достаточно для того, чтобы, если попадется где-либо иностранец, провалить ему череп, а то и совсем убить. Убийства иностранцев неизвестными уже бывали, а теперь же на иностранцев бывают сплошь и рядом расстрелы.

— Ну, а в прошлом году ездило из ЧСР в СССР много чехов, и вот член одной такой экскурсии профессор из родом чех, в бытность экскурсии в Крыму исчез, и до сих пор никто ничего не знает. Как вы думаете, — что с ним случилось?

— Ясно что он убит, — отвечает мой информатор. — По всей стране он сорвался в единственном числе от остальных чеховской экскурсии, вот и убили.

— Да, но ведь его тела не могли найти! — спрашиваю я.

— Если его тело не нашли, то, по всей вероятности, его убили, а потом с'ели, а если был убежденный антикоммунист, то могло его ликвидировать и само ГПУ.

— Ну, что вы за ужасы говорите! Это же не может быть, нечто подобное никто себе и представить здесь не может, простите — говорю ему — я не могу этому поверить.

— Да, здесь за границей это, пожалуй, действительно невероятная и невозможная вещь, но в СССР, ввиду невероятных условий жизни, людоедство одно время было очень распространено, имею данные предполагать, что таковое существует и в настоящее время, правда в меньших масштабах.

6. Фабрика котлет из человеческого мяса.

В течение 1933 и 1934 годов в Ростове и его окрестностях исчезло, как сквозь землю, много детей и взрослых людей. Долго советские полицейские органы все население ломало себе головы над тем, — куда люди исчезают? Быть может, тайна исчезновения людей так бы и осталась не раскрытой, если бы не исчез восьмилетний ребенок у одного рабочего-ботника из Ростовского ГПУ. После этого было мобилизовано для розысков. Действительно, благодаря раз усилия ГПУ и милиции увенчались успехом: на окраине Ростова было раскрыто, так сказать, в общем ходу, целое подпольное предприятие, занимавшееся выработке мясных продуктов — колбас, сосисок, пирожков и т. д. из человеческого мяса. Работавший в этом предприятии работник из ГПУ лежал как мертвый на полу в помещении, в разрезанном виде, как будто к выработке и использованию. Отец ребенка, узнав об этом, сошел с ума. Конечно, правительственные органы старались скрыть весь ужас, но население, особенно последнее, там не менее.

Оказалось, что это предприятие существовало больше года. Во время свирепства голода в 1933 г. оно процветало. Людской материальностью так сказать, действовал тем способом, что систематически ввалили де-

при случае и взрослых. Фабрика имела собственные автомобили-извозчики. Обыкновенно, встретив в единственном числе кого-либо, особенно девиц, проезжающий автомобилист любезно предлагал подвезти или даже прокатить. Против такого соблазнительного предложения в Советской России устоять трудно, и вот таким образом попадали на мясную фабрику, а потом и в голодный желудок советского гражданина, может быть даже в желудки своих родных!

В 1932 — 1934 годах в нашем районе свирепствовал страшный голод. Люди умирали от голода, как мухи. Железно-дорожные станции были запружены умирающими от голода пассажирами, большей частью колхозниками. Пухли от голода и рабочие с их семьями. Время было кошмарное. Все время у людей уходило на изыскание продуктов питания, вернее — на бесконечное стояние в очередях. Стояли в очередях неделями. И вот, принимая во внимание все это, представьте себе на момент следующую картину: из ворот завода валит, по окончании работы, толпа измученных и голодных рабочих, все мысли которых сосредоточены единственно на собственном желудке, требующем пищи. В это время, неизвестно откуда, появляется у ворот тип с корзинкой, наполненной свежими котлетами и сосисками, и предлагает товар по сходной цене. Ясно, что в момент все бывало раскуплено. Продавец, как только сбывал товар, немедленно смывался, что никого не удивляло, ибо за спекуляцию могли расстрелять или же на десять лет заточивали в каторгу. Одним словом, продукты, вырабатываемые из человеческого мяса, быстро попадали с рук на руки и еще быстрее поглощались. Дело процветало. О том-же, что эти котлеты были из человечины, население узнало много позже, после того, как ГПУ уже ликвидировало это предприятие. Но и перед тем многим эти продукты казались подозрительными. Специалисты (и такие нашлись!) утверждали еще до раскрытия этих преступлений, что продукты эти изготовлены не из лошадиного, собачьего или кошачьего мяса, так как последнее, по их мнению, не так вкусно... Лично предполагаю, что до исчезновения ребенка видного работника из ГПУ, советские полицейские органы на подобную

нелегальную торговлю продуктами питания смотрели сквозь пальцы, потому что эти частники подкармливали рабочих.

7. Эх, где наши пятаки...

— Вы изволили заметить, что люди стояли в очередях по неделям. Не могу себе представить, — как это можно было так долго стоять в очереди. Мне кажется, что и физически невозможно так долго выдержать? — спрашиваю я....

— Ваш вопрос объясняю неточностью моего выражения. Конечно, один человек не стоял непрерывно целую неделю, но кто-либо из семейства всегда был в какой-нибудь очереди, так что, собственно, получалось одно и то же. По окончании работы советский гражданин, обыкновенно, спешил не домой, а в какой либо госмагазин. Там в очереди выискивал жену или же сестру и становился на ее место. В очередях торчал до тех пор, пока его кто-либо из членов семейства не сменял. Это продолжалось изо-дня в день и даже ночами. Раньше все таки можно было стать в очередь и ночью. В последнее время к ночи очереди стали разгоняться, потом ночные очереди и совсем запретили. Последнее мероприятие совсем осложнило и без того тяжелую жизнь советского человека.

Да... советский кусок хлеба невероятно тяжело достается: трудно заработать на хлеб, но не менее трудно — купить, и я чувствую, что вам, никогда, вероятно, не голодавшему, трудно понять всю трагичность подсоветских людей и парадоксальности советских действительности. Как я вам сказал, в этом году запретили ночные очереди. Теперь представьте себе, что население узнает, что в госмагазине № X завтра будет продаваться, например, материал для белья, крупа, сало, чай, хлеб и т. д. Советский обыватель прекрасно знает по опыту, что всего этого будет ограниченное количество. Следовательно необходимо словчиться попасть в магазин одним из первых, в противном случае даже не разберут. Заблаговременно стать в очередь строго воспрещается. Сидеть голодному или ходить без штанов

тоже никому не хочется. И вот, например, ваш покорный слуга, вместо того, чтобы спать, уходит в полночь в город. Жена с детьми остается дома. По пути присоединяется ко мне, по предварительному уговору, сестра жены, она же жена известного уже вам моего шурина-коммуниста. Вместе направляемся к магазину. Вблизи магазина вместе прогуливаемся. Но таких парочек там обыкновенно бывало тысячи. Останавливаться нельзя было. Сейчас же могли отвести тебя в ГПУ. Когда наплывалось слишком много народу милиционеры разгоняли их.

Это невольное гуляние продолжалось до утра, вернее, — пока не откроется магазин. Весело — не правда ли? ... Но вот, наконец, раздается с нетерпением ожидаемый звук бряканья ключа в замке магазина. О, Боже!! Что творилось тогда! Вся эта масса „гуляющих“ как с цепи сорвалась. Бешеным рекордным бегом все летело к магазину — занять очередь. В тот момент эту бешеную скачку людей никто не был в силах остановить. Ничего не могло тут сделать и всемогущее ГПУ. Нередко случалось, что после такой гонки некоторых из членов ГПУ находили на мостовой изрядно потоптанными.

Лично в такой момент, держа крепко за руку свою спутницу, тоже что было след, как гончая собака, бежал за ней. Заметьте, много раз пришлось участвовать в этом. Случилось поехать ближе как-то к центру. Очередь была километров.

Перед тем, как идти на работу, свою я уступал жене, которая, передав детей и ребенка соседки, приходила меня сменять. Из очереди я уходил прямо на службу. Конечно, работа после проведенной ночи из рук валилась. Трудно передать таких слов, все те сложные и необыкновенные переживания повседневной советской жизни. Еще труднее понять то, что происходит там. Живу здесь все последние месяцы, кругом всего переизбыток, люди в жире купаются, а там вот при этом за

куска хлеба ночи не спать да еще в дурацких гонках участвовать.

Трудно передать вам всю ту боль и горечь отчаяния, когда я иногда здесь рассказывал своим друзьям жизнь там и вместо сочувствия получаю „врун“. Эх!.. Ну, Бог с ними, эти все равно не поймут. А вот не могу никак понять — почему эмиграция не хочет помочь освободиться своим подъяремным братьям там? Ведь достаточно высадить где-либо на Черноморском побережье 2—3 полка вооруженных людей и дать толчок, так сказать — загреметь ключом в замке, то все коммунистическое в СССР будет вмиг сметено точно так, как толпа сметала коммунистов перед тем, как стать в очередь перед магазином.

Об этих гонках часто вспоминаю и думаю: эти гонки в настоящем являются символом гонок в недалеком будущем во всероссийском масштабе. Один толчок и все полетит к чорту!..

— Ну, а скажите пожалуйста, — прерываю своего собеседника, — вот вы, когда стояли в очередях, не слышали ли вы, чтобы стоящие возле вас выражали недовольствие или ругали большевиков, особенно советское правительство, которое, думаю для каждого ясно, является первопричиной всех нынешних бед?

— Боже упаси — ругать советскую власть, за что тебя загонят туда куда Макар телят не гонял, а там же расстреляют, — час научился ятны трудно совсем не по доволен и что издевательство, как бесчеловечное животное, конечно терпеть. Что на душе такового мирного человека в очереди, после долгого ночного бдения можно догадаться. Это „чужака“ под девятью звездами вернется в одно прекрасное время в жуткое, всего коммунистическое. Когда-то большевики, чае их поражения, бежали при уходе так хлестко, что вся Европа задрожит. Лично имею право думать, что вот эта зверья теперь хлестнут большевики, а народ хлестет его по большему.

ках, да так, что не только Европа, но и целый мир ужаснется.

Помню, например, такой случай: стою это в очереди. До дверей магазина уже было недалеко. Из магазина выходит чернорабочий. В руке держит полученный паек хлеба и рассматривает его с голодным видом. Оказывается, получил не хлеб, а почти что сырое тесто. Его глаза, увидя это, засверкали диким блеском, худое и бледное лицо перекосилось от злобы и внутреннего яростного возмущения, руки конвульсивно сжались и от хлеба осталась мягкая, безформенная масса. „Эх! Где наши пятаки, мать вашу так“ — пробормотал рабочий и ударил с силою тестом об землю и медленным, тяжелым шагом пошел от магазина домой, а может быть на работу.

Стоящие в очереди молча, но с сочувствием на глазах наблюдали эту сцену. Смысл сказанных слов окружающие поняли прекрасно, понял это и стоящий тут-же милиционер. Каждому ясно было, что речь шла о царских пятках, иными словами о беззаботной и сытной жизни в доброе старое время. Все молчали, в душе абсолютно с ним соглашаясь. Если я — иностранец, понял его, то не может быть никакого сомнения в том, чтобы его не поняли местные жители. Во всяком случае, сестра жены, как после я выяснил, сказанные неизвестным рабочим слова расшифровала абсолютно одинаково, как и я.

8. Выполнили и перевыполнили.

— Скажите, что явилось, по вашему, причиной голода в 1932—34 годах? — задаю вопрос своему собеседнику при новой встрече.

— Прежде чем ответить на этот вопрос, позволяю себе ваш вопрос исправить, вернее — расширить. По моему от 1928 года в СССР до настоящего времени не было ни одного года, чтобы не было голода, чтобы население жило и чувствовало себя сытым. В эти годы вечное недоедание было постоянным спутником советского обывателя. От остальных лет зима 1933 и 1934 годов отличалась лишь тем, что вечное недоедание для

много
неуменьш

многих и многих окончилось медленной голодной смертью. Главной и основной причиной хронического голода в СССР является вся система жизни человеческого общества на началах коммунизма.

Для каждого нормального человека есть аксиомой, что человек работает для себя с интересом, увлечением и радостью. И никакого интереса и старания не проявляет человек при работе, если наперед знает, что материальные результаты его труда загребет кто-то, даже если это „кто-то“ есть государство. Но об этом не буду распространяться, ибо это так ясно для каждого более или менее нормального человека. Одни лишь дубоголовые коммунисты этого не могут понять.

Одной же из причин особенно катастрофического недоедания в 1933 и 1934 годах, окончившегося голодной смертью многих сотен тысяч советских граждан, является всеобщее коммунистическое головотяпство. Сейчас, например, там в моде стахановщина, в те годы особенно рьяно культивировался метод „ударничества“. Стахановское движение и ударничество это — родные братья. Главное, чтобы фигурировали рекордные цифры в газетах, а что скрывается за этими цифрами (иногда миллионы человеческих жизней) это, по моему, коммунистических головотяпов совсем не интересует. Культивировалось тогда ударничество и в сельском хозяйстве. А то, так сказать, на перегонки игрались колхоз с колхозом, край с краем. Кто раньше посеет, кто раньше уберет, кто больше соберет и т. д. Конечно, в высоких статистических цифрах были заинтересованы прежде всего господа положения — коммунисты. Они стремились блеснуть высокими цифрами и тем самым сделать себе карьеру. Рядовому колхознику стараться в цифрах было незачем. Эти состязания для него были непонятны, для себя от этого не видел никаких выгод, а кроме того, колхозник, ввиду его рабского положения, вообще привык все делать как раз наоборот, нежели от него требует коммунистическое начальство. Чем больше коммунисты требовали от колхозников, тем обратно пропорционально меньше колхозник в действительности прилагал труда для обработки земли, к своим обязан-

Всего
создать
будет...

ностям относился совсем спустя рукава. В итоге земля была обработана небрежно, посевы были проведены с опозданием, урожай поэтому получился плохой. Коммунистические заправилы это не замечают. Им было важно, чтобы официально их край был ударническим и чтобы хорошие рожи красовались на страницах газет. Достигнуть этого не представляло больших затруднений: составлялись липовые сводки об урожайности и посылались в центр и тем добивались цели. О последствиях эти головотяпы не думали.

Высокие же данные об урожае получались следующим образом: специальная комиссия для определений высоты урожая в крае выезжала в поле, выбирала самую лучшую зрелую пшеницу на корню, скашивала один квадрат метр этой пшеницы и тут же обмолачивала. Конечно, проба получалась высокая. На основании этой пробы определяли высоту урожая целого края. В центре, на основании этих данных, устанавливали другие головотопы, ставки обмолоченной пшеницы для сдачи государству. Конечно, ставки были тоже ударнические. В результате получился узаконенный, невиданный, сплошной грабеж как колхозов, так и единоличных хозяйств. От хлеботороба иногда требовали сдать государству в три раза больше зерна, чем он собрал с поля.

Забрали у хлеботороба, как говорится, под метелку — все, не оставили даже на пропитание, и люди, конечно, мерли, как мухи, ибо не осталось даже кошек и собак. Все было поедено. Безусловно местные представители власти прекрасно видели всю нелепость положения, но отступать от выполнения (иногда и „перевыполнения“!) предписанного свыше плана хлебозаготовок означало для них раскрыть собственное умышленное преступное злоупотребление, проявленное ими при определении высоты урожая.

И вот, как результат такой легкомысленной, (безответственной и преступной деятельности в отношении населения со стороны местных коммунистических правительственных органов, сотни тысяч лучших труженников земли погибли голодной смертью. Между прочим, в СССР дутость и блеф всех сводок и офиц. статистики явление обыденное. Там каждое государственное пред-

приятие всегда „все выполняет и перевыполняет“, и цифры всегда астрономические. А в действительности?! — В то время, как на бумаге „перевыполнено“, в действительности иногда . . . только собираются приступить к выполнению.

Такое коммунистическое безответственное бахвальство и преступный гонор почти всегда оставались без наказания, хотя последствия такого очковтирательства имели иногда катастрофические последствия. Но вот в 1933 и 1934 годах дело с урожаем имело ужасно катастрофические последствия. Каширина расстреляли совершенно справедливо. На его совести сотни тысяч преждевременно угасших человеческих жизней. А Кашириных там очень много, почти все коммунисты. Ведь всей жизнью там руководят исключительно коммунисты. Жалко советский народ. Хороший это народ. Обидно страшно, что им управляют вот такие негодяи. Нет! — Я лично на собственной шкуре убедился, что из хама, действительно, никогда не будет пана . . .

— А приходилось вам видеть голодающих и умерших от голода, — прерываю жуткий и обстоятельный рассказ своего советского внакомого.

— И-и! Сколько еще! . . . В Азове одно время столько было голодающих и умерших от голода, что просто — ужас! Умерших не успевали хоронить. Большею частью это были колхозники из окрестных сел и станиц. Всю трагедию, свидетелем которой я тогда был, нет сил и способности вам передать. Бывало, проходил по улице, — под забором лежат до кости высохшие люди с протянутыми руками и, еле-еле слышным голосом, тянут: „дай, родименький, дай хочь крыхточку хлебушка, хочь корочку, хлебушка дай дядинька, не ел я ничего . . . целую неделю, не дай, родименький, умереть с голоду, Бог тебя вознаградит . . . ой, дай, Христа ради, что-нибудь, умираю совсем . . .“

Этот слабый, но душу раздирающий вопль умирающих под советской властью и до сих пор слышу, как жуткий обвинительный акт большевистских злодеяний. Это до сих пор не могу забыть. А сколько народу погребено на всяких свалочных местах, на всяких отбросах, в мусорных ямах!

На нашей питательной фабрике было, например, специальное место, куда сваливали отбросы, сор, кости и т. д. Конечно, все, что мы выбрасывали, за ночь исчезало. Однажды на фабрике готовили пищу из рыбы. Отбросы из рыб, главным образом кости, были, по обыкновению, выброшены на свалочное место. Представьте теперь наш ужас, когда на другой день утром увидели на этих отбросах несколько человеческих трупов. Оказывается, что голодающие люди поели все эти рыбьи кости и в таком количестве, что это вызвало немедленную смерть.

Я и моя семья, благодаря тому, что я лично работал как раз на питательной фабрике, голодное время пережили сравнительно благополучно и остались живы. Но память об этом жутком времени осталась в моем семействе навсегда: оба старших моих сына от того времени стали заиками. Почему стали заиками? Было дело так. Старший, Петя, ходил в школу. В один прекрасный день, как всегда отправился в школу. В это время, как раз начали появляться в нашем городе голодающие. По пути мальчик встретил человека, высохшего от голода до костей. Ребенок, конечно, очень испугался, приняв этого несчастного человека за Смерть. От страха бросился бежать в первую боковую улицу. А тут ему снова попадает человек, но уже от голода невероятно распухший. В немом ужасе ребенок остановился и не мог дальше бежать. Необыкновенно толстый человек шел-шел, а потом на его глазах упал, некоторое время конвульсивно еще весь дергался. Когда ребенок от первого впечатления ужаса очнулся и приблизился к лежащему, то тот уже был мертвым . . . Первый встреченный, как живая смерть с косою, а потом картина умирающего другого человека, встреченного Петей по пути, так подействовали на ребенка, что, когда прибежал домой, долгое время не мог совсем говорить. Думали уже, что останется на всю жизнь немым. Но слава Богу, отделался лишь тем, что остался с тех пор заикой.

С младшим сыном могло дело окончиться гораздо хуже. Однажды жена послала Колю через улицу к голодающим соседям отнести кусок хлеба и кое-какие дру-

гие продукты из украденного мною с питательной фабрики. Когда ребенок переходил улицу, к нему подскочил неизвестный парень, тоже от голода как скелет, с ножом в руке, и хотел зарезать ребенка, но это ему не удалось. Мальчишка наш, бросив все, вырвался и прибежал домой, онемев от ужаса. Отделался счастливо, но, как видите, тоже заикается с того времени... Да! Нечего сказать, — жизнь веселая и счастливая!! Закончил мой информатор с грустью и усталостью на лице.

9. Тихорецкое восстание.

Меня интересует, что знает человек, приехавший с Родины о Тихорецком восстании. Задаю вопрос:

— А скажите, пожалуйста, что вам известно о восстании казаков на Кубани и вблизи Тихорецкой в 1932 году, осенью?

Как раз в это время я должен был скрываться и жил несколько месяцев в Симферополе. После возвращения кое-что от своих знакомых и приятелей узнал об этом печальном событии только через несколько месяцев, а до этого питался только случайными слухами. В газетах об этом абсолютно ничего не писали. Вернее об этом тогда, начиная с 1928 года, все время писали, но знаете, как это все коммунисты населению преподносят? „Контрреволюция подымает голову, кулаки, остатки белых гадов“ и т. д., а кроме того, начиная с 1928 года, как только начали вводить коллективизацию, целыми эшелонами увозили казаков и крестьян куда-то на север. Коммунисты говорили, что это для поселения на новых землях. Население как-то инстинктивно понимало иначе, т. е. это „поселение“, и считало это своего рода высылкой на каторжные работы. А кроме того, случилось на Кубани в 1932 году, происходило примерно с 1928 года везде, правда — в меньших размерах. Ведь в 1930 году лично с семьей едва спасся из колхоза, в котором работал, вблизи Азова, ночью неизвестно кто запалил все строения колхоза, так спокойно спавшие колхозники едва спаслись к тому, чем спал. Большинство, в том числе и ваш покорный слуга, спасся

в ночном белье. Все сгорело, и даже животные. Перед тем, как вступить в колхоз, я как бы предчувствовал недолговечность и несерьезность целого предприятия, а потому большую часть своих вещей оставил у родственников своей жены, в Азове, а поэтому легко снова стал на ноги. Остальные долго еще жили лишь в ночном белье. Председатель колхоза, коммунист, решил, что колхоз запалили кулаки. Началось всеобщее выписывание в селении кулаков. Везде были слышны крики, рев; слезы и кровь лились рекой. ГПУ усердствовало. Многие поплатились головами совершенно невинно, многие были сосланы без всякого суда и следствия, просто административными мерами, на север, будучи предварительно до нитки ограбленными.

Само собою разумеется, что все „кулаки“ уже и тогда были очень бедными людьми. Это были простые безграмотные люди. Многие из них даже не понимали, — что собственно их обижают, но так как никакой вины за собою не чувствовали, то на дело смотрели просто — „чортово навождение“, а на коммунистов, как на чортовых слуг. Поэтому также неудивительно и то, что пока члены ГПУ очищали хутор от „кулаков“, одного из чекистов потеряли, который бесследно пропал. Видимо, он куда-то ночью пошел и один, а селяне и убрали его, как нечистую силу. А до этого председателя так хватили из-за угла в голову кирпичем, что тот вскоре умер.

И вот такие сцены разыгрывались во всем крае и думаю по всему СССР. Люди привыкли к повседневным душу раздирающим сценам. Для них самая жизнь как-то потеряла цену. Нервы и чувство человечности у подсоветских людей крайне притупились. Царствовал тогда там безграничный и узаконенный разбой и произвол. Никаких гражданских прав и человеческой справедливости там не существовало. И ясно, что — „око за око, зуб за зуб“ широко применялся обеими сторонами. Одним словом, о довольно серьезном волнении населения и избиении коммунистов в большом масштабе у Тихорецкой, население узнало только после ликвидации восстания. В самый момент события не знало ничего, а эшалоны с высылаемыми хлеботоропами считали за

обычное и нормальное явление — кого тогда не высылали?!

Вот здесь, сейчас же на месте, могу присягнуть, что я был свидетелем того, как из того селения, где я работал, послали одного селянина в Сибирь на каторжные работы на 10 лет только за то, что он взял с колхозного поля ровно один кочан кукурузы! Поверьте, если бы население, например, в окрестностях Азова и в других местах узнало, что делается у Тихорецкой, поголовно тоже поднялось бы и начало бы избивать поголовно коммунистических негодяев и гадов. Определенно возникшие затруднения власти использовало бы без раздумья. Но вот беда в том, что о Тихорецком восстании население узнало очень поздно, как говорится — после драки. Власть весьма постаралась о том, чтобы о восстании не узнало жаждущее этого население. — За малейшие подозрительные разговоры тянули людей в ГПУ.

На Кубани представители советской власти своими безрассудными и жестокими мерами, бесконечными издевательствами при выкачивании урожая в 1932 году довели население до того состояния, когда люди совершают нечто невозможное, отваживаются на самые отчаянные поступки. Накопившаяся в течение многих лет неприязнь и страшная ненависть населения к Сов. власти прорвала тогда все задерживающие гати. В отличие от других районов, население здесь начало открыто, всей массой убивать бесчисленных представителей власти. Колхозы, совхозы и другие чисто большевицкие заведения быстро ликвидировали. Быстро с организовали народные боевые отряды и открыли против власти правильные боевые действия. Долго и упорно, беззаветно храбро защищались. Говорили, что колхозники, как львы, с вилами и палками бросались в бой с коммунистами, до зубов вооруженными, и гнали их. Но, конечно, долго это не могло продолжаться. Сила солому ломит. Неосведомленное население окрестных станиц не смогло поддержать движение. В конечном результате, под напором множества регулярных частей, вооруженных в изобилии всеми видами современного вооружения, восставшие принуждены были сдаться красным. Правда, сдалось мало

народу. Преобладающее большинство восставших пало на поле боя, в неравной борьбе защищая свой угол. Сдавшиеся (говорили) были поголовно тут-же на месте уничтожены без остатка, не исключая и детей. Факт восстания тогда казаков на Кубани очень встревожил представителей советской власти на местах. Например, даже в Симферополе это было заметно на коммунистах, но, к сожалению, никто из простых смертных не мог толком объяснить, что этому было причиной. Судя по сему можно предполагать, что коммунисты по всему СССР знали о восстании и поэтому, видимо, были приняты ими соответствующие меры для того, чтобы это восстание не приняло характера всенародного по всему СССР.

Народная тачная молва и до сих пор говорит об этом восстании с сожалением, как об упущенной возможности. Я думаю, что после всего рассказанного теперь будет нам понятна причина той особой нежной и искренней любви к казакам со стороны народной массы в СССР. Она помнит их первую героическую борьбу с большевиками, на них произвело громадное впечатление Тихорецкое восстание с голыми руками. Казаки в их глазах стали постоянными героями. О героизме казаков говорят сами коммунисты — мои приятели при выпивках. А ведь что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Например, самым популярным писателем в СССР — Шолохов с его произведениями „Тихий Дон“ и „Поднятая Целина“. Эти его романы читаются населением, как говорится, забором.

При чем интересно отметить, что все его другие произведения, которые касаются общероссийских тем, считаются неинтересными и населением почти совсем не читаются. Я, например, даже не знаю их названий. А вот „Тихий Дон“ и „Поднятая Целина“ это — другое. Даже мой сынишка, как убедитесь потом, знает содержание этих романов от начала до конца, а ведь он не кончил даже школу первой ступени. Шолохова все там любят.

— А как относятся к Максиму Горькому?

— О Максиме Горьком мало знаю. Вот сынишка вам о нем скажет больше. Они учили это в школе. Говорят, что он когда-то был босяком, потом стал коммунистом, этого вполне достаточно для того, чтобы на-

род его произведениями не интересовался. Лично я ничего не читал от Горького, а потому даже незнаю, — о чем он, собственно, пишет... Да! — чтобы не забыть, — разрешите передать вам один из самых новых советских анекдотов: В купе поезда едут два коммуниста и один кавказец. Коммунисты живо беседуют; кавказец, напротив, молчит, слушает и наблюдает. Один из коммунистов роняет фразу: „Да, тяжело теперь стало жить у нас — хлеба мало, материи недостает, ботинок совсем нельзя купить“. Другой отвечает: „Ну, ничего, товарищ, покрепись еще немного, будет все у нас. Вот в Москве, говорят, уже хорошая богатая жизнь настала. Всего там можно в изобилии достать“. — „Я же думаю, — отвечает ему первый, — что в Москве так же трудно живется, как и у нас. Хорошо живется там, где нас нет“.

Тут, вдруг, вскакивает кавказец и вставляет: „Ах! разлюбезный душа мой, товарищ, какой ты большой правда сказал. Эх! Как харашо жывотса там, гдэ вас нэт!“.

— А скажите, пожалуйста, где вы слышали впервые этот анекдот?

— Первый раз услышал я этот анекдот на той фабрике, где я работал, от рабочих ребят. Но этот анекдот приличный и его можно рассказать в обществе, а сколько таких политических анекдотов неприличных — только для курящих!?. Вот если бы вы послушали! И откуда это все у людей берется. Как правило, героями анекдотов являются коммунистические вожди со Сталиным во главе.

10. Безпризорники.

— Не приходилось ли вам встречаться с беспризорными детьми и есть ли еще там они? — спрашиваю я с целью получить всестороннюю информацию.

А как же? Да сколько! Советы стараются беспризорников уничтожить. Но, по моему мнению, этого они никогда не достигнут. При настоящих тяжелых условиях жизни там, не серьезном и аморальном отношении мужчины к женщине и обратно, советы от этого явления не избавятся. В Азове, например, есть и сейчас це-

лый интернат с беспризорными детьми. Их там учат, дрессируют. Но до сих пор результаты всегда были печальными. Не удастся этих детей перевоспитать. Дети чувствуют, что нет у них самого дорогого для ребенка — родителей. Поэтому у них постоянное чувство неудовлетворенности своей судьбой, и они всегда злы на все их окружающее. Это — единственные, так сказать, граждане в СССР, которые открыто, абсолютно никого и ничего не боясь, ругают всеми отборными словами коммунистов и советскую власть. Им терять нечего. Жизни не видели. Ведь это дети от 8 до 14 лет — советские. Но что это за дети!? Уверяю вас, что вы нечто подобное никогда не видели. Да, ужасно — до чего доработались большевики! Представьте себе ребенка, этак лет 10, с цыгаркой во рту, руки в бока, босого, разломаченного, полуголового, грязного, с вызывающими, как у ястребенка, глазами, — и будете иметь подлинную фотографию беспризорника. Если что скажешь ему напротив, в долгу никогда не останется да еще самыми отборными словами обругает. Точно такие же и девочки, беспризорницы. Если обидит их кто-либо, обязательно того заколят или же на всю жизнь искалечат. Самое лучшее, — их не трогать и Боже упаси — обидеть. Выследят, выгледят, выберут удобный момент и как осы вас заклюют. В Азове было несколько случаев убийства людей беспризорниками. Виновника, конечно, не нашли. В школе в Азове одна учительница особенно была строга к беспризорникам. За это ее убили. Власти попытались было найти виновников, но напрасно. Когда появились перед школой милиционеры и вооруженные члены ГПУ, их дети из-за баррикад встретили стрельбой и завязалась перестрелка, которая превратилась в настоящее сражение.

Где дети достали оружие, я лично и до настоящего времени не знаю. Так таки детей силой оружия и не взяли. Все таки, на глазах у людей чекисты постеснялись убивать детей. Пустились на хитрость: начали вести с ними переговоры, обещая никого не наказывать и только этим способом удалось этот инцидент ликвидировать без больших потерь. В перестрелке три милиционера были ранены. Полицейские органы, конечно, данное слово не

том в руке с повозки и направилась к пацану. Но тот тоже не дремал. Быстро поднявшись, и натягивая штанишки, отскочил от лошади, но продолжал бабу дравнить:

— Ого-ого! Какая тетенька то сердитая!.. Ишь, ты умная какая тетя... А не знаешь еще, что на государственной земле где захочу, там и сяду?.. Ну, так чего-ж остановилась?.. зажарим на перегонки?.. чего дурака валять! — продолжал мальчишка, язвя женщину.

Эта необычная картина произошла так быстро и неожиданно, что я, наблюдая за ней, лишь в самый последний момент заметил как в это время два другие малыша шмыгнули, как мыши, с узлом колхозницы в руках с воза и скрылись за углом. Заметив, что его товарищи с добычей скрылись за углом, сорванец деловито повернулся и спокойно — не спеша, пошел в другую сторону, перестав обращать внимание на кричащую колхозницу. Баба вскоре потом села снова на воз.

Через небольшой промежуток времени появился у воза мужчина, повидимому муж колхозницы, с наполненным мешком на плечах.

— Да, дә цә ты, Степане, так довго ходыв? — сердито, под влиянием еще пережитого инцидента с беспризорником, пустилась жена на мужа.

— Дә-дә! Не знаешь дә?.. защищается муж, опускающая одновременно мешок с купленным добром на воз.

— Оксано, а дә-ж вузіл з матэріей? — через некоторое время спрашивает Степан, не видя на возе узла, который осталась охранять жена.

— Та, відомо дә — під соломой! отвечает, не оборачиваясь, сердито жена.

— Нычого не выдно під соломой!

— Та, шо-тобі вже повилазило?! — резко отвечает жена, и одновременно встает и подымает сноп солом.

— О, Боже-ж мій! Люды добрі, та дә-ж це воно ділось? — закричала колхозница в недоумении, не увидев под соломой узла с купленной материей... Так бедная колхозная пара и уехала, не узнав, кто украл их добро. Чистая работа.

* * *

В интернате, обыкновенно, беспризорник живет так долго, пока ему там не надоест. Как только надоело — убегает. Летом беглецы направляются на север, перед наступлением зимы пробираются на юг — в Баку, Тифлис и т. д., точно как птицы. Передвигаются по благу, летом — под вагонами поездов, зимой — под паровозами. Но на чем они сидят под паровозом и до настоящего дня не имею представления. В Батайске, на вокзале, я много раз был свидетелем как ребята вылезали из под паровоза, обыкновенно, от нефти черные как чертенята, — блестели одни глаза. Вылазили на другую сторону от вокзала и сейчас же скрывались, боясь попасть в лапы ГПУ.

Часто приходилось там же наблюдать как Азовские ребята, отправляясь в далекий неизвестный путь, как перепелки порхали под паровоз и между колесами на осях скрывались.

Паровозная прислуга их не трогала. Наоборот, часто приходилось слышать как машинист или кочегар заметив, что под паровозом находятся малыши, перед тем, как дать ход поезду, кричали им: — Ну ребята, держись теперь, — пускаем...

И ребята держались и ехали вдаль — в неизвестность, покидая быть может навсегда Азов — место их тюрьмы.

Да... растет там пополнение отчаянное. Между прочим, между беспризорниками попадает много детей с очень хорошенькими, интеллигентными и породистыми лицами. Видно, что родители их принадлежали к лучшим слоям населения. Бесконечно жалко этих невинных и несчастных жертв жестокой русской революции!

„Едет, едет скорый поезд
Прямо на Москву! —
Я залез на верхнюю полку
И по благу сплю!“ —

весело, разухабисто и задорно, обыкновенно после какой-либо воровской удачи, поют беспризорники, сглаживая тем беспросветную и безрадостную и совсем не детскую жизнь. И как-то теплеют тогда злобные выражения этих детских лиц. Один факт существования со-

111

тен тысяч, а может быть и миллионов, несчастных, ни в чем не виноватых, беспризорных детей является жестоким укором не только советской власти, их породившей, но и всего культурного человечества...

11. В бегах.

— Вы мне говорили, что должны были скрываться в Симферополе, можете ли мне сказать, что послужило причиной этого вашего бегства?

— Дело было так: после того, как выгорел тот колхоз возле Азова в 1930 году, о котором я уже вам рассказывал, некоторое время я был без работы. Но продолжалось это не долго. Скоро я устроился, вернее — меня принял один из колхозов в селении Кагальник хлебопекарем. В этом селении я скоро сделался председателем профессионального рабочего союза. Это дело чуть-чуть меня не погубило. В это время с Кубани был большой прилив беженцев-крестьян и казаков, раскулаченных на Кубани. Без удостоверения, что они являются членами проф. союза их ни в один колхоз не принимали. Словом, люди попадали в безвыходное и дурацкое положение. Большинство этих землеробов были со своими семьями. Привалило их и в наш колхоз. Что мне оставалось делать?... Оставить их умирать с голоду?... Я стал выдавать им необходимые удостоверения. И, таким образом, косвенно помог этим людям, как-то пристроиться. Но кто-то об этом моем „самовольстве“ донес в ГПУ. Как только дело запахло ГПУ (приятель мой во время меня предупредил), я скрылся. Иначе, конечно, мне пришлось бы гораздо более важное дело и отправили бы на поселение на север, откуда, Бог знает, — когда бы вернулся...

— А что, разве таким способом можно было избавиться от преследований ГПУ?...

— Да еще как!... Как видите, открутился благополучно. Этот способ спасения своей шкуры в СССР. очень и очень часто применяется. Это — самый распространенный способ. Человек в Ростове „нырнет“ Ивановым, а где-нибудь на Урале или в Закавказьи

„вынырнет“ Кирпичевым и под этим именем там продолжает жить. Документы за деньги может достать какие угодно. Люди здорово себе набили руку над изготовлением самых различных документов, да так, что даже ГПУ не может к ним придраться. Вообще жизнь там „развеселая“. Я вот вначале говорил вам, что работал в артель-кооперации и как, в конце концов, артель эта потерпела крах, но забыл сказать о некоторых, может быть интересных для нас, деталях. Это убыточное предприятие, всеми правдами и неправдами, просуществовало почти 4 года. Махинации „трех жуликов“ проходили благополучно. Предприятие это, может быть, и сейчас существовало бы, если бы не случилось следующее, для людей Европы не совсем нормальное, происшествие: в августе месяце прошлого года наш директор уехал на курорт, подлечиться. Прошел месяц, его нет; прошел другой, тоже нет. А тут возьми и кассир с бухгалтером исчезни. В общем, „три жулика“ что-то почувствовали неладное и решили заблаговременно скрыться из Азовского района. Событие немаловажное. Начались расследования. Дело передали государственному прокурору. Последний, как только получил соответствующее приказание, тоже, так сказать, эмигрировал. Как оказалось потом, он тоже был замешан в проделках наших „трех жуликов“. Мы же, „ревизоры“ социалистического предприятия, остались все при пиковом интересе. Предприятие это государство закрыло, а рабочих же, как неблагонадежный элемент, выбросило на улицу без права поступления куда-либо на другую работу. Главная причина такого жестокого мероприятия со стороны правительственных органов заключалась в том, что мы не донесли своевременно, куда следует о действительном состоянии дела и хроническом жульничестве. Чудаки!... Донести на коммунистов?! Нет, волчий билет лучше. По крайней мере остается возможность всяких комбинаций на свободе, а в случае доноса непременно угодишь в Соловки, а там уверткам места нет. Попасть на каторжные работы, это значит — верная кандидатура на тот свет. В заключение подчеркиваю, что случай с нашим предприятием — дело самое обыденное. Там, вот сейчас, „стахановскими тем-

нами“, расстреливают людей, приписывая троцкизм. Все это ложь! Коммунисты привыкли грабить, сперва грабили собственников, а потом, когда всех их ограбили, по привычке принялись за свое социалистическое... Когда гулял грабеж собственников, правительство молчало и даже поощряло, но когда дело дошло до грабежа социалистической собственности, начинают расстреливать. В настоящее время, чтобы коммунисту внушить уважение хотя бы к социалистической собственности, действительно, ничего не остается, как их пачками расстреливать, а может быть даже всех, ибо воровско-грабительский инстинкт у них сидит глубоко. Перевоспитать их трудно.

* * *

Вот один характерный случай, который произошел весною этого года: в одном селении, недалеко от Ростова, жила старая-престарая набожная женщина. Все соседи в шутку называли ее — „Божья старушка“. Жила она одна. Еще с царских времен оставались у нее кое какие дорогие вещи. Боясь, чтобы у нее все не забрали, она эти вещи тайно реализовала. Вырученные деньги, по старорежимной привычке, вложила в сельскую государственную сберегательную кассу. Всего было что-то около 300-хсот рублей. Вложив эти деньги, сама она жила очень плохо, кормясь тем, что ей дадут люди. Нуждалась очень, но держалась, ибо потребности ее были весьма невелики. И вот, однажды ночью, к ней кто-то постучался. Открывает. Трудно представить весь тот ужас, какой старушка, вероятно, пережила увидев на пороге, черного как смола, живого чорта, даже с рогами на голове.

— Бабка, — говорит чорт, — приказываю тебе, чтобы деньги которые имеешь в банке, из банка взяла и передала мне. Завтра в 12 часов ночи я к тебе за ними приду. Если к этому времени не будешь иметь деньги, приготовься тогда к отходу в ад. Буду там тебя печь на всех своих раскаленных сковородах. А если принесешь деньги, дам тебе пропуск в рай! — проговорил чорт и, как бы испарившись в ночной темноте, исчез.

В ту ночь от смертного страха старушка совсем

не спала, не могла дожидаться дня, и все время думала, — когда же это она могла так сильно нагрешить? На другой день утром старушка отправилась за деньгами в банк. Но в советский банк так легко и без препятствий можно вложить, но не так просто получить обратно. Одним словом, кассир, следуя директиве свыше, старался отсоветовать старушке брать деньги, упорно выпытывая, — зачем ей так вдруг понадобились деньги. Долго таила она действительную причину.

— Да, дай мои деньги, родименький, — наконец не выдержала старуха, — а то чорт сказал, если не отдам ему все мои деньги, будет печь меня на сковороде.

Финал сего события был таков: Кассир старушке деньги выдал. Одновременно предупредил, что на ночь к ней пошлет людей от ГПУ, которые попытаются чорта изловить, и чтобы она ничего не боялась и деньги в установленный час чорту передала.

Действительно, ровно в 12 часов ночи чорт появился. Получив деньги, он уже хотел было уходить, но в тот момент был схвачен, словно тисками, несколькими сильными руками выскочивших из засады людей ГПУ, и — ах!.. Каково же было изумление всех, когда увидели, что чортом оказался сам председатель сельсовета, весьма искусно загримированный под чорта, коммунист, член партии, грозный, некоронованный король всей деревни. Впоследствии судебные органы этому коммунисту пришили ярлык троцкиста. Что сделали с ним не знаю. Но, видимо для назидания и другим коммунистам, чорта этого показывали в биографах. Вот вам и троцкист! По-моему, это был типичный коммунист, не поборовший своего грабительского и воровского инстинкта.

— Вы сказали „набожная старушка“. Разве еще есть религиозные люди и таковым позволено наглядно выявлять свою религиозность? Ведь большевики с религией жестоко боролись и борются, церкви позакрывали, священников порасстреливали, а мы же сослали на Соловки?..

— Да, но религия и религиозные люди там были и есть. Есть и жестокое гонение и преследование, но, тем не менее, совсем уничтожить религию коммунистам

не удалось, да и не удастся, пожалуй. Несмотря на все строгие и кощунственные меры, там и сейчас есть священники, которые выполняют требы. Ходят в своих старых одеждах. Много людей, особенно колхозников, жителей станиц и хуторов регулярно посещают церковь. В Азове главный собор разобрали. Когда разбирали, несколько человек коммунистов сорвалось и разбилось на смерть. Народ говорил меж собой, что это Бог их наказывает. Осталась в Азове одна крепостная церковь. В этом году на Пасху столько было в ней народу, что негде было яблоку упасть. Даже были случаи, что падали в обморок, до того было тесно. Много там было и коммунистов. Но они объясняли свое присутствие тем, что им необходимо наблюдать. Лично я знаю случай, когда родители-коммунисты тайно крестили своих детей. И это было не так давно. Старые люди всегда оставались религиозными. Но и молодежь тоже начинает возвращаться к религии. Из большевицкой антирелигиозной пропаганды ничего не вышло.

* * *

— Ваш сын был пионером. Это значит, что вы хотели из него воспитать сперва комсомольца, а потом и коммуниста?

— Не совсем так. Старший сын мой действительно был пионером. Сложившиеся семейные обстоятельства принудили тогда меня дать сына в пионеры. Я работал с утра до ночи, жена тоже. Ну что оставалось делать? Куда денешь ребенка? Жена не могла дома оставаться по той простой причине, что моего заработка не хватало на пропитание. Вот и определили ребенка к пионерам и работали вдвоем. А кроме того, в коммунистическом духе воспитывают не только в пионерах, этим пичкают всех вообще детей, начиная с начальной школы. Если родители не будут следить за ребенком, то последний, не будучи даже пионером, будет пропитан коммунистическим духом. Я, например, строго настрого приказывал сыну, чтобы он всему тому, что говорят в школе не верил, и он всегда за объяснениями обращался ко мне. И знаете, приходилось слышать от ребенка

иногда курьезные вещи. Вот, например, однажды сын говорит мне: „Знаешь, папа, мы сегодня учили о Троцком. Учитель говорит, что Троцкий это — как бы царь возле Гитлера и самый большой враг народов СССР.“ Ну, а я сына и спрашиваю, а „не говорил ли вам ваш учитель в школе о том, что Троцкий был правая рука Ленина и один из главных работников Советской власти? „Нет, не говорил“ — отвечает сынишка. „Ну так вот, ты его об этом спроси, а если будет тебя спрашивать, откуда ты это взял, скажи, что слышал на улице, как это говорили люди между собой“.

Как потом я узнал, сынишка мой действительно спросил об этом учителя. А тот так растерялся от этого вопроса, что намолол ребятам, боясь уклонов, всякой чепухи. Ребята же из объяснений учителя вынесли свое заключение: „Гляди ребята, как наш желторотый забрежался“.

Вообще приходилось изо дня в день бороться и выправлять школьное воспитание и внушать ребенку осторожное отношение к тому, что говорят в школе. Однажды, например, спрашивает меня сынишка: „Правда ли, папа, что за границей рабочие должны работать, как рабы, при том над рабочим всегда стоит его хозяин и подгоняет его кнутом, а если рабочий плохо работает, то хозяин до смерти избивает его?“ Это, конечно, ребенок принес из школы.

Пришлось объяснять ребенку, как говорится, с молоком на губах, о положении рабочего в Западной Европе. Помню — уже переехали мы польскую границу, лично я переживал какое-то внутреннее волнение при виде знакомых городов, местечек и деревень. Наконец, я на родине! Вдруг ко мне обращается старший сынишка и говорит: „А ты, папа, был прав, вот сколько мы едем, — все наблюдаю за работающими в поле и знаешь, не только их никто не подгоняет, но даже не видеть, чтобы кто либо наблюдал за ними. Все работают, весело смотрят на поезд и машут руками. А знаешь, папа, сколько здесь толстых людей, аж страшно смотреть. Да и те, что в поле работают, краснощекие, полные и свежие и все хорошо одетые, не то, что у нас!“...

Эта наблюдательность сына меня очень поразила,

ибо он повторил и мою мысль, возникшую под впечатлением наблюдения над людьми, встречающимися после переезда советско-польской границы. Вид людей, толпы в Европе и в СССР представляет самый резкий контраст. Жизнь подсоветского человека отчетливо выявлена на внешнем облике толпы. Этого ничем не скроешь. Хмурые, забитые, замкнутые люди, без единой улыбки на лице, нищенски одетые, никак не могут производить впечатления людей, живущих „сытно, свободно и весело“, как об этом пишут все советские газеты...

12. Красная армия.

— Скажите, пожалуйста, а что представляет из себя Красная армия? Обучена ли она, как живет солдат в ее рядах, и будет ли она биться за коммунистов и советскую власть, если возникнет внешняя война?

— Красная армия в СССР находится на особом привилегированном положении, почти равном положению частей внутренней охраны из ГПУ. Солдат, сравнительно с остальной массой населения, прекрасно кормят, недурно одевают, а для молодых людей это, собственно, главное. Внешний вид хороший. По крайней мере, на меня проходящие части производили всегда сильное впечатление и особенно казачьи кавалерийские части, с их замечательными, залихватскими песнями. Я думаю, что кадровый состав, т. е. части действительной службы с внешним врагом драться действительно будут и, пожалуй, хорошо будут драться. Но как только Красная армия пополнится запасом, дело сейчас же пойдет на крах, штыки немедленно будут обращены против властвующей коммунистической элиты и ее пособников. В этом не может быть никакого сомнения. Злоба всего населения против Советской власти колоссальная, и ясно, что население не замедлит воспользоваться случаем, который они ждут с нетерпением. Одним словом, — Красная армия готовится только к скоротечной войне. Что касается командного состава, то здесь дело обстоит еще хуже, ибо, как общее явление, он малоинтеллигентный: здешний простой отделенный, по моему, по своему раз-

витию выше стоит нежеле советский капитан. Конечно, есть между ними исключения, но это люди явно непролетарского происхождения.

Интересно, что части Красной армии боевых патронов на руках не имеют. Боевые патроны выдаются политическим комиссаром на учебной стрельбе, и то лишь в порядке стрельбы, каждому столько сколько должен выстрелить. У казачьих командиров, например, дула револьверов залиты — так что револьвер носится ими фактически только для большей парады, т. к. стрелять из него нельзя.

Возвращающиеся с военной службы, попадая в тяжелые советские условия жизни, быстро вылечиваются от коммунистического политвоспитания. Нередко приходилось мне слышать от недавно отбывавших воинскую повинность и такие реплики: „Погодите, сволочи, в конце концов винтовка снова попадет в мои руки, — буду умнее, буду знать против кого ее употребить“.

Не удивляйтесь этому. На службе солдат привык к сытой жизни. Возвращаясь домой он находит выбивающуюся из сил полуголодающую жену. С первых же дней и сам должен привыкать к полуголодной и холодной жизни. Конечно, он сравнивает мрачную действительность с тем, что ему говорили на военной службе и обнаруживает, что их там просто обманывали. Вот и кроет матом.

* * *

В это время вынимаю из кармана случайно попавшийся номер газеты „Возрождение“. На первой странице под заглавием — „Двадцатилетние достижения“ нарисована карикатура: шестнадцать босых мужиков, в разорванном тряпье, тянут, по колена в грязи, трактор. На тракторе — в перчатках сидит разжиревший, с советскими эмблемами, тип; в зубах его дымящаяся сигарета, лицо полно внутреннего удовлетворения и безопасности. Под карикатурой приписка: „Работа трактора“.

Желая удивить своего информатора показываю ему эту карикатуру и спрашиваю: Подобные вещи вы, вероятно, в Советской России не видели?

— Вы жестоко ошибаетесь, господин инженер, отвечает после некоторой паузы мой собеседник, предварительно внимательно просмотрев карикатуру, — это верно, на бумаге что либо подобное я там не видел, но зато точную картину я там видел в действительности. Даю вам мое честное слово эта картина нарисована с натуры советской повседневной жизни. Это, по моему, не карикатура, но поразительно удачный набросок сцены из жизни колхозников. Ведь, подобные картины там и сейчас на порядке дня. И особенно в этом отношении выделяются 1932—1934 года. Помню осенью 1933 года в колхозе, в котором я работал, было около 60 пар колхозных лошадей. Были то лошади худые, незавидные, но все-таки еще долго бы исполняли свою работу, не раздайся в это время голос „светлейшего“ из Кремля: — „Лицом к трактору“. Ясно, что все незамедлили последовать приказанию, кому-же охота тяжело работать, а самим от своих трудов почти ничего не иметь. Повернулись лицом к трактору основательно. На лошадей, как на ненужных уже домашних животных основательно махнули рукой — дескать, трактор не подгадит. Когда пришла весна — время пахоты, то оказалось, что из 60 пар лошадей осталось всего лишь 17 штук. Остальные подошли от голода, т. к. присмотра не было, лошадей почти совсем, за ненадобностью, не кормили. „Зачем кормить“, говорили колхозники — „когда сам Сталин приказал, что теперь надо работать трактором“. Но вот когда началась пахота, то крестьяне воочию увидели — какое „их светлейший“ дурацкое приказание дал. Выехали это тракторы орать. Легко пошли по еще мягкой черноземной земле. Смотрят на них это крестьяне и чудом чудуются — гляди, Петька, теперь ня будешь ходить от рана до вечера за плугом, он тебе трактор все сам заорет, — говорили один другому. Но удивление продолжалось не долго. Прошлись это тракторы по несколько раз по полю — да и стали. Да как стали — так больше и не двинулись. Что делать?! Ни сюда, ни туда! Стоит себе, как зарезанный. Лошадьми помочь — от голоду на ногах не стоят.

— „Эй, Петька, Ванька, тащи-ка сюда дрюки, бичевки, мы ямú паможем“. Притащили дрючки, ве-

ревки. Прикрепили за трактор. Впряглись, вот точно так, как здесь нарисовано и потащили в мастерскую тракторной бригады. Трактор за трактором. Там их поразбировали и начали справлять. Подходит время конца пахоты, а они все себе там справляют. Крестьяне в панике. Бросились к лошадям. А тех осталось всего 17 штук, при чем ни одна из них не была в состоянии стоять на собственных ногах. Начали их отхаживать, кормить. А для того, чтобы оставшихся живых лошадей снова приучить стоять на собственных ногах, наделали веревочных сеток. Сетками подхватили лошадей под животом, веревки от сеток перекинули через трамы и подняли их с земли. В результате получилась картина: в конюшне не стояли лошади, а висели. В конце концов, удалось спасти всего лишь 5 лошадей, иными словами в течение зимних месяцев погибло 115 лошадей. Когда крестьяне увидели, что тракторы „подгадили“, а лошади подохли, пахать нечем было, и дело запахло голодом, впряглись сами человек по 15—20 в букари да и начали пахать способом, который практиковался в древние времена. Тракторы исправили к косовице, да не было что косить, ибо собственной силой не так то много наорали и засеяли. Вот вам и „работа“ трактора,— закончил с грустью в очах мой собеседник.

13. Голод.

— Но все это семечки, — вдруг снова заговорил рассказчик — вот что было после такой „обработки“ земли тракторами!... Это, да!! Результаты обработки земли, как говорили товарищи, по последнему слову науки и при применении всех средств технических достижений, получились неожиданно небывалые. Многие и многие, сотни тысяч невинных людей заплатили за это — безответственное головотяпство, вернее за „лицом к трактору“ своей жизнью. Видя катастрофическое положение дел в колхозе, взвесив все, я пришел к окончательному заключению, что если останусь в колхозе — определенно со своим семейством умру с голоду. Посему немедленно бросил этот колхоз и подался в город Азов. Шаг, сделанный мной, был, как оказалось впоследствии,

правильный. Действительно, большинство колхозников — моих коллег погибло в этом году от голода. Разыгрывались там душу раздирающие — невероятные сцены. Умерших от голода возили из окружающих колхозов и деревень в братскую могилу штабелями на повозках и все-таки не успевали убирать мертвых. Были деревни и колхозы, где поголовно все население погибло от голода. При въезде до таких сел или же колхозов вывешивали черный флаг. Жуткое время было, тяжело вспоминать. В Азовском пригородном колхозе, расположенном в бывшем имении Магинского, произошел особенно ужасный случай: одна колхозница этого колхоза съела собственного ребенка.

Дело было так. Причем, прежде должен сказать Вам следующее: человек от голода сначала сохнет, на лице и на всем теле появляется густая растительность волос, получается впечатление, что на всем теле начинает произрастать мох. Но вот этот мох начинает неожиданно исчезать, человек в это время начинает пухнуть. Пухнет, обыкновенно, до невероятных размеров, причем волосы на голове у такого человека начинают торчать, как стрючки. У женщин, при таком состоянии, вместо головы на плечах получается совсем как бы метла. Если бы человек не видел, то никогда не мог бы себе представить, поверить, что так длинные волосы на голове и так могут сильно наежиться и стоять совершенно ровно, торчком. Это признак последней стадии голода. После этого человек обыкновенно вскоре умирает.

И вот, когда эта колхозница, фамилию ее к сожалению не могу сейчас вспомнить, почувствовала приступ этого состояния, взяла своего двенадцатимесячного сынишку и отправилась по дороге в Азов. Когда ее спрашивали соседи — куда, отвечала что решила отнести ребенка в Азов, а то нет больше сил его кормить. На пол-пути свернула в балку. Там своего ребенка зарезала, повырезала куски мяса, сердце, печенки, все что можно было сварить и съесть, а остальное, прикрыв землей, оставила в лощине. Выждала положенное время, необходимое на путь в Азов, и вернулась к себе домой.

Случилось это событие в конце ноября, датум дня сейчас уже не помню. В тот день по той же самой до-

роге возвращался из Азова ночной сторож того же колхоза Батунов. В стороне от дороги видит массу ворон, которые производили невероятный крик. Решив, что быть может вороны заклевали яйца и он, голодный сможет поживиться им, Батунов бросился к месту, которое облепили каркающие вороны. И вместо зайца нашел детские обглоданные кости, вместо глаз на лице были лишь пустые дырки, вместо лица и головы оставались лишь самые кости, одним словом все что было можно съесть вороны уже успели основательно обглодать.

Увидя такую картину, Батунов поспешил в колхоз. Там немедленно явился в управление колхоза. Как раз все высшее колхозное начальство, состоящее из директора колхоза Тарана Федора, уроженца станицы Александровской, секретаря ком'ячейки Туповузова и председателя профессионального рабочего союза Ивана Васильченко, было, как говорится, в полном составе. Все это были коммунисты.

Батунов немедленно сообщил им о том, что он видел по дороге из Азова. Существовал какой-то правительственный декрет, в котором как-будто говорилось, что правительственным органам на местах необходимо всячески поддерживать произрастание молодого поколения. Следуя, таким образом, директиве свыше и боясь всяких уклонов от партийной линии, начальство колхоза решило сейчас же произвести по всем строгостям существующих декретов подробное расследование сделанного сообщения. Так как в колхозе не осталось лошадей даже для начальства, то к месту события отправилось все начальство по глубокой грязи на своих отцовских. Действительно, сообщение Батунова подтвердилось. Решили искать родителей ребенка. Пошли по колхозникам, которые имели малых детей. Обходя так двор за двором, наконец зашли все в дом и к колхознице, которая совершила преступление. Колхозницу застали как раз у стола, последняя даже не обратила внимания на вошедших и продолжала с аппетитом поедать вкусно-пахнущий, наваристый суп.

— „Где твой ребенок, гражданка?“ — спрашивают вошедшие. — „Сегодня отнесла его в детский приют в Азове, не было чем кормить, так я его и отнесла туда.

Муж умер с голоду, а я тоже вероятно умру в скором времени, ибо нечего есть. Решила спасти хотя бы ребенка, вот и отнесла“, — отвечает колхозница с удивительным спокойствием, граничащим с состоянием апатии.

— „Ну, а это из чего ты себе суп приготовила?“ — пробуя суп, спрашивают вошедшие.

— „Поймала кошку, зарезала, сварила и ем“, — отвечает все тем же тоном колхозница.

Суп был, как говорило после полуголодное начальство, очень вкусный. Но что за мясо в нем было не могли, конечно, определить. Было то мясо — как мясо. Могло то быть действительно кошечье мясо, но могло быть и людское. По вкусу и виду разрезанное и сваренное мясо без костей, нельзя было определить кому принадлежало.

Отправились в Азов за поисками ребенка колхозницы. На всякий случай в доме колхозницы оставили часовых из членов местного ГПУ. В Азове прошли все приюты для малолетних, но ребенка колхозницы не нашли. Было ясно, что найденные кости в поле принадлежали ребенку этой колхозницы. А так как кошки в колхозе и в окрестностях были в то время редкостью, все-равно как белая ворона, то тоже было ясно из чего был приготовлен суп, который с таким аппетитом ела колхозница. Колхозницу сейчас же взяли под арест и отправили в Азов. При допросе там она после в своем преступлении созналась. Дальнейшая судьба колхозницы для всех осталась неизвестной. Но, конечно, всем было ясно, что правительственные органы будут стремиться такое невероятное событие и его участника спроводить со света. Главное, конечно, боялись того, чтобы об этом не узнала Европа.

Позже я часто встречал Туповузова, Васильченка и Тарана. Все три были мои хорошие знакомые и даже приятели. С ними я был даже на ты. Подружились со мной, главным образом потому, что я большей частью был или поваром или помощником повара, или же хлебопекарем. В общем моя должность была чаще всего по съестной части. А это при советской жизни явление немаловажное. Особам, работающим по съестной части было одно время (1932—1934 г.) так, что даже начальники

ГПУ мило улыбались и заискивали, тем более рыбешка помельче. Все эти три коммуниста прошли огонь, воду, дым и медные трубы. В общем ребята — оторви да брось. Когда бывали в Азове, всегда заходили в наш общественный питательный пункт — артель кооперацию. Я им подавал как можно больше и лучшее. За это они платили той монетой, что я абсолютно о всем знал — т. сказать из первоисточника. Иногда над ними я и подтрунивал: „Кушайте, кушайте, ребятки, себе на здоровье, а то как я вижу в колхозе доработаетесь до того, что, наконец, взаимно поедите себя“, — намекая тем на обнаруженный факт людоедства в их колхозе. — „Но, ты Андреич, не вздумай написать об этом себе домой, то бы была потом тебе крышка“, — отвечали обыкновенно они, зная, что я иностранец и принадлежу к нацменам.

— „А чего вы ее не объявили сумасшедшей, — вот бы и был выход из положения. А еще коммунисты, а из положения не могли чистыми выйти — эх, вы!“ — так сказать, задним числом подавал я им совет, в душе издеваясь над ними. Другого, конечно, отправили бы в тар-тарары, но меня не трогали и то лишь потому, что иногда по „жрательной“ части им кой-что перепало благодаря мне сверх нормы. Да, осенью и зимой 1933 года и в первую половину 1934 года положение в СССР было совсем катастрофическое. СССР в эти годы можно было взять голыми руками. Ужасные картины, которые там тогда разыгрывались, можно было наблюдать на каждом шагу.

* * *

Не помню уже куда я ехал. В Батайске нужно было делать пересадку. В ожидании поезда прохаживаюсь по перону. В это время приходит поезд со стороны Кущевки. Не успел еще поезд остановиться, как из дверей вагона выскочила женщина. Ее страшно ~~вз~~ъерошенный вид обратил мое внимание и я стал наблюдать за ней. Женщина была в одной рубашке, несмотря на то, что дело было в декабре, босая, причем рубашка на одном боку была разорвана от низу аж под руки. Все тело и груди ее были видны. На голове — не волосы, а будто

прикрепленная широкая метла стояла. Одним словом, вид ее не поддавался описанию, был ужасный. В глазах какая то муть и безмыслие.

Соскочив со ступенек вагона, эта женщина, как перепелка, согнувшись, стремглав полетела к станционным дверям. Я незаметно последовал за ней в помещение станции. И что же я там увидел?! Бррр! . . . Как вспомню, так и сейчас еще по спине бегают мурашки.

Женщина прискочила к стоящей в углу плевательнице и содержимое ее начала, выковыривая пальцем, подавать себе в рот и жадно глотать. Наконец, услышав сигналы к отходу и, видимо, боясь отстать от поезда, схватила целую плевательницу, положила на голые, низко опустившиеся мешком, груди, закрыла ее разорванной рубашкой и так же стремглав полетела обратно в свой вагон.

Состояние и вид этой несчастной и невинной жертвы сатанинского правительства и его преступных и кричащих до неба мероприятий, страшно поразил — даже больше, нежели виденные штабеля трупов умерших от голода и сложенные на арбах. Поезд давно ушел, а я все еще оставался стоять посередине перона в состоянии столбняка. Я чувствовал, что меня как будто кто-то сильно хватанул обухом по голове. Долго не мог я двинуться с места. Не раздайся во-время грозный окрик станционного чекиста: „Чаво тута глазеешь?“ — неизвестно, как долго я бы оставался в состоянии столбняка.

Подобные явления были на каждом шагу. Их никто даже не замечал. Страшно притупились нервы у людей. Вы думаете кто-либо обратил внимание на эту женщину на станции Батайск? Ничего подобного! Каждый шел за своим, сторонились, даже никто не нашел нужным обернуться и посмотреть. Тут же, с сознанием собственного достоинства и гордой осанкой, прохаживались грозные блюстители порядка из ГПУ. Женщина для них, видимо, не была опасным элементом и посему — не заслуживала внимания.

Вообще же население в тот год походило на мух осенью. От хронического недоедания и голода в своих

движениях было вялое, апатичное. Чувствовалось во всем обреченность, безотрадность, жизнь не была мила.

* * *

— Но, все-таки, — прерываю рассказчика, — я никак не могу понять, как это коммунисты — люди из того же мяса и костей, как и все, с сердцем внутри и с определенной долей ума в голове, не могут понять, что причиной всему людскому горю там являются прежде всего они сами, с своей нежизненной идеей устройства человеческого общества. Кроме того, неужели у этих людей совсем отсутствует чувство человечности, чувство гуманности даже хотя бы по отношению своих, так сказать, братьев — пролетариев. Ведь голодная смерть косила не только кулаков, но, вероятно, еще в большей мере бедняков?!

— Да, это верно, умирали все, в этом отношении действительно никто никаким преимуществом не пользовался. Смерть, в одинаковой степени, косила всех под гребенку.

И я бы сказал — кулак, как более сильный и предприимчивый крестьянский элемент, скорее находил выход из тяжелого смертного положения, нежели бедняк. Что касается человечности у коммунистов, — я уже говорил вам, что у всех у них мозги как то иначе устроены, нежели у нормальных людей.

Однако не могу не констатировать следующие факты, которые даже и меня в свое время приятно поразили: в рядах коммунистов, несмотря на все их жестокости и кажущуюся их сплоченность, по-моему, не все благополучно, так сказать, с коммунистической точки зрения. Как вам известно окончательно я решил покинуть СССР в 1929 году. Об этом я, конечно, не мог тогда не сказать некоторым своим друзьям-коммунистам. Ах, как они тогда меня отговаривали уезжать! И, наконец, видя что я свое решение уже не изменю, молящими словами просили: „ты-ж, дорогой дружок, Ванюша, не говори, пожалуйста, там за границей никому о том, как у нас в действительности живетcя, о постигших нас неудачах, ведь ты и сам прекрасно знаешь, что это лишь

временные перебои и неудачи. Вот скоро-скоро другая жизнь наступит — радостная, богатая и веселая.

Этих ребят коммунистов я снова встретил весной 1937 года. Когда узнали, что я не сегодня-завтра могу уехать к себе на родину, чуть было от радости меня не расцеловали. Ох, как эти люди, с партийными билетами в кармане, мне завидовали! По случаю встречи со мной и моего отъезда в Европу устроили даже пьянку, так сказать сие событие вскропили.

Говорится, что у трезвого в голове, то у пьяного на языке. Мне просто не хотелось верить, что это те старые, заядлые коммунисты, которые когда то так упорно стремились уговорить меня не покидать СССР. Речь, при последней встрече, шла совсем в другом тоне и форме.

„Ах, Ванюша дорогой, ты счастливее из счастливых, что можешь покинуть этот всеобщий б Эх! отчего мы не родились иностранцами! Ну, ничего, дорогой, такая судьба. Но тебя, дорогой друг, покорнейше, искренне и глубоко просим, когда будешь у себя дома — в Европе, говори всем и вся, что здесь у нас творится, какие непорядки, и в какое невыносимое, тяжелое положение попал простой рабочий люд. Греми, если можешь, там на целый свет, что наш народ сейчас живет хуже чем кто-либо другой на свете. Даже, тот наимпримитивнейший последний чернокожий и тот имеет больше прав, нежели наш русский. Говори всем и вся, что советский народ ждет, как утопающий, помощи от своих братьев в Европе. Наибольшее желание этого народа, это чтобы чертей в образе Сталина и Ко., вцепившихся в горло народа, как можно скорее взял к себе сам Сатана. Не забудь же нашу просьбу. А теперь, дорогой, на прощание поцелуемся“.

Расцеловались. И, о ужас! Неверилось! Из глаз моих друзей-коммунистов, на их совести было, вероятно, не мало загубленных собственными руками жизней, текли ручьем слезы.

Видел я в сумбурно-сложившейся своей жизни всякие виды, жизнь научила быть стреляным вороном, но это явление и для меня показалось все-таки невероятно сильным табаком. Когда разошлись и были от себя уже

на большом расстоянии, еще раз громко закричали: „Ванюша, не забудь исполнить нашу просьбу!“

— Вот, на основании этого, судите сами, как хотите, — продолжал рассказчик, — лично полагаю, что у этих коммунистов, мозги как будто снова начинают попадать в свое нормальное положение, видимо совесть заговорила.

Поразило меня также и следующее явление, свидетелем которого пришлось невольным быть. Должен вам сказать, что получить разрешение на выезд из СССР, будучи даже иностранцем, это страшнейшая процедура и волокита. Если бы было необходимо мне еще раз получать это разрешение, предпочел-бы себе пулю в лоб пустить, нежели снова пройти через это чортово чистилище. Столько надо было провести всяких формальностей! Столько раз пришлось за получением самых различных бумажек посетить различные учреждения — просто ужас! Бюрократизм граничащий с глупостью там невероятный. И вот, во время всяких этих посещений различных правительственных учреждений я столкнулся очень близко с советскими чиновниками-коммунистами, а то — начиная самым грозным человеком в Ростове — председателем местного ГПУ и кончая самым обыкновенным писаришкой в каком либо одном из бесчисленных управлений.

Бывали случаи, что вот такой чиновник-коммунист мучил меня часа два-три, хотя дело могло быть закончено за 5 минут. Всякими способами старался уговорить меня принять Советское подданство, и не ехать домой. Показывал мне всякие фотографии, как будто из-за границы, заграничные газеты и тому подобное. Мое положение в таких случаях бывало очень тягостное. Согласитесь сами с тем, что я не мог ему сказать то, что было в мыслях: „Да пошел ты к чорту, сволочь, знаем вас вдоль и поперек, теперь уж не надуете, двадцать лет, так себе, ляснулись не за понюшку табаку. Довольно языками мотать, жизнь не стоит, стареем, а у тебя ни кола, ни двора“.

Но так тогда я лишь думал. Выворачивался же тем, что говорил о старушке-матери, которая хочет перед смертью меня видеть и т. д. В общем врал, как мог.

Некоторые, полагаю, пытались и гипнотизировать; знаете, бывали случаи — чувствую, что вот-вот, против своей воли и желания, сдамся.

Это был один сорт советских чиновников коммунистов. Попадался мне и другой сорт, совершенно другого характера. Последние, когда узнавали, что требуемое мне необходимо для выезда за границу, бросали все, как говорится печеное и вареное, и немедленно изготовляли необходимые документы, и даже прощаясь, желали счастливой дороги. В глазах их была видна даже зависть.

Ясно, что у первого сорта чиновников-коммунистов мозги были еще набекрень, а сердце в нижней части тела — там где спина теряет свое название.

Другой сорт — это коммунисты, которые еще в силу обстоятельств, формально остаются ими, в действительности — в душе уже давно не верят идее коммунизма, принесшей колоссальное горе народам и государству. Таких там очень много. Влияйтесь поэтому бесконечным расстрелам в СССР.

Расстреливают в СССР коммунистов и за то, что многие из них потеряли веру в коммунистическую идею и стали самым серьезным образом скрытыми, заядлыми врагами целой системы.

Троцкизм, шпионаж? Этому может верить лишь идиот, нормальный человек не смеет этому верить. Согласитесь сами, как может стать шпионом, скажем, какой-то полуграмотный Пылыпенко Иван из Кущевки. Да он, быть может, ни одного-то и иностранца в своей жизни не видел! В одинаковой степени непричем здесь и троцкизм, кого-кого, а Троцкого все там прекрасно знают, и в одинаковой степени причисляют его к лику сволочей, да еще, как еврея, даже вдвойне.

Вредительство — это другое дело. Вредят там где могут, за небольшим исключением, поголовно все. Вредят там потому, что ужасно ненавидят Советское Правительство во главе со Сталиным. До 1936 года еще кой-каким уважением в народе пользовался Калинин. Но, когда распространился слух, что во время голода в 1932—1934 годах, когда явилась к Калинин delegation и просила его помочь крестьянам, ибо погибает на-

род тысячами, он отбыл ее словами: — „Ну и пусть себедохнут, такого баракла у нас достаточно“. — Посредством народной молвы, эти слова Калинина стали известны всему народу. Узнав это, народ стал его тоже ненавидеть в одинаковой степени, как и Сталина и других советских вершил.

14. Закон собачьей своры.

— А, как по вашему, вот если бы там вдруг сейчас неисповедимыми путями снова загорелась борьба, как это было от 1918 до 1920 года: с одной стороны — красные, а с другой — белые, кто бы при настоящей там ситуации выиграл? — прерываю.

— Без всякого сомнения выиграли бы белые, в этом я глубоко убежден. Не забывайте одно, что прошлая жизнь, жизнь в России до большевиков, в настоящее время для населения там кажется просто каким то прекрасным сном, страстной мечтой. При этом хочу обратить ваше внимание на следующее:

Если, предположим, на границе СССР появится неожиданно какая либо вооруженная сила, постреляет-постреляет, а потом так же неожиданно перестанет, население СССР, ждущее с нетерпением освобождения, себя ничем не проявит. Население просто этот инцидент будет считать за провокационную диверсию ГПУ.

Но вот, если эта вооруженная сила, безразлично кому принадлежащая, перейдет границы, возьмет одну-две губернии... а-а!... тогда другое дело. Тогда не поможет коммунистам и их самый главный аргумент — дуло револьвера, приставленное ко лбу граждан СССР. Вот тогда дело пойдет, как по маслу, тогда население не будет опасаться очередной провокации большевиков, восстанет поголовно просто с вилами, косами, молотками и ключами в руках, и в два счета рассчитается со своими узурпаторами. Платить будут по всем счетам одновременно: за ударничество, за стахановщину, за все пятiletки, колхозы, совхозы, Соловки и т. д. в общем „платежей“ там накопилось очень и очень много.

Но народы СССР, если и не придет помощь извне,

все-таки, в конце-концов, добьются своего освобождения и собственными силами. Процесс освобождения будет продолжаться дольше, но тем не менее этот момент в скором времени наступит. Беру на себя смелость предсказать и сроки, когда случится переворот в СССР: случится это через два, наипозднее через пять лет. Я глубоко убежден, что это будет именно так.

Я сейчас у себя на родине, но вот когда случится там переворот или же завяжется открытая борьба, сейчас же все брошу здесь к чорту, вооружу свое семейство катомками, и в путь дороженьку — на Восток. Если нужно будет, то и с оружием в руках. Народ там очень хороший, а то несмотря на то, что вот уже 20 лет ему стараются коммунисты привить лишь все худшее, что существует на свете. Если будет там установлена частная собственность и каждому будет предоставлена возможность жить так, как ему заблагорассудится, а не по указке свыше, жить там потом будет очень легко.

О частной собственности и о жизни по собственному уразумению все население ежеминутно мечтает, как о чем-то сказочно-прекрасном.

— На основании чего вы пришли к убеждению, что до пяти лет в СССР должен произойти переворот — будучи особенно заинтересован приведенными сроками, прерываю быстро-говорящего собеседника.

— Ведь я вам говорил, что я там 20 лет прожил, изо-дня в день непосредственно и тесно соприкасаясь с простым рабочим людом — будь то от станка или же от земли, прекрасно знаю, что он в душе думает. Советский народ страшно терпелив. Но всякому терпению бывает конец. Путем долгого и основательного анализа внутреннего настроения населения, а для этого я имел большие там возможности, лично пришел к тому заключению, что силы воли для перенесения всех обид хватит у населения там максимум на пять лет. За эти годы процесс нарастания всеобщего недовольства дойдет до степени, когда задерживающая струна лопнет и человек будет готов на все — пан или пропал. Я, например, как нацмен (национальное меньшинство) жил там несравненно лучше, нежели мои коллеги — советские под-

данные. С нацменами почему то коммунисты все-таки как то иначе обходились, бережно. Созетский человек, если бы позволил себе то, что, например, я, — давно бы был на том свете, а вот мне почему то товарищи прощали и даже стремились, против моего желания, меня везде выдвигать. Иначе говоря, я все-таки был на каком то привилегированном положении и тем не менее прожить там еще пять лет я бы не смог. Определенно, что либо должно случиться.

Разве там можно жить?!

Представьте себе собаку, попавшую между собак с другого — соседнего хутора. Что получится? Начнут ее грызть, а потом произойдет всеобщая собачья свалка и уже не поймешь — какая собака какую кусает и грызет.

Нормальная советская жизнь — это точная копия собачьей свалки. Там один другого грызет хуже, чем собаки. Я был, так сказать, собакой иностранной, значит как будто иной породы, — советская собака, в образе коммуниста, бывало разлетится, грызнет тебя, а потом, вдруг нюхнув, подымет ножку... и побежит себе запускать свои зубы во все пять в свою советскую. В общем, жизнь советского человека на много хуже собачьей жизни: собаки сбегутся, погрызутся и разбегутся, а вот советское население находится в состоянии всеобщей собачьей свалки вот уже двадцать лет. Но советской собачьей свалке тоже будет конец и очень скоро.

А знаете как тогда бывает при конце собачьей свалки?

Во всеобщей собачьей свалке, в конце концов, собаки найдут того главного виновника взаимной драки и грызни и найдя его, обыкновенно, всеобщей собачьей массой нападают на виновника.

Если пес старый, ноги старые и дряблые — остальные его, обыкновенно, разорвут на клочья.

Эти оригинальные рассуждения я слышал там от самых обыкновенных, совершенно неграмотных людей — от рабочих и колхозников. Сам я под ними обоими руками подписываюсь. Рассуждения простых людей в СССР глубиной своей мысли, мудростью и оригинальностью иногда меня очень поражали.

Советская власть закончит свои дни по закону собачьей своры.

15. Чекистская работенка.

— Не приходилось-ли вам когда-либо встречаться и разговаривать с чекистами т. е. с коммунистами, которые расстреливали людей и не расспрашивали-ли вы их о процессе расстрела?

— Работая долгое время главным поваром в краевом общественном питательном пункте в Азово-артелькооперации я имел возможность непосредственно сталкиваться и знакомиться с различными особами, с людьми, занимающими самое различное служебное положение. Помню, как сейчас, меня особенно заинтересовал один тип, вечно пьяный, вечно устраивающий скандалы, на которые почему то соответствующие правительственные органы совершенно не обращали внимания. Однажды, выбрав удобный момент, я с ним навязал знакомство. Оказался мадьяром — бывшим военнопленным. По мадьярски я говорю хорошо, а посему представился ему тоже, как мадьяр. Видимо это обстоятельство, а так же много выпитой водки, вызвало в нем особое ко мне доверие. Завязался между нами интимный разговор о прошлой жизни. К моему ужасу оказалось, что этот человек от 1919 и до 1924 года т. е. ровно пять лет исполнял самую „ответственную“ работу в различных чрезвычайках на Дону и Кубани. Фамилию его, к сожалению, забыл. Родился он в городе Мукачеве на Подкарпатской Руси. По моему, он был еврей, хотя в этом мне не признался.

При разговоре с таким человеком, невольно начали от страху мурашки по телу бегать, но преодолев страх и отвращение я начал его расспрашивать о его работе.

„Э-э, дорогой Андреич, да я их столько пустил к такой матери, этих паразитов . . . в их душу . . . что тех звезд на небе! Кого? . . за что? . . Да, нет, — это нам, дружок, не велено было знать. Когда подавали нам водку, мы уже знали, что сегодня будет работенка, а когда выпили — эх! дружок любезный, тогда мы могли шлепать контров, что мух, без устали.

Вначале шлепали пачками и где попало, в поле, на кладбище, в подвалах, у стенок и т. д. Но вот, начиная с 1923 года начали расстреливать исключительно в спе-

циальных подвалах в местах заключения, причем расстреливаемых не ставили к стенкам, как это было раньше, но расстреливали по одиночке и на ходу.

В подвалах были почти всегда длинные проходы. Жертву заставляли проходить на одном конце этого прохода. Спрятанный чекист стрелял в расстреливаемого в упор через специальное окошко. Пули на излете, на другом конце прохода, почти не оставляют на стенке никаких следов. Убитых стаскивали в бетонные специальные ямы и там оставляли. Трупы вывозили из подвалов только тогда, когда их накопилось определенное количество. Где закапывали? Это было известно лишь двум или трем специальным лицам. Одним словом, — продолжал смеясь чекист, — мы начали расстреливать контров рационально - экономическим способом“.

— От рассказа чекиста, — говорит мой информатор, — по телу шла дрожь, сердце от немого ужаса начинало останавливаться, но желая получить точные и всесторонние информации я продолжал его выпытывать.

— Послушай, товарищ, — спрашиваю, — как же ты так это мог этим заниматься, да еще так долго? Разве не было тебе жалко людей, которых ты расстреливал? Ведь ты умерщвлял существо себе подобное — человека! притом, расстреливал, быть может, совершенно невинных людей! Не дрогнула у тебя рука стрелять в упор в людей?

— „Нет, первые 4 года никогда у меня рука не дрогнула, расстреливаемых не было мне жалко — ведь то была самая контра. Но на пятый год моей работы, — отвечает чекист, — со мной что-то случилось: ~~знаешь~~, товарищ, когда надо было стрелять, меня вдруг ни с того ни с сего начинало тошнить, появлялась внутренняя боль, глазам мерещилась разбитая голова, вместо лица на которой зияла большая кровавая дыра с висевшим внизу на волоске и продолжавшим с ужасом смотреть глазом. Выстрелы мои перестали отличаться нормальной меткостью, жертвы приходилось добивать. Избавиться от этого внутреннего состояния и от преследования видений не смог, — даже водка не помогла. Конечно, ра-

боту должен был оставить, но покоя от видений не имею и сейчас“, закончил говорить совсем раскисший от водки чекист.

После этого разговора чекист жил недолго. Как оказалось после, мучимый своей совестью и преследуемый страшными видениями, чекист в состоянии опьянения со многими поделился своей тайной. Посему не удивляйтесь, что этого человека в одно прекрасное время нашли под забором с разваленным черепом. Да, в конце концов, это был, как мастера заплечных дел, там нормальный конец его жизни. Какая-то тайная террористическая мафия в СССР выслеживает подобных субъектов и с неумолимой последовательностью их уничтожает. Жестокая борьба там продолжается.

16. „Красный генерал“.

— Жизнь подсоветских людей полна самых непредвиденных опасностей. Ежеминутно каждый человек там лавирует между жизнью и смертью. И тем не менее, бывали и там довольно курьезные случаи, которые покажутся вам, быть может, и неправдоподобными, — продолжал, после некоторой паузы, мой собеседник. — Как пример этого расскажу вам о советском Хлестакове.

В целом Азовском районе и в самом городе Азове пользовался особой известностью и популярностью среди населения и особым уважением, граничащим с подхалимством у местного советского начальства, герой гражданской войны, красный партизан — Бондаренко. Кубанский казак — линеец по происхождению, Бондаренко, пользуясь своим привилегированным положением, появлялся везде не иначе как в казачьей черкеске с полагающимися газырями на груди, с кинжалом в серебре на поясе, с револьвером на боку, с красным хорошим башлыком за плечами. На голове его всегда красовалась каракулевая шапка-кубанка с красным верхом и крест на крест золотыми галунами на нем.

Все и везде называли Бондаренка советским аристократом — красным генералом.

В Азове и его окрестностях, от мала и до велика, все знали красного генерала Бондаренко. Да и как было его не знать. Высокого роста, косая сажень в плечах, с грудью колесом вперед, с красивым, молодым, полным удали лицом, всегда во все казачье с иголочки одетый, Бондаренко своим появлением на улицу в серую, в лохмотья одетую, советскую толпу, вносил диссонанс.

Был это удивительный тип.

Когда Бондаренко появился в Азове не могу вам точно сказать. Жил в Азове в продолжении нескольких лет. С гордой осанкой, с сознанием собственного достоинства, хорошо и притом необыкновенно для советских условий одетый, Бондаренко действительно невольно производил впечатление. К населению был приветлив и справедлив, неудивительно поэтому, что и население к нему относилось хорошо. По отношению ко всякому советскому начальству был иногда даже очень груб, вел себя уверенно и вызывающе. Все Азовское начальство заискивало перед ним, ходило перед ним, как говорится, на задних лапках. Что красный генерал пожелал или приказал было совначальством вмиг исполнено. В общем, красный генерал был баловнем, как населения, так и красного начальства.

Одно советское начальство перед другим спешило чем либо угодить советскому высокому сановнику.

Большой краснбай, отличный оратор Бондаренко умел всегда сосредоточить внимание всех на себя. Всякое советское начальство очень боялось Бондаренка. Да и неудивительно. Стоило ему сказать, что вот тот и тот сукин-сын, контрреволюционер и троцкист, и парня тащили в НКВД, а там разговоры были коротки. Многих ярых коммунистов, на основании слов красного генерала ликвидировали, население „генерала“ за это боготворило.

Оказалось после, что красный генерал был и большим хозяйственником. При советских условиях до 1936 г. сумел сбить довольно солидное движимое и недвижимое имущество. Как это он мог сделать? Очень просто. Красный генерал побывал почти в каждом колхозе, совхозе. Везде выступал с речами, громил вредителей, говорил о бывших боях с белыми, а под сурдинку на тот

свет сплавлял правоверных коммунистов. Слава о красном генерале, как справедливом человеке, ширилась по целому краю.

И вот, теперь представьте себе, после его выступления в колхозе или же совхозе выходит на трибуну, по инструкции местного начальства, какой-либо колхозник и говорит: „Товарищи, предлагаю вам за особые заслуги, проявленные в жестокой борьбе с помещиками, капиталистами и угнетателями трудового народа нашим славным, беззаветно храбрым и отважным героем — красным партизаном, преподнести нашему дорогому и редкому гостю, в знак нашей особой ему за то признательности, подарочек — бычка-годовичка“. — „Браво! Браво! Подарить ему бычка!“ кричало по команде свыше все колхозное собрание. И бычка дарили.

Красный генерал, обыкновенно всегда отказывался, но как правило всегда потом в конце концов подарок принимал.

Это повторялось во всех окружающих колхозах, совхозах, каждый из них не хотел ударить в грязь лицом перед другим.

Одни дарили красному генералу бычка, другие теленка, третьи поросенка и т. д. Одним словом, этим путем красный генерал от „благодарного населения“ получил в общей сложности около 16 штук скота, стадо свиней, овец, гусей и даже курей. Что со всем этим делал и чем все это кормил? — О-о! Красный партизан обо всем этом заблаговременно позаботился: один из „благодарных колхозов“ задонской станицы предоставил красному герою часть своих пастбищ, другой корм для птицы, третий людей для обслуживания и т. д. Например, Артель-кооперация, где я работал в Азове, отдавала бесплатно все свои помои с кухни красному вельможе для его свиней.

Лично, однажды, попробовал часть помоев передать в другое место, но попытка эта для меня чуть не окончилась совсем печально. На другой день кто-то меня позвал из открытого окна. Ничего не подозревая, спешу на голос к окну. И, о ужас! У открытого окна стоял Бондаренко. Встретил он меня самыми отборными ругательствами и в момент направил револьвер мне в лицо.

От неожиданности и перепугу я чуть было не упал, отскакивая в бок от окна.

„Ты куда дел, так твою . . . буржуйская морда социалистические помои — украл? Чтоб мне этого больше не было, чужая твоя морда! Я тебе покажу, европейская твоя вредительская харя, как обкрадывать героя трудового народа!“ кричал на меня в исступлении красный генерал.

„Интервенция“ Бондаренко увенчалась успехом: все помои с Артель-кооперации после этого поступали лишь только для его нужд. Уж больно я был незначительной величиной по своему положению, чтобы мог поступать в разрез желания красного вельможи. Но как он мог действовать и влиять на всякие бесчисленные советские городские власти — это не могу лично и до сегодняшнего дня понять.

Самые ответственные советские партийные работники в Азове и его окрестностях были всецело под чуть-ли не гипнотическим влиянием красного генерала Бондаренко. В общем Бондаренко для Азова был своего рода некоронованным царьком. По желанию последнего директора различных советских предприятий в Азове пускались на явно мошеннические и воровские авантюры. Сплошь и рядом рисковали, дабы угодить красному герою, собственными головами. Поведение Бондаренко иногда граничило с безумным, бесшабашным дерзанием и удалью и одновременно с насмешкой, пренебрежением и издевательством по отношению партийных людей, перед которыми остальное население постоянно дрожало в смертном страхе. Чтобы не быть голословным приведу следующий, один из многих, пример взаимоотношения местного начальства и красного генерала.

* * *

Как вам, вероятно, из газет известно государственные праздники в СССР празднуются очень торжественно и с „всеобщим энтузиазмом“. Конечно, вы можете иметь сведения лишь об официальной части того или иного советского торжества — о массовых шествиях по улицам „счастливых и веселых“ советских граждан с

множеством плакатов с официальными лозунгами, о больших митингах с выступлением казенных ораторов, которые, обыкновенно, из кожи лезут вон доказывая шаблонными словами измученному и голодному населению об успешных результатах советских достижений, царские парады войска и т. д. Это все, полагаю, для вас не является секретом. Но что за официальной частью торжества следовала нормально еще неофициальная часть — безусловно об этом за границей едва-ли знают.

Обыкновенно, после бесцельной шагистики от рана до вечера по городу, простой народ отпускался домой. Партийные люди различных учреждений направлялись в назначенное место на партийный ужин и вечеринку. В Азове это отбывалось в помещениях Артель-Кооперации. Каждое учреждение, за несколько дней до этого, привозило на основании определенной разверстки холдные закуски, вина, водку и т. д. Горячий ужин и чай заготавливала для всех Артель-Кооперация. На эти вечеринки попадали люди по очень строгому отбору, впускали по билетам. Для простых смертных вход туда был строго воспрещен.

Начиналось с тостов в честь „мудрейшего и обожаемого вождя“ Сталина и кончалось поголовной пьянкой и дебошем. Советская сметанка веселилась.

Не могу при этом не отметить один мелкий, но многоговорящий штрих из этих вечеринок, который особенно бросался в глаза мне и остальным служащим в Артель-Кооперации. Оказывалось, что и в этом избранном обществе были люди первого и второго сорта: вина, например, для определенной части подавались более „квалитные“, для остальной части собрания, как мы говорили для — коммунистической серой кобылки, подавалось совсем неважное вино; так было и с едой.

В два часа ночи вся эта пьяная (кроме городской партийной головки) толпа расходилась. Партголовка продолжала пьянствовать в интимном кругу до тех пор пока не напивались до зеленых чортиков.

Обыкновенно в интимном кругу пьянствовали почти всегда: председатель Горсовета Матвей Троцкий, председатель коопорганизации Шуляк, его помощник Било-

усов, начальник местного НКВД, прокурор, председатель районснаба, наш директор и обязательно всегда присутствовал красный генерал Бондаренко и другие азовские „светила“.

Эта теплая компашка запиралась со своими дамами в одну из комнат и там продолжала кропить революционный юбилей. О с'естных продуктах и питных папитках заблаговременно старался наш директор тем способом, что 20-30 порций всего выписывал в расход, как испорченное. Появлялся откуда-то гармонист. Веселье начиналось. Неслись веселые и задорные советские песенки в перемежку с сочным, густым коммунистическим матом, в комнате нависали непроницаемые облака табачного дыма, воздух наполнялся удушливой, невыносимой вонью потных тел и долго, видимо, немых ног и носков.

Сначала неслись революционные песни, потом переходили на подсоветские — антисоветские, а под конец с великим упоением распевали самые настоящие контрреволюционные. Одним словом, советские боги кутили. С множеством выпитой водки, в геометрической прогрессии, подымалось и настроение, развязывались языки, углублялся гвалт, подымался невероятный галдеж. Сдерживающие начала и замкнутость коммунистов переставали действовать.

В этот момент происходил оживленный и смелый обмен мнений, переходивший порой в совсем невнятные резкие гортанные крики. Высказывались иногда самые отчаянные мысли, за которые простых смертных ставят к стенке.

Помню, как сейчас, вот в такие минуты откровенности, после многочисленных тостов, подымается один коммунист, в доску пьяный, и заплетающимся языком говорит: „Товарищи, мы пили за наших вождей, но еще не всех, об одном мы забыли . . . товарищи, предлагаю вам выпить наш последний тост . . . во славу дорогого и любимого вождя . . . товарища Гитлера! . . .“

— И что же вы думаете, раздались протесты?! — ничего подобного. Некоторые реагировали на этот тост смехом, другие так были пьяны, что вообще не разбирали о ком идет речь, а в результате все поднялись,

чокнулись и выпили. Выпил и я, будучи перед этим приглашен как главный повар за особые кулинарные заслуги к общему столу.

Героем последнего, так сказать, заключительного аккорда узко-партийной попойки по случаю революционного праздника был всегда красный генерал Бондаренко. Выпив невероятное множество водки и других спиртных напитков, под утро Бондаренко, до того времени пребывавший в относительном спокойствии, вдруг, к кому либо придравшись, приходил в неистовое, — возбужденно-оскорбленное состояние...

„Да кому ты это говоришь, так твою перетак... да ты, сморкач, еще в пеленках лежал, цуцав мамчину цыцьку, даже под стол пеши не мог ходить, когда я уже проливал свою драгоценную кровь за рабочую массу в борьбе с контрой“, кричал Бондаренко на всю комнату разъяренный, как бык. Выхватывал в исступлении кинжал и летал с распаленными глазами по комнате, готовый каждого пронзить.

„Ну, товарищи, спасайся кто может, а то красный партизан переколет нас, все равно как контру когда-то колот, — шутя говорили пьяные вдребезги партийцы, одновременно серьезно думая о том, как бы кого и в самом деле не пихнул красный сорви голова.

Вскоре в комнате оставался сам Бондаренко, его краля подозрительного происхождения, и гармонист.

„Так-с, сволочей уж нет... так-с! Теперь красный партизан может свободно гулять... Эй, Андреич, тащи-ка брат, сюда еще водки и закуски, красный партизан будет кутить, да скорей“, командовал категорически, как в своем собственном доме, Бондаренко.

Пиршество в составе двух лиц продолжалось. Бондаренко лил в себя водку, как в бочку, не забывая и свою подругу, попадало сверх нормы гармонисту и мне. Уже светало, но Бондаренко все еще продолжал пить. Несколько раз приказывал гармонисту и мне уходить из комнаты и снова приходить. Под конец, срывал с своей дамы платье и приказывал ей в голом виде танцевать под гармонику на столе. Потом, передав предварительно свою подругу на использование и попечение гармонисту, Бондаренко замертво валился под стол.

Революционный праздник тем кончался.

Для того, чтобы вы могли себе ясно представить взаимоотношение Бондаренка и местного начальства в Азове, а главное превалирующее положение красного партизана, я несколько более подробно рассказал вам о том, как отбываются различные революционные праздники в СССР. У вас, вероятно, создалось, на основании моего рассказа, впечатление о Бондаренко, как о личности с советской, вернее с коммунистической точки зрения, весьма незаурядной, выдающейся, — продолжал неумолимый и словоохотливый подсоветский человек. — по крайней мере, так о Бондаренко думало все местное начальство, все население Азовского района, в том числе и сам покорный слуга. Все, абсолютно, предполагали, что Бондаренко находится в Азове по приказанию из центра с весьма секретным поручением. Имя красного генерала гремело по целому краю.

— И вот теперь, представьте себе ужас и конфуз местного коммунистического начальства и удивление всего населения, когда в одно прекрасное утро в 1936 году местные газеты аршинными буквами принесли сообщение об аресте самозванца — красного партизана Бондаренко!

Сообщение это было для всех, как гром на ясном, чистом от облаков, солнечном небе.

Оказалось, что красный партизан — герой гражданской войны с фамилией Бондаренко и по происхождению кубанский казак действительно существовал, но был убит неизвестными еще в 1926 году. Живой Бондаренко оказался ни кто иной, как тоже сын кубанского казака одной из закубанских станиц, во время всеобщей коллективизации раскулаченного. Настоящая его фамилия, конечно, была совершенно другая.

Тайна красного генерала была открыта совершенно случайно. Во время поездки на пароходе, где он по обыкновению выступал, как полагалось его положению, гордо и независимо, Бондаренко встретил одного станичника-коммуниста, который как раз его отца раскулачивал. Прекрасно знал и самого Бондаренко. Карьера красного генерала окончилась в лучшем случае в Со-

ловках. Вероятней всего был немедленно ликвидирован в Ростовском ГПУ.

„Вот отчаюха — парень, даже коммунистов обвел вокруг пальца — молодец!“ этими словами постоянно, и теперь вспоминает население красного генерала, сожалея о его гибели.

Надо признать, что Бондаренко был человек действительно незаурядных душевных качеств. В Азове пять лет сумел ловко водить за нос всеведующее коммунистическое начальство, да как! Ясно — по внутренним своим убеждениям был ярый враг всего советского. Подобных à la Бондаренко есть в СССР тысячи, если на сотни тысяч. Имя их всех рек. Расстреливают их там ежедневно по всему СССР, но они исчезнут в СССР лишь тогда, когда будет расстреляна, вернее уничтожена первопричина их появления — коммунистическая система жизни человеческого общества. До того момента их число будет не только не уменьшаться, но наоборот „стахановским темпом“ увеличиваться. В этом я глубоко убежден, а то так, как вы, например, убеждены в том, что дважды два — четыре.

17. Водка — самокритика — расстрел.

— Вы заговорили о расстрелах, разрешите вас спросить: в СССР, в настоящее время, происходят непрерывно расстрелы притом, главным образом, своих-же коммунистов. Советские газеты изо дня в день пишут, что эти коммунисты были уличены в шпионаже, вредительстве и т. д., и т. д., получается впечатление, что в СССР что ни человек, то шпион — этому, конечно, при всем желании, невозможно поверить. Скажите, пожалуйста, что является, по вашему мнению, главной причиной этого явления?

— Самой главной причиной настоящего беснования Сталина, вернее расстрелов им своих вчерашних соратников, является... водка. Да-да, не смейтесь этому, я говорю вам совершенную правду. Шпионаж?! Это ерунда. Почему водка? А вот почему. Всеобщее страшное недовольствие населения в СССР настоящими по-

рядками безусловно не остается секретом для местных партийных людей. Лично полагаю, что вот такие споры, как я имел постоянно со своим родственником коммунистом ведутся там между сотнями тысяч коммунистов и их родственниками. Обстановка и жизнь стали таковы, что и человек с камнем вместо сердца не может вечно противостоять бесспорным и бесчисленным фактам сплошного ужаса. Рано или поздно каждый человек, имеющий глаза и голову, должен основательно призадуматься над всем происходящим там вот уже 20 лет, без малейшей надежды на улучшение. Иначе говоря, чувство сомнения о непогрешимости теорий Маркса грызет, как червоточина, каменные сердца коммунистов. Многие и многие из них уже определенно разочаровались в той идее, за которую активно боролись в течение большей части своей жизни. Практика социалистическо-коммунистической жизни завела их в тупик.

Надо сказать, что каждый славянин, а в особенности русский человек, по своей природе большой философ и вечный искатель правды и справедливости. В жилах многих коммунистов течет тоже славянская кровь. Конечно, когда коммунист в трезвом состоянии, он не выскажет сомнений в правильности коммунистической идеи даже родному брату. А вот когда напьется, тогда дело другое. Между прочим, ведь коммунистам по партийному уставу строго воспрещено пить спиртные напитки, но тем не менее пьют.

На всяких интимных торжествах и попойках я слышал различные дебаты между советскими светилами. Интересно, чем больше выпивали водки, тем высказываемые мысли становились более интересными и смелыми. И могу вас заверить, что Сталина, в действительности, не любят даже коммунисты.

Среди коммунистов Сталин имеет сторонников самое незначительное число, просто единицы, и все это больше коммунистические неудачники, ничтожества, но, притом, большие честолубцы. И если, например, пьянствует 20 коммунистов, то между ними не больше как один сторонник Сталина. Все это публика, связанная многолетней совместной идейной работой; это не коллеги по общей работе, но задушевные друзья, спаянные

общими делами, политыми человеческой кровью. Несмотря на это, в повседневной жизни, они очень осторожны во взаимных отношениях. А вот когда выпьют, как, напр., на торжестве о котором я вам рассказывал, бывают более откровенны друг с другом. Под влиянием водки начинают открывать друг другу свои сокровенные мысли, делиться всем наболевшим. Появляется самокритика, но чаще острая критика всеобщего состояния дел в СССР. При всех этих интимных обменах политических мнений в пьяном состоянии, каждый предполагает, что свои друзья не выдадут, совсем не предполагая, что найдется иуда-предатель. Последний мотает себе все на ус, а когда подойдет удобный момент, тайно летит в Москву и докладывает все в соответствующем месте.

В центре, в подобных случаях, бывают хороши и старорежимные способы для расшифровки чужих думок. Там твердо помнят старую русскую пословицу: „что у трезвого на уме, то у пьяного на явыке“. Вдруг ни с того ни с сего, с коммунистической точки зрения заслуженных людей сажают в тюрьму, а потом расстреливают. Предатель-друг, конечно, благодаря доносу, делает себе карьеру, несколько улучшает свое материальное положение.

Арест коммунистов там обставлен очень хитро. Например, Шеболдаев в один прекрасный день получает из Москвы предписание о переводе в Москву, на высшую должность нежели та, которую он занимал в Ростове. Друзья-коммунисты его с повышением поздравляли. Перед отъездом устроили прощальную выпивку. Тройку: Ларина, Шеболдаева и Каширина, как закадычных друзей, во всем крае называли — „главная Ростовская тройка жуликов“.

На прощальной выпивке главные тосты держали остающиеся в Ростове „жулики“ — Ларин и Каширин. Парень уехал в Москву, но попал прямо в подвалы Лубянки. Конечно, Ларин, Каширин и остальные местные советские вельможи, когда узнали об аресте Шеболдаева, были в страшной панике. В „Молоте“ в тот же день появилась статья за подписью Ларина. В этой статье Ларин не называл уже Шеболдаева „дорогой друг, заслуженный товарищ революции и рабочего

класса“, а шаблонным советским стилем мешал Шеболдаева с грязью. В унисон Московской „Правде“ в этой статье слова: „дохлый пес, собака, подлый гад, шпион, диверсант и т. д.“ фигурировали од начала до конца.

Прибежал ко мне в тот день с „Молотом“ один мой хороший приятель-коммунист и с большим волнением спрашивает: „Андреич, читал сегодняшний Молот?“ Нет, отвечаю.

„Ну, брат, так ты, значит, ничего еще не знаешь, что за потеха творится в наших партийных рядах. Гляди, читай, что пишет Ларин. Ну, брат, и чистит же он Шеболдаева. А, ведь, еще не так давно, на прощальной вечеринке, где я присутствовал как представитель от Азовских товарищей, Ларин такие дифирамбы пел по адресу Шеболдаева! А теперь вот тебе — возьми, смотри. Сам чорт не разберет, что сейчас на свете белом творится: вчера герой, сегодня дохлый пес. Но пикантнее всего, что ведь и Ларин-то не сегодня-завтра последует за Шеболдаевым“.

А почему ты так думаешь? спрашиваю коммуниста, будучи поражен его уверенным тоном.

„Э-э, брат, знаю. Все это наделала водка, водка, брат. Если бы не было водки, не получилось бы так глупо. Раньше говорили — язык наш враг, а теперь, вот, язык и водка наши враги. Вот и поделись с кем-либо из своих ребят под пьяную лавочку“, закончил свое умозаключение приятель и понесся куда-то дальше распространять последнее сообщение „Молота“.

Прежде чем закончить делиться с вами своим мнением по заданному вопросу, не могу не обратить ваше внимание на то, что в СССР сейчас расстреливают коммунистов интеллектуально очень сильных: места же расстрелянных занимают коммунистические ничтожества, умственный багаж которых не особенно **разнится** от нуля. Это явление население в душе очень приветствует, ибо полагает, что с ничтожествами будет позже легче расчитаться. Конечно, как я вам уже говорил, расстреливают там коммунистов и просто за воровской инстинкт. Посеяли, а теперь жнут.

— Ну, а Троцкий имел какую-либо связь с расстрелянными коммунистами? — спрашиваю.

— Какой чорт! Этот тип давно уже свою песенку спел. Смешно даже об этом говорить. Нет, Троцкому-Бронштейну дорога к сердцам населения в СССР навсегда и совершенно отревана. Даже коммунисты о нем иначе теперь не говорят, как „вонючий жид“ — иудушка. Одним словом, „паршивый жид“ теперь там не при чем, просто советские вельможи — головотяпы из Кремля — завели государство в тупик и не знают, как из него выбраться. И вместо того, чтобы как главные виновники всеобщего кабака, покончить с собой — расстреливают других.

18. Хождение по мукам.

— Вас уволили с работы, после краха предприятия, в котором **вы** работали, в январе месяце 1937 года, — при **новой** встрече обращаюсь я к моему собеседнику. — Уволили вас с „волчьим билетом“, устроиться с **которым** вновь на работу, по вашим словам, вещь безнадежная. Уехали вы из СССР в конце мая, сбережений, как вы говорили, несмотря на то, что вы непрерывно работали 20 лет, было у вас на прожитие всего лишь на одну неделю. Скажите, пожалуйста, как же вы сумели все таки, несмотря на все это, прожить до отъезда на родину без работы целых 5 месяцев, а кроме того, откуда вы взяли средства для отъезда? Ведь, что ни говорите, семейство ваше довольно многочисленное — шесть человек, прокормить такую ораву не так просто!..

Мой собеседник задумался...

— В течение этих пяти месяцев была не жизнь, а хождение по мукам. Представьте себе две горы, вершины которых соединены между собой канатом. По этому канату заставьте кого-либо ходить над бездонной пропастью. Вот когда представите себе подобную картину и переживания человека на канате над бездонной пропастью — получите полную картину моей жизни за последние пять месяцев в СССР.

У каждого рабочего в СССР, как бы он долго и как бы хорошо ни работал, сбережения не могут превышать суммы, необходимой для питания в течение не-

дели. Инженер, напр., сможет в течение 20-летней непрерывной работы собрать сумму, на которую можно прожить без работы так недельки две. Притом не каждый это сможет сделать. Я не был исключением. Как только выкинули из Артель-Кооперации, сразу же попал на волчье положение. В моем кармане, вместо знаменитой „прибавочной стоимости“ Карла Маркса не оказалась даже вошь на аркане.

Нет, кто-бы и что-бы не говорил и не писал, по моему мнению, мнению действительного пролетария, Карла Маркса с его экономическим учением и теорией социалистические практики в социалистическом государстве посадили основательно и навсегда в галюшу. Да и на самом деле, смотрите: в 1915 году я оставил здесь, в капиталистическом, так сказать, государстве, пять братьев. Все они были голы и бедны, как церковные мыши. Теперь каждый из них имеет собственное имущество, и основательно обеспечен до конца своих дней. На что младший брат, которому было, когда я ушел на войну, всего лишь десят лет, и тот имеет собственный хороший дом, землю, виноградники... В общем, человек хорошо обеспеченный, зажиточный, за завтрашний день не беспокоится, живет себе спокойно, — и все это приобрели здесь физическим трудом при „капиталистической эксплуатации“. А я?! Что я приобрел за 20-тилетнюю упорную физическую работу в „самом свободном, счастливом и справедливом социалистическом — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина государстве“?

Ничего — как был гол, как церковная мышь, так и остался ею, да основательно надорвал здоровье. Жена, например, сюда за границу принуждена была ехать даже без чулков. Начиная с Азова, Ростова, и по всем городам по пути следования до польской границы, нигде мы не могли найти в госмагазинах самые обыкновенные женские чулки. Пришлось ей, на старости лет, светить лытками. Купили аж в Польше, на первой остановке.

Нет, несравненно лучше быть „наемным рабом“ в капиталистической Западной Европе у „проклятых буржуев“, нежели „свободным рабочим в цветущем социалистическом государстве, не знающем проклятых законов капитализма и обеспечивающем трудящимся ра-

дость творческого труда, счастливую, развеселую и свободную жизнь“ . . .

Потеряв работу, попал я с семейством в аховое положение. Попробовал сунуться в одно-другое предприятие, но наличие „волчьего“ билета исключало возможность куда-либо устроиться. Как утопающий — хватался абсолютно за все.

Попробовал у баб скупать, по старой привычке, рыбу и потом тут же перепродавать. Да не тут-то было. Что прощалось женщинам, то ни в коем случае, на основании неизвестных установлений, не поощрялось у мужчин: за место, где стоял мой ларчик, навалили такую ежедневную дань, что ларчик и с рыбой того не стоил.

Попытался открыть кустарскую — но навалили дань в два раза превышающую оборотный капитал. Не помогли мои отговорки, что буду работать сам, без эксплуатации чужого труда и т. д. Получался абсурд полный: для того, чтобы иметь право на самое маленькое собственное дело, надо было заранее приготовиться доплачивать на это дело. Какой-то заколдованный круг: умеешь работать, хочешь работать, и не можешь работать. Чья это там диотская теория и система проводится в жизнь — Карла Маркса или же Сталина — чорт его знает! Я никого не собирался эксплуатировать, сам всю жизнь был рабочим, одно время даже ударником-рабочим, и абсолютно сам хотел работать! В какое учреждение ни пойдешь, отовсюду тебя гонят. Дети голодные, — плачут. Жена, с горя, тоже ревет. Сам голодный, как пес. Все, что оставалось с царских времен — давным давно было продано. Состояние было самое отчаянное: оставалась единственная возможность — броситься в Дон и тем прервать все мучения „веселой“ советской жизни.

Не знаю, чем бы это все тогда закончилось, если бы в самый критический момент моей жизни не появился добрый ангел хранитель в образе одного знакомого коммуниста.

Коммунист этот мне посоветовал заняться спекуляцией советскими облигациями разных внутренних займов, причем предупредил, что если соответствующие

правительственные органы поймают на этом деле — наверняка расстреляют.

Куда ни кинь, везде клин; перспектива „многообещающая“. Тем не менее, на это, весьма рискованное дело, я пустился. Дело оказалось очень доходное. До того безвыходное, отчаянное положение мое резко изменилось к лучшему.

Благодаря разным комбинациям и махинациям с облигациями займов, я в довольно короткий срок сколотил немного денег и даже на дорогу на родину.

*

Комбинации с облигациями заключались в следующем: как вам, вероятно, известно советское правительство делало несколько пятилетних-„добровольных“ займов: пятилетка в четыре года, пятилетка в три года, и так далее. Займы эти были тоже своего рода „хлебозаготовками“. У колхозника забирали при хлебозаготовках „излишки“ пшеницы, а у рабочего посредством „займов“ отбирали предполагаемые „излишки“ заработной платы.

На „добровольный“ заем каждый рабочий должен был обязательно подписаться. Кто не подписывался, того без разговору увольняли с работы. Была устанавливаемая для подписки определенная минимальная сумма, скажем 500 рублей. В течение 10 месяцев с заработной платы рабочего ежемесячно удерживали 50 рублей. После удержания полной суммы, рабочий получал на руки облигацию займа на выплаченную сумму. Так как займы делались почти ежегодно, то на руках у рабочих скоплялись облигации на довольно солидные суммы. Займы эти погашались ежегодным розыгрышем. В течение десяти лет каждый заем должен быть полностью погашен.

Согласитесь сами, что облигация займа в руках зажиточного человека — вещь нормальная, ибо зажиточный человек так в деньгах не нуждается, может ждать. Облигации же в руках вечно полуголодного советского рабочего явление совершенно дикое: за облигации он не может ничего купить, и банку их продать тоже не мог. Банки их не принимали. Бывали случаи,

что рабочие, со злости, эти бумажки выбрасывали на ветер. А если находился какой чудак-покупатель, то отдавали ему за незначительную сумму.

Со временем Соввласть учла это настроение рабочих, а потому „милостиво“ разрешила банкам принимать эти облигации . . . за 30% номинальной цены. И только уезжающим иностранцам разрешила выплачивать номинальную цену купленных ими облигаций займов. Эта разница выплачиваемых цен мне позволила спекулировать.

От рабочих я покупал облигации напр., за 33—35% номинальной цены, а в банк сдавал, как иностранец, за полную номинальную цену. Прибыль, как видите, была солидная. Однако, это не было так просто, как вам на первых порах покажется. Каждый иностранец, сдающий в банк облигацию, должен был одновременно предложить удостоверение от того учреждения, где он работал, подтверждающее, что такой-то, тогда-то купил на такую-то сумму облигаций такого-то займа и т. д. Вот достать эти удостоверения было самое рискованное дело.

Я их получал. Каким образом? . . . Разрешите мне об этом не говорить. Одним словом дело процветало. Были овцы целы, волки сыты, а главное небольшую часть причитающейся мне за мою многолетнюю работу „прибавочной стоимости“ удалось все-таки вернуть. Правда, „Маркс“, в образе советского пограничника, основательно нас вытрусил от „излишков“ при переезде советско-польской границы, так что не догадайся зашить в тайное место 100 корон чехословацких — не знаю, как бы я добрался с семейством к себе домой на родину.

Там, при каждом случае, коммунисты пишут в газетах или же говорят на нудных, надоевших всем, митингах: „в СССР, в стране победившего социализма, труд стал источником жизненной радости, бодрости, зажиточной и веселой жизни . . .“. Не знаю от какого своего святого они эти трафаретные слова взяли — от Маркса-ли или от Сталина, но это, в конце концов, не так важно, главное, меня всегда поражало то, что коммунисты прямо в глаза врут обнищавшему, обездоленному, на положении раба населению, и при том не краснеют. Какую „радость и веселость“ в действительности

переживают там люди после „трудов праведных“, достаточно ярко показывает результат моей двадцатилетней физической работы „в стране социализма“: предварительно выжали из меня все соки, а потом, как зараженного проказой, выбросили за борт, принудив заняться операциями явно мошеннического характера. Соответствует-ли это все „святому писанию“ от Карла Маркса — предоставляю судить другим. Лично, на собственном горьком опыте, глубоко убедился в том, что коммунисты являются не только самыми гнусными эксплуататорами-рабовладельцами, но и отъявленными грабителями рабочего и сельского люда.

* * *

Расскажите, пожалуйста, более подробно, в чем заключались ваши манипуляции с рыбой, когда вы, после увольнения со службы в питательной фабрике, перешли на „подножный корм“? Ведь, насколько мне известно, в СССР частная особа, вернее единоличник, не может ничего покупать с целью продажи. Насколько мне известно, частная торговля законом запрещена, не правда-ли?

— Да, это совершенно верно. Торговля там запрещена, но это касается перекупщиков. Колхознику - земледельцу, колхознику-рыбаку и т. д. Одним словом, производителю излишки результатов его труда разрешено продавать. Ввиду же того, что излишки, обыкновенно, весьма незначительные, — базары колхозников являют собой всегда жалостное зрелище.

Живость базару придавали торговцы по блату, иначе говоря, спекулянты. Принадлежал к ним и я...

— А что разве в СССР можно спекулировать? — прерываю невольно информатора, будучи немало удивлен тем, что в СССР существуют до сих пор спекулянты.

— Да — ну, что вы! — быстро отвечает подсоветский человек, с ноткой укоризны в голосе, словно желая тем подчеркнуть как бы наивность моего вопроса, — граждане в СССР, занимающиеся торговлей — спекуляцией, на основании соответствующего параграфа советских законов подлежат строгому наказанию, а то от

пяти лет каторжных работ вплоть до применения высшей меры наказания — расстрела, в зависимости от серьезности „преступления“ . . .

— Так, значит, в СССР спекулянтов нет, если там их даже расстреливают? — на этот раз с умышленной наивностью снова прерываю подсоветского человека.

Мой информатор посмотрел на меня не то с презрением, не то с сожалением.

— Да, нет! . . . Действительно, правильно говорится, что сытому голодного трудно понять. Так и с вами. При нормальных условиях каждый дурак может торговать и спекулировать! А вот пусть он попробует заняться этим при советских порядках и законах, когда вас ежеминутно смогут взять на цугундр и отправить к прабабушке на поселение! Да знаете, если бы в СССР люди не принуждены были спекулировать, то и жизнь советская не была бы советской.

Спекуляция в СССР, не взирая на драконические наказания, расширена в самых грандиозных размерах. Спекулируют там, обыкновенно, отпетые люди, которым исключена возможность как-то пристроиться в советском шарабане.

И я спекулировал.

— Ну, а как же это вы практически делали, например, с рыбой?

— Процесс спекуляции был весьма комбинированный и сложный. Пока продашь рыбу, тебя подстерегают тысячи несчастий. По сравнению с другими спекулянтами, благодаря своим знакомствам, я был в несравненно лучшем положении. Рыбу я покупал по блату у очуровцев. Это охрана государственных рыбных водных пространств по Дону и Азовскому побережью. Большинство из них, вблизи Азова, я знал еще по столовке. Очуровцы ловили рыбу, вернее, крали в тех водах, которые охраняли от воров. Платил я за десять штук чабака или сулы 15 рублей. В Ростове я продавал эту рыбу от 15 до 40 рублей за 10 штук, в зависимости от спроса. Больше, как пять-десять в одну поездку нельзя было брать. Почему нельзя было больше брать? Потому что по пути из Азова в Ростов могли рыбу отобрать в семи пунктах, при регулярных облавах: прежде всего это могло

случиться на вокзале в Азове, в поезде в пути, при выходе из поезда в Ростове, при выходе из вокзала там же, при посадке в трамвай, во время езды трамвая и самая большая опасность человека ожидала на самом базаре, — там каждую минуту вас вместе с рыбой может арестовать тайный. В общем, там облавы на спекулянтов на каждом шагу. Бывало члены ГПУ остановят паракход или поезд и начинают просматривать вещи пассажиров. Можно было наблюдать забавные картины: Облава на пароходе бывало находила массу мешков и корзинок с рыбой и другим товаром и не находила ни одного собственника этого имущества. Каждый предпочитал от своего товара совершенно отказаться, нежели признаваться к нему и доказывать, что ты не спекулянт.

— Ну, а что потом делали с отобранной рыбой контрольные органы? — задаю я вопрос.

— По закону должны были отобранную рыбу передать в государственный рыбный трест для продажи населению. В действительности в рыбный трест попадала лишь незначительная часть. Обыкновенно большую часть отобранной рыбы контрольные органы, конечно, тайно делили между собою. Часть съедали сами, а часть продавали по блату знакомым и надежным спекулянтам, вроде меня.

— Не понимаю, как бы вы могли предать члена ГПУ? Каким образом вы его, революционного охранника, могли предать. Кому?

— Покупатель рыбы мог донести на члена ГПУ, у которого купил, другому знакомому члену ГПУ. Последний, после какой-либо личной ссоры с первым чекистом, этим доносом пользовался, принимал соответствующие шаги и продавца по блату — чекиста закатывали за грабеж государственного имущества в Соловки, часто и расстреливали.

— Простите, но я себе не могу представить все это! Это действительно получается так, что скорпионы пожирают друг друга. Чем вы объясняете такое нетоварищеское отношение между собою этих „товарищей“ из

ГПУ? Что их, коммунистов, толкает на взаимное предательство? — спрашиваю.

— На предательство их толкают самые прозаические, „мелко-буржуазные“ инстинкты и причины. Прежде всего руководит подобным предателем стремление отомстить, порой своему лучшему другу, за какую-нибудь личную, мелкую обиду, потом, не малую роль в этом явлении играет всеобщее подхалимство, главной-же причиной этому явлению бывает желание предателя занять более высокое служебное положение уличенного и расстрелянного коммуниста и тем улучшить свое материальное состояние. В общем, как говорится, из-за куска хлеба, в СССР даже коммунисты пожирают один другого.

— А что делали люди на пароходе, рыбу которых члены ГПУ „социализировали“?

— Ничего. Молчали. А после ухода с парохода вооруженных людей громко ругали крепкой русской бранью... троцкистов, а потихоньку всех чертей-коммунистов.

На первой остановке, обыкновенно, бедные продавцы сходили с парохода и возвращались домой пешком за новым товаром.

На проезд обратно пароходом обычно не имели денег. Такие картины повторялись почти изо-дня в день.

В начале этой „работы“ я быстро применился к местности. Потеряв один раз рыбу на пароходе, с рыбой в Ростов больше я не ездил. Ездил потом только поездом. Подплачивал кондукторов, а те мне всегда рыбу хорошо прятали. В общем, старое — „не подмажешь, не поедешь“, остается там в силе.

— Ну, а что вы зарабатывали, когда благополучно миновав все „рогатки“ добирались на базар в Ростов и рыбу продавали? — задаю вопрос.

— Прибыль от этой продажи была, обыкновенно, ничтожна и лишь изредка, когда совсем не было на базаре рыбы, была более-менее сносная. Брал я с собой в Ростов 5 рыб. Больше не брал, так как боялся, что по дороге отберут.

Действительная себестоимость этих 5 рыб была следующая:

Очуровцам	7.50	рублей
за доргу поездом Азов—Ростов	1.90	„
трамвай за себя	0.20	„
„ „ рыбу	0.60	„
Налог, установленный финорганом	3.50	„
Расходы на подплачивание	1.00	„
За дорогу поездом из Ростова до Азова	1.90	„
„ трамвай	0.80	„
Всего	17.40	рублей

Максимальная цена, за которую можно было продать 5 рыб, никогда не превышала 20 рублей, нормально продажная цена была ниже. Одним словом, при весьма удачной продаже, выручал чистой прибыли за 5 рыб 2 рубля 60 копеек. А так как, обыкновенно, рыбу возили продавать втроем: я, жена и старший сынишка, каждый по пять рыб, то общая чистая выручка от нашей продажи никогда не превышала 7—8 рублей.

Продав удачно рыбу, мы, голодные, как собаки, летели пулей в очередь к госмагазину покупать хлеб. Одному человеку в лавке выдавали только два килограмма хлеба. Так как нас было трое, то покупали вместе шесть килограммов черного хлеба по 1 р. 50 коп., и с этим возвращались домой. Не могу не отметить, как пример, повседневной советской безалаберщины следующее: в госпекарнях почему то выпекали булки весом в два с половиною килограмма, а смели продавать одному человеку 2. Так что каждый покупатель получал урезанный хлеб; в Ростове, иронизируя, говорили, что Советы даже хлеб продают „куцый“.

Советского гражданина не только с рыбой, но и с купленным честно хлебом может постичь несчастье. Из Ростова было строго воспрещено одному человеку вывозить хлеба больше двух килограммов. Однажды об этом я забыл. Оставшись с сынишкой в Ростове, жену с тремя хлебами послал домой. Дома ждали полуголодные малыши. На ростовском вокзале, в ожидании поезда, жена поставила корзинку с хлебами на лавочку,

а сама возле прохаживалась. В это время появляется член вокзального ГПУ. Проходя мимо корзинки и оборачиваясь, вдруг спрашивает: „Чей это хлеб?“

Жена с испугу, вспомнив в этот момент, что везет хлеба больше, нежели полагается и боясь наказания, отвечает: „Не знаю“.

— „А-а! Не знаете! . .“ прорычало всемогущее ГПУ и, с улыбкой на лице, забрало корзину с хлебом и скрылось в дверях помещения ГПУ. Так мы тот хлеб и корзинку больше не видели.

Социализировали.

Поголодали мы тогда, особенно дети, изрядно. А ведь в Азове ждало на хлеб, как на Божью манну, трое маленьких, голодных с утра, детей! Людей из ГПУ, это совершенно не касалось. Добывать советский хлеб насущный нелегко!

Между прочим, очень интересным способом ухитрялись женщины обманывать контрольные органы и провозить беспрепятственно рыбу в Ростов. Опоясывали на голое тело пояс, а на этот пояс навешивали вокруг мешочки, в них вкладывали по одной рыбе.

И вот картина: видишь деревенскую женщину, лицо — кости да кожа, а в боках толстая, как бочка. Одно время подобные фигуры попадались на каждом шагу. Бойко шла торговля по благу. Однако контрольные органы скоро узнали об этом способе социалистической торговли. „Толстых“ женщин начали беа пардону тянуть в финотдел. Из финотделу выходили торговки, большей частью колхозницы, сразу „похудавшими“.

— А когда все это было там, что вы рассказываете? — задаю вопрос, желая проверить правдивость информации.

Весной 1937 года, — быстро отвечает подсоветский человек.

— Неужели там и теперь нехватает хлеба, что продают всего лишь по 2 колограмма на покупателя?

— Не только не хватает, но вот, чтобы получить эти несчастные 2 колограмма хлеба, иногда приходилось от 11 часов ночи и до 6 часов утра бесцельно прогуливаться у магазина, чтобы рано утром попасть в очередь, как можно ближе к дверям магазина.

— Ну, а как же ваши малыши от трех до шести лет, вам для них продавали хлеб?

— Нет. Повидимому, по советским законам этим соплякам или не полагалось совершенно кушать или должны были сами лично целую ночь проделывать процедуру гуляния у магазина для покупки предписанного свыше пайка, — смеясь отвечает мой информатор, — бестолковщина, как видите, неподражаемая.

19. Ударничество.

— Вы, оказывается, были ударником? Хотели, значит, выслужиться? — снова задаю вопрос.

— Был и ударником. Было такое дело. Но был ударником не потому, чтобы выслужиться, как вы говорите. Нет, за этим я не стремился, хотя меня почему то всегда старалось начальство выдвигать. Причиной этому было, повидимому, и то, что я, хотя и иностранец, был часто более грамотен в русском языке, нежели самое непосредственное начальство. Играло бессомнения определенную роль и мое пролетарское происхождение.

Главной причиной моего ударничества было желание как-то улучшить безрадостное и материально тяжелое положение семейства. Безусловно, тогда еще во мне таилась определенная доля людской наивности и веры в то, что — а может быть оно и в самом деле жизнь изменится к лучшему?

— Ну, что-ж, будучи ударником, помогли вы семейству? — прерываю его.

— Нет. Семейству я не помог. Как жили бедно, так бедно и продолжали жить. Но, вот, себе в санаторий я помог.

— Как это понять? — переспрашиваю с любопытством.

— Да, как!.. Очень просто!.. Доработался ударническими темпами до того состояния, что появились первые признаки туберкулеза. Если бы меня во время не отправили в Крым, на берег моря, в санаторий, то не знаю, вообще жил бы-ли я сейчас.

Нормальная норма была установлена для моей бригады, состоящей из трех человек, в тысячу обедов и в тысячу ужинов. Для приготовления нормальной нормы приходилось работать 12 часов. Будучи ударнической, моя бригада готовила 1500 обедов и 1500 ужинов. Иначе говоря, дома я почти не спал. Страшно был всегда переутомлен. Труд мой тогда ни в коем случае не был для меня „источником жизненной радости, бодрости и т. д.“, — как о том на каждом шагу долбят коммунисты.

За время ударничества я имел ужасные неприятности. Каждый день, бывало, чтонибудь случится: то найдут в борще дождевого червя сантиметров в десять длиной, то вдруг в котлете попадется стекло, то гвоздь из-какого либо блюда вытанут. Мое состояние и положение было убийственное. Каждый день составлялись бесконечные протоколы, производились расследования, допросы, „протягивали“ газеты и т. д. и т. д.

Из ударников я чуть-чуть не попал в отъявленные вредители, с вытекающими из сего последствиями, т. е. из ударников я чуть было не превратился в материал для Соловков. Если бы не директор предприятия, вероятно, меня за мое „старание“ постигла бы очень печальная участь. Директор отстоял. Конечно, я не был виноват, но докажи, что ты не верблюд!.. Для меня ясно было, что какие-то посторонние, внешние силы мне просто „солили“ за мое чрезмерное старание. А вообще мое ударничество было для меня первым и последним хорошим уроком и предостережением на будущее время. На собственной шкуре испытал отношение рабочих к ударникам. Подобное отношение к ударникам там на порядке дня. Более ретивых ударников часто находили и с проломанными черепами. Приблизительно также, если не хуже, относятся в настоящее время к стахановцам.

* * *

— Как же так? — прерываю, — ведь, по советскому законодательству, в СССР установлен 6-часовой рабочий день, а вы говорите, что работали 12 часов в сутки и даже больше?

— Да, это верно. Законом в СССР шестичасовой рабочий день установлен, но другими законами одновременно установлены производственные нормы. Иногда эти нормы так ненормально высоки, что с трудом выполняются в течение 12 рабочих часов. Плата, при том, — за 6 часов. Коммунисты, как видите, и в этом вопросе без явного жульничества и без безбожной эксплуатации не могут обойтись. Между прочим, в 1936 году норму, которую я вырабатывал, будучи ударником, установили как нормальную, при нормальной заработной плате. Вот вам и улучшил материальное положение семейства!.. Из куля да в рогожу. В общем, мое ударничество обошлось мне очень дорого.

* * *

— Скажите, пожалуйста, как же это вы все-таки успевали с бригадой, в составе трех человек, готовить такое количество обедов и ужинов?

— В том питательном пункте, где я работал, были построены огромные котлы, каждый на 30 ведер. Один такой котел был предоставлен в распоряжение моей бригады.

Соответствующих размеров была и плита. Для того, чтобы, напр., помешать в котле, нужно было лезть наверх по лестнице и мешать коромыслом огромных размеров.

Однажды в моей бригаде произошло следующее несчастье: мой помощник, при мешании в кипящем котле, нечаянно поскользнулся и упал в котел, и чуть не сварился. Когда его вытащили из котла и сняли с него одежду, то вместе с одеждой была снята и вся его кожа. Картина была потрясающая. Был красный, как вареный рак. Остался жив. Когда вышел из больницы, мог ходить, но абсолютно не сгибая ни ног, ни рук; не мог совсем поворачивать головы. Впечатление было такое, что это не человек, а истукан. Новая кожа сильно стянулась и не позволяла сгибать ни рук, ни ног. Это вам, так сказать, один из результатов ударничества. Человек ужасно спешил, поскользнулся, свалился в котел и чуть сам, вместо мяса, не сварился. Что-же касается легких ранений, они случались почти ежедневно.

20. „Лицом к Казачеству“.

— Как вы думаете, — обращаюсь я к подсоветскому человеку, — казачьи части, которые в СССР участвовали в различных пробегах, скачках, торжествах состояли из действительных природных казаков, или же это были, как пишут эмигрантские газеты, комсомольцы, коммунисты и пришлые мужики, переодетые в казаков?

— Эмигрантские газеты были неправильно информированы. Выступали тогда исключительно природные казаки. В восстановленные казачьи полки, по моему, тоже посылали только природных казаков.

— А какие у вас данные к этому утверждению, — прерываю.

— Прежде всего сужу об этом потому, что от станиц того района, где я жил, тоже участвовали некоторые колхозники. Были они, как на подбор, все до одного природные казаки. Многих из них я лично знал много лет перед тем. О других я информировался у знакомых, включительно до знакомых коммунистов. Были все казаки.

В свою бытность там, лично, я тоже интересовался этим вопросом, предполагая, что все это липовые казаки.

Неожиданный поворот Соввласти „лицом к Казачеству“ многих тогда, в том числе и меня, удивил. Подобный экивок Соввласти, даже для подсоветских людей, был непонятен, был большой неожиданностью. Бесконечные эшалоны ссылаемых на север казаков, разбитые и опустошенные артиллерией станицы, десятки тысяч без суда и следствия расстрелянных казаков, их жен и детей — все это было еще свежо в памяти. Потому нет ничего удивительного, что подсоветские люди уже инстинктивно осторожно относились к правительственным мероприятиям по отношению к Казакам. Также трудно было представить себе преданность и благодарность „рассказаченных“ казаков к правительству, которое в течении прошлых шестнадцати лет физически их уничтожало. Тем не менее, были то природные казаки.

За двадцатидвухлетнее пребывание в Казачьем Крае я научился безошибочно отличать казака от мужика. Орла, как говорится, по полету узнаешь. Между казаком и мужиком была и есть разница. Безусловно, между ними был небольшой процент казаков, которые сражались против белых на стороне красных, но ведь эти казаки тоже преследовались коммунистами в одинаковой степени. Как я вам уже говорил, казаки, собственно, и до поворота Соввласти лицом к Казачеству нескрывали свое казачье происхождение. Многие — еще задолго до „поворота к ним лицом Соввласти“, говоря о том, что он казак, били себя при этом кулаком в грудь, подчеркивая этим свою особую гордость своим казачьим происхождением. Таких случаев я много видел. А история с „красным генералом“ казаком-кубанцем Бондаренко? Тот, во времена жестокого террора, в единственном числе — сам — на коммунистическое начальство нагонял страх...

— Что преследует, по вашему, советское правительство поворотом „лицом к Казачеству“?

— Ни больше, ни меньше как собирается нанести новый — еще более жестокий удар по Казачеству — быстро отвечает уверенным тоном мой собеседник.

— Прежде всего я Соввласти не верю ни на полomanный грош. Горькая действительность научила меня так относиться ко всему, что исходит из „кухни“ Советского правительства. Не верю абсолютно тому, чтобы Сталин, известный экспроприатор и кровавый враг Казачества, мог вдруг решиться искренно восстановить Казачество в его правах. Поворот Советского Правительства „лицом к Казачеству“ надо понимать, как очередной чекистский маневр — очередная коммунистическая провокация. Это подготовка следующего удара по всему тому, что еще осталось от подлинного Казачества. Подобное заигрывание Сталина с казаками означает большевицкий способ выявления истинного настроения живущих там казаков.

Местные коммунистические власти в Казачьих Краях давно уже сообщали в Москву, что „враждебный, белобандитский, казачий элемент“ выкорчеван основательно — с корнем. Красному царю этого было мало. Сооб-

щение своих подчиненных решил проверить. Потому и „повернулся лицом к Казачеству“. И, о ужас! Что же оказалось?! Оказалось, что не только казачья психология не изжита, но к смертельному перепугу „гениального вождя“, даже целы, давно как будто преданные анафеме, все специфические казачьи атрибуты: казачья одежда, шапки, кинжалы, песни, танцы, умение ездить на лошадях, а главное хорошо стрелять и рубить. Этого Сталин никак не ожидал.

Внутреннюю сущность большевицкой тактики борьбы со своими врагами я хорошо на месте изучил и глубоко убежден в том, что Советская власть, вернее Сталин, издавая по партийной линии распоряжение о „восстановлении казачьих традиций“, заранее решил: если это распоряжение вызовет живой отклик в казачьем населении, то, значит, еще казачий дух, в противоположность тому, что сообщают подчиненные, совершенно не изжит, Казачество не перековалось. Следовательно появляется, с точки зрения коммунистических **заправил**, неотложная необходимость принять немедленно соответствующие меры для того, чтобы окончательно обезвредить этот опасный и сугубо ненадежный для Советов элемент; в случае-же, если настоящее — подлинное Казачество пройдет мимо большевицкого поворота „лицом к Казачеству“ совершенно спокойно, не замечая, значит действительно казачий дух окончательно и бесповоротно сломлен. Так, по моему личному убеждению, думали главари из Кремля, издавая свое пресловутое распоряжение о „возрождении Казачества“.

И вот, на основании только что мною сказанного, не будучи пророком, могу вам предсказать, что в недалеком будущем за „хвалебными гимнами“ в адрес казаков последует новое жестокое их преследование. Первые признаки этого „поворота“ Советов я уже замечал перед отъездом на родину. Достаточно было взять в руки „Молот“ для того, чтобы почувствовать — куда начинает ветер дуть. Советские газеты — это своего рода барометр.

Я лично, между прочим, знакомых казаков предупреждал о том, чтобы были осторожны и не принимали „хвалебные гимны“ за чистую монету и оставались в

пассивном состоянии. Но результаты моей „интервенции“ были самые ничтожные.

— „Э-э, Андреич!“ отвечал обыкновенно предупреждаемый, махнув при этом рукой, как бы давая понять: хотя день, да наш, а потом можно умереть, — „пусть все знают — кто мы“... Вытягивали из укрытов свою казачью одежду, одевались и шли на сборы самым добросовестным образом показывать свое незабытое опасное искусство.

Считаю, что этим своим маневром Соввласть убила одновременно, как говорится, два зайца: во первых — проверила настроение казачьего населения и его тайные тужбы, а во вторых — определила совершенно точно действительное духовное единство с Казачеством остального — неказачьего населения. Полагаю, что тот всеобщий энтузиазм, который царил тогда среди населения при появлении казачьих частей, наводил большевиков на грустные размышления, ибо зрелище тогда и для „товарищей“ представлялось невиданное.

* * *

Стоя во всяких бесконечных и традиционных очередях, часто приходилось слышать интересные реплики при прохождении казаков: „Эх! хотя бы скорей...“ произносит какой-то неизвестный, нетерпеливый голос.

„Вероятно, интересненько получилось бы, если бы им дали еще и винтовочки“, вторит ему в унисон другой.

„Да-да, гм!“ многозначительно соглашается третий.

„А смотрите-смотрите, какие плети-то у них, зачем-же это им разрешили и плети иметь, это, ведь, опасно!“ вносит явный диссонанс раздавшийся недоуменный голос, имеющий, видимо, какое-то тесное отношение к коммунистическим городским законам.

„Да как же на лошади поедешь без плети-то, где это ты видел?“ вмешивается в разговор со стороны неизвестный.

„Да, это верно, но что, если вместо лошадей, начнут, как это было при царе, бить людей?“ оправдывается недоброжелатель.

„Да!... вот это да... действительно!... но для такой шпаны, как ты, теперь уже плети недостаточно будет...“ прорывается вдруг у оппонента. Заметив свою оплошность, неизвестный оппонент быстро — вмиг исчезает в толпе.

Обыкновенно, в таких случаях, бывало быстро втягиваешь шею в воротник и делаешь вид, что ты ничего не слышал и не видел. Осторожность в СССР — великое дело.

Вообще в последнее время в очередях и людской толпе можно было слышать довольно смелые реплики. Особенно смело себя ведут женщины и в особенности те, которые находятся в положении. О-о!... те себе много иногда позволяют, ругают всех и вся все равно, как беспризорники.

*

Как я вам уже говорил, часто мне приходилось в интимном кругу спорить и вести политический разговор со своими приятелями-коммунистами. Как всеобщее интересное явление могу констатировать, что жена каждого коммуниста была в политическом споре всегда оппонентом своего мужа; в подобных спорах жены коммунистов всегда были на моей стороне. Были всегда более острыми и резкими оппонентами, нежели я.

Помню лишь одно исключение. Была то жена коммуниста Васильченко. Та оказалась действительно белой вороной. В коммунистической казуистике была сильнее даже своего мужа. Выступала на собраниях и т. д. Начальство ее выдвинуло.

Делала себе карьеру не по дням, а по часам. За активность послали ее на какую-то должность в Москву. Но там не долго пробыла. Вскоре снова появилась на наших Азовских горизонтах, но уже как подмоченная курица. Как повже я выяснил — выгнали ее и из партийных рядов. Причиной сему финалу послужило довольно свободное отношение коммунистки Васильченко к половой живни. Даже коммунисты, которые на этот вопрос человеческой жизни смотрят очень радикально, ужаснулись над повседневной половой жизнью своей сочленки.

— Скажите, пожалуйста, не приходилось-ли вам вести интимный разговор с каким-либо казаком. Ведь вам приходилось много времени работать с ними вместе, как вы говорили, в колхозах и т. д., — прерываю.

— Работать с ними я, конечно, часто и долго работал. Подобные разговоры, как правило, обыкновенно ведутся при выпивке. Выпивал я и с казаками. Но разговоры почти всегда вели на невинные темы. Невозможно было свести их на политический разговор. Как только, бывало, начну говорить о чем либо политическом — на тему дня, мой собутыльник прерывал: „Э-э, да брось ты это, Андреич“, и начинал петь „чому я не сокіл, чому не літаю“ . . . Или же: „Эх! Андреич, перестань . . . жизнь наша — ве-се-лая . . . отчего у людей нет крыльев . . . Эх-ма! Ну, выпьем, дружок . . . за наше прошлое и за . . . бу-ду-щее“ . . .

На большую интимность не удавалось мне вызвать казака. Не удивляйтесь этому. Больше всего мне пришлось соприкоснуться с казаками, когда я работал в колхозе в Кагальнике. А как вам уже известно, в то время я был председателем профессионального рабочего союза. Иначе говоря, был я тогда своего рода тоже советской шишкой.

Ясно, — люди меня просто остерегались, ибо всем было известно, что подобную должность мог занимать только ставленник коммунистов.

— Во время бегства к вам казаков с Кубани, не случилось ли вам встречаться с казаками станицы Уманской? — прерываю собеседника.

— Нет. Не приходилось.

— А станицы Пролетарской? — продолжаю.

— Станицы Пролетарской — да.

Однажды является ко мне рабочий средних лет. Просит, чтобы я ему помог устроиться в колхоз. Вижу — парень толковый. Расспрашиваю. Он мне откровенно сказал, что он казак и что его раскулачили. Больно ему было смотреть, как чужие пользуются его добром, решил потому податься в свет. Документов, конечно, никаких. Пришлось смастерить.

В колхоз он попал. Парень был работающий и понимающий в хозяйстве. Со временем был выдвинут, так сказать, на управляющего, т. е. он фактически вел хозяйственную часть колхоза. Выписал свою жену с двумя детишками и еще 12 казачьих семейств, которые тоже были приняты, с моей помощью, в колхоз, кроме одного старого-престарого казака. Было ему лет 80. Был бел, как лунь. Тоже был в Пролетарской раскулачен. В Кагальник пригнал он двенадцать овец, которые как-то удалось ему скрыть от раскулачивания. Но бедный старик, как говорится, попал из огня да в полымя: здесь его окончательно раскулачили — забрали его овец, а самого, как престарелого, в колхоз не приняли. Вероятно, несчастный старик так где-нибудь под забором и помер от голода. Лично никак не мог ему помочь.

Через год после прихода этих казаков в Кагальник, в управление села был прислан коммунист Ипатов; как оказалось потом Ипатов, был уроженцем иногогородным станицы Пролетарской. Ипатов, конечно, узнал своих станичников. Начал вести расследование: как это могло случиться, что кулаки да попали, вдруг, в пролетарии. Почва подо мною начала накаляться. Вам уже известно, что лично я дал „драпу“ потом в Симферополь. Казаки тоже скрылись. Неизвестно куда. Больше с ними не встречался. Хорошие были ребята.

Примечание автора. Как природный кубанский казак станицы Уманской, (была, если не ошибаюсь в 1929 году переименована большевиками в Пролетарскую), естественно чрезмерно хотел что-либо узнать и услышать о родной станице и братьях казаках своей станицы, там пребывающих. Потому умышленно я завел речь о казаках станицы Уманской. Как видит читатель, подсоветский человек даже не знает старого названия станицы. Позже, когда я своему собеседнику открыл кто я, он мне более пространно рассказывал о казаках станицы Уманской. Назвал фамилии казаков, с которыми ему пришлось столкнуться. По понятным причинам не передаю все. Самое существенное выпускаю. Выпускаю и фамилии, даже иногда и коммунистов. Мой собеседник утверждает, что не все коммунисты там, на самом деле коммунисты.

* * *

— Казаки, по моему, сейчас там поют те же песни, что и до большевиков. Казаки с Кубани, которые работали в колхозах в Кагальнике, особенно любили петь песню:

Выпрягайте, хлопці, коней
Та лягайте спочивать,
А я піду в сад зелений,
В сад крыныченьку копать.
Копав, копав я крыныченьку,
Тай докопав я до воды,
Утром рано, ранесенько
Прийшла дивчененка по воду.
Просив, просив я у неї відерце,
Вона його міні не дала,
Давав, давав я їй колечко —
Вона його не взяла . . .

В колхозе моя жена всегда распевала вместе с казачками эту песню. Прекрасная мелодия. На что я, которому слон наступил на ухо, и то научился петь эту песню. В том же колхозе первый раз я услышал от казаков „Ты, Кубань, ты наша Родина“, которую тайком распевали казаки, иногда — „А вжеж літ двісті“ и много, много других красивых песен пришлось тогда услышать.

На торжествах казаков в Ростове, сильное на меня впечатление произвели своими песнями донские казаки. Ужасно залихватские песни; население в восторге, что называется, на стенку лезло. Что пели, не знаю. Но были при том всякие бубны, побрякушки. Очень красиво это у них выходило. Притом, песням конца не было.

*

Невеселая колхозная жизнь в летнее время как-то легче проходила.

Вечером колхозники и колхозницы возвращались с работ домой всегда с песнями. Ежедневное на меня впечатление производили песни колхозниц-казачек. Ежедневно я слушал эти песни с большим удовольствием и хотелось без конца их слушать. Гвоздем „репертуара“ казачек были песни:

Скакал казак через долины,
Через кавказские вершины . . .

или же:

Наш гордый казак
Врагу не сдается . . .

Песни, полные юмора, сменялись унылыми, полными душевных переживаний. После них у исполнителей на глазах неизменно появлялись слезы. Слезам не приходилось удивляться. Порой трагические слова песни были для каждой из них жуткой тяжелой и мрачной действительностью. Каждая имела то брата, то отца, то милую „на чужбине — на чужой стороне“, как пелось в песне.

В Азове моя супруга очень дружила с женой одного коммуниста. Назовем ее Пашей. (Подлинное имя и девичья фамилия автору известны). По происхождению была Паша казачкой станицы Мечетинской. Ее родные были раскулачены. Стариков — отца, мать и младшего шестнадцатилетнего брата сослали на север — в Соловки. Старшего брата при раскулачивании коммунисты на отцовском дворе, за защиту отцовского добра, убили на глазах всей родни. Пашу с младшей сестрой Катей товарищи оставили на свободе, но из родительского дома выгнали, в станице тоже не позволили оставаться. Очутились девушки в страшно трагическом положении. Как говорится, не осталось ни кола, ни двора, а родители на каторге.

На смерть перепуганные, пошли бедные, в чем успели выскочить из дома, пешком по дороге, куда глаза глядят. Попали в Ростов, потом — Таганрог. В Таганроге, на блату, устроились работницами на один завод. Паша там долго не пробыла. Отличалась она необыкновенной красотой. Стройная, красивая фигура, привильные черты лица, румяные всегда щеки, крупные голубые, очаровательные глаза под черными бровями, полные груди делали ее очень заметной среди остальных работниц. Начальство сразу же обратило свое „высокое“ на нее внимание. От ухажоров высокой марки не было отбою. Долго Паша крепилась и блюла верность своей мечте — быть подругой жизни казака. Но человек предполагает, а

Бог располагает: не суждено было исполниться и Пашиной лелеянной мечте. В силу обстоятельств принуждена она была стать женой коммуниста Трофима Терентьевича Землянова, ближайшего своего начальника.

Небольшого роста, широкоплечий, с шеей битюга, с вечно пьяным, красным лицом, с начинающим зеленеть носом и со злыми, в узких, заплывших жиром орбитах, глазами, коммунист Землянов был типом отъявленного негодяя и мерзавца. Без какого-либо школьного образования был он грубый и дерякий, но глупый и настолько дурак, что я себе большего дурака не могу представить. Тем не менее, Землянов был „советская шишка“ немаловажная.

По моему, в дореволюционное время его специальность была — вор-рецидивист. Безбожно крал он все, да вероятно и в настоящее время крадет; крал и при Советской власти, будучи уже сам в роли власть держащего. В 1935 он с 12-тью сообщниками попался в грабежах товаров из железнодорожных вагонов. Из этой группы 2 человека расстреляли, 9 человек послали каждого на 10 лет в Соловки, Землянова освободили. Его освобождению помогли его огромные связи в Правительственных кругах. Вся эта компашка была исключительно коммунисты — железно-дорожные служащие: кладовщики, сцепщики, кондуктора и т. д. Землянов был тогда начальником депо в Батайске.

И вот такому, извините за выражение, человеку попало счастье в особе жены Паши. Много горя потерпелась она с ним. Терзал он ее за ее казачье происхождение ежедневно, пока однажды она ему не разбила рожу. После этой расправы жены над мужем наступило семейное спокойствие. Паша часто приходила к нам выплакаться и после этого, обыкновенно, отведя душу, любила иногда и затянуть какую-либо казачью песню. Любила она особенно следующую:

Наших казаков по всем свете
Чужие девицы ласкают
И серденьком их называют,
А казачки — в родной Земле
Горькие слезы проливают...

После этой трогательной песни лились у ней слезы из глаз ручьем . . .

В начале 1937 года ее мать, дряхлая совсем старушка, и брат вернулись изсылки. Приехали в Азов и остановились у Паши. Но на другой день зятек их выгнал из своей квартиры: „Пошли вон, сволочи, из моей квартиры . . . не конфузьте меня“ . . . этими словами „приветствовал“ Землянов несчастных родных своей жены.

О судьбе отца Паши никто ничего до сих пор не знает.

— Как вы думаете, что, по вашему мнению, из себя представляют казаки? — спрашиваю, желая поставить подсоветского человека хотя один раз в затруднительное положение.

— Как, что? Ясно, что народ, — быстро, ни на минуту не задумываясь, отвечает мой собеседник.

— Ну, это правильно, что казаки представляют из себя народ, — продолжаю, но какой народ? . . . Русский?

— Знаете, господин инженер, простите заранее, что мое мнение может не совсем будет вам приятно. По моему — название „русский“ есть понятие растяжимое. Когда я попал в русский плен — думал, что в России живут только русские. С фронта я тогда попал, как говорится, без пересадки, прямо на Дон в Сальские степи на работы в экономию Ивана Алексеевича Пишванова. Там меня назначили помощником пастуха одного табуна овец, так это тысячи в две голов. Моим непосредственным начальством оказался никто иной как калмык. Даю вам честное слово — ночи две не мог спать, все думал о том, где я нахожусь — в России или в Японии. Другие пастухи были тоже калмыки. Полное впечатление, что я нахожусь в Японии. Хотя, судя по тому, как я долго ехал поездом, так быстро в Японию попасть не мог. Современем я во всем ориентировался.

Мои „русские“ коллеги по пастушьему делу по русски, что называется, ни бум-бум, я тоже. Картина впоследствии получилась курьезная: сталкиваясь часто с казаками я, за трехлетнее пребывание у Пишванова, на-

учился говорить довольно прилично по русски, а мои „русские коллеги“ все попрежнему ни бум-бум. Пришлось немного подучиться говорить и по калмыцки.

Когда я был на фронте, еще в австрийской армии, много слышал о казаках, как о кавалерийских частях, в боевом отношении весьма опасных. Проще говоря, казаки в моем представлении тогда были все равно, как у нас драгуны и т. д. Попавши на Дон — узнаю, что оказывается целые селения называются казачьими, причем жители этих селений от мала до велика называют себя не иначе как казаки, в то время как соседние селения называются русскими, другие калмыцкими и т. д.

Впоследствии я столкнулся с армянами, персами, грузинами, черкесами, украинцами и т. д., и т. д. Одним словом, Россия не населена только русскими, но населена конгломератом различных народов, в то числе и казаками. По моему, казак — такой же русский, как я был в старой Австро-Венгрии австриец. Этим всем я хочу сказать, что казаки представляют собой особый в России народ — казачий народ.

Я был очитым свидетелем всех тех зверств, которые большевики проделывали в течении двадцати лет над казаками: их расстреливали десятками тысяч, отправляли целыми станицами на каторжные работы — в Соловки, забирали у них все живое и мертвое, великим трудом нажитое добро, выгоняли их из собственных хат, запрещали называть себя казаками и тем не менее, не взирая на все это, за все свое 20-летнее пребывание при большевиках, не знаю ни одного случая, чтобы казак когда-либо скрыл свое казачье происхождение, даже казаки-коммунисты никогда не скрывали свое казачье происхождение.

Чем вы такое явление объясните?

*

Сами себя казаки там в СССР считают особым казачьим народом — не иначе. Русских казаки не любят. В их глазах все русское является как-бы символом ненавистного коммунизма. Больше — там идет очень упорное шушуканье среди казаков, которое дошло и до моих ушей, что будет там казачье самостоятельное государ-

ство и не только на Дону и на Кубани, но как-будто и на Урале.

Говорят, что это обязательно случится в течение десяти лет.

(Снова должен заметить, что мой информатор, рассказывая мне все это, предполагал, что я русский. О том, что я — казак он узнал гораздо позже).

— Но это явление наблюдается не только среди казаков. Настроения иных народов аналогичны. Кавказские народы и, особенно, украинцы, тоже резко настроены не только против коммунистов, но, одновременно, и против русских. Очень сильно развилось национальное движение среди этих народов. Ненависть и антагонизм инородцев к русским так огромны, что не только советская власть, но и другая русская власть, которая придет на смену ей, не сможет теперь удержать все эти народы под своей властью. Вне всякого сомнения, что эти народы добьются самостоятельности. Коммунисты довели нацменьшинства до такого состояния, что теперь бесконечные расстрелы не являются уже для них сдерживающим аргументом. Нет никакой силы, которая бы остановила теперь процесс дифференциации в СССР. Большая часть коммунистов не русского происхождения, а из так называемых нацменьшинств, настроены в действительности, как это вам ни покажется странно, антикоммунистически, и работают в унисон стремлениям своих народов. Это все утверждаю совершенно объективно, на основании долголетних повседневных наблюдений советской жизни и собственного опыта в СССР.

— Как бы, по вашему мнению, встречало неказачье население казаков и Казачье Правительство, если бы они, допустим, появились вдруг с оружием в руках на Казачьих Землях и возобновили борьбу с большевиками, прекращенную в 1920 году? — ставлю следующий очередной, интересующий меня, вопрос.

— Ноги бы им целовало! — моментально отвечает подсоветский человек.

— Вы шутите?..

— Нет, господин инженер, говорю это вам совершенно серьезно, с полным сознанием моральной ответственности за сказанные слова. Добавлю — если бы это Правительство их приняло в казаки — все бы неказачье население, не задумываясь, немедленно бы записалось в казаки, не исключая даже многих коммунистов.

— Ну, за коммунистов, думаю, не особенно бы вас благодарили, — прерываю.

— Да, это так! Но нельзя забывать то, что среди коммунистов много, собственно, „липовых“ коммунистов, которые пробрались в партийные ряды с целью вредительства и подрыва авторитета Соввласти. О-о! Подобных славных ребят я знаю много. Они особенно много вреда делают Комвласти. Парадоксально — не правда ли? Но это так.

21. Летела галка . . .

Помню такой особенно интересный эпизод, о котором я услышал совершенно доверительно от приятеля — вот такого же липового коммуниста. Его за раскрытие этой тайны могли расстрелять.

Дело было в 1927 году. Место „события“ — город Таганрог. Как вам, вероятно, известно — в городе Таганроге был памятник Александру II. Большевики этот памятник убрали. Убравши, решили на освободившееся место поставить памятник „Ильичу“. Решили — сделали. Торжественное открытие памятника приурочили к советскому торжеству 1 мая.

После торжественного, полного „энтузиазма“ парада перед начальством, процессии двинулись к месту сбора — к памятнику. Памятник, конечно, был еще закрыт. Все шло, как по нотам, — тысячные толпы народа с бесчисленным множеством флагов заполняли пространство у памятника. Начальство, в полном составе, было на традиционной, украшенной красной материей, трибуне. Грело весело майское теплое солнышко. С моря дул легкий ветерок.

Среди начальства вдруг поднялось какое-то волнение.

„Не кажется-ли тебе, товарищ, запах воздуха, подозрительным“, наклоняясь, обращается один советский вельможа к другому.

„Да-да, что-то воняет. Откуда-это? Что за чорт!.. Не понимаю!.. Надо посмотреть, дует-то от памятника“, отвечает другое коммунистическое светило.

После предварительного обмена мнений, начальство решило осмотреть закрытый памятник.

Обнаружилось, что на протянутой руке Ильича завешено ведро, наполненное доверху человеческими испражнениями. Но это было не все. Весь памятник был вымазан тем же веществом.

Вонь от памятника шла, как из третьесортной уборной. На груди была привешена деревянная дощечка с надписью большими буквами:

Летела галка и сгоряча,
Об... делала дядю Ильича.

Замешательство среди совначальства было колоссальное. Всеобщей массой пустилось оно приводить памятник в надлежащий порядок.

Как утверждал мой приятель-коммунист мог такую „шутку“ выкинуть только коммунист. По его словам к памятнику, за время его изготовления, ни один простой смертный не имел доступа. Я это, на основании собственного наблюдения и аналогии с подобными случаями, свидетелем которых я был, вполне допускаю. Советская жизнь полна самых неожиданных сюрпризов. Люди, можно, сказать, собрались отдать дань признательности своему „непогрешимому“ идеологу социализма, — а тут тебе, на — скрывай ведро с нечистотами и мой изгаженный образ „святого“.

Вероятно, вы здесь за границей что-либо подобное не слышали?! — заканчивает подсоветский информатор.

22. Ходоки „туда“.

— Как вы думаете можно-ли в СССР нелегально пробраться и с какими опасностями это сопряжено? — после некоторого перерыва задаю вопрос. — Пробрав-

шись в СССР, с какими трудностями придется столкнуться?

— Как при переходе каждой границы, а советской в особенности, — первая большая опасность ждет человека со стороны пограничной охраны. Если напоретесь на советский пограничный пост — считайте, что в самом непродолжительном времени вас ждет конец.

Вообще же, как правило, каждый нелегальный ходок в СССР, по моему, должен иметь одного надежного, знакомого человека, живущего хотя бы в 50—60-ти верстах от границы. Без такого человека ходить в СССР дело, по моему, совершенно безнадежное, окончится обязательно смертью. Без такого человека, миновав благополучно пограничные посты и уйдя в глубь страны, вы, в конце концов, должны будете к кому-либо или попроситься переспать или будете просить хлеба, или же обратитесь просто за советом. И вот этот первый человек, к которому вы обратитесь и который вас не знает, обязательно вас предаст НКВД. При чем 99% за то, что этот человек будет сам, в действительности, самый отъявленный и непримиримый враг Соввласти.

Почему предаст?! — А потому, что он будет вас считать за агента НКВД, который, по его мнению, пришел просто проверить его бдительность. Получается чрезвычайно парадоксальное явление, но что это так бывает — я со всей настойчивостью утверждаю.

Другое дело, когда вы миновав благополучно советских пограничников и обходя все населенные пункты, попадете прямо на квартиру к вашему знакомому! Попав к нему на квартиру, можете с того момента считать, что ваше, сопряженное с опасностью для жизни, предприятие увенчалось успехом. Подсоветский ваш знакомый дальнейшее обделаает все в три счета, тем паче для человека из-за границы. Уверяю вас в том, что вашими покровителями будут даже и некоторые коммунисты, конечно, „неправоверные“, а свои ребята, примазавшиеся к коммунистам. Начиная этим моментом вы можете целый СССР из'ездить вдоль и поперек: от польской границы аж до Владивостока и от Батума до Архангельска. Все дороги вам будут открыты.

Снабдив соответствующими документами, вас сделают такой советской шишкой, что вы и сам себя не узнаете. А чтобы вы не засыпались на первых порах в своей роли — дадут вам проводника.

Для ходока „туда“ самое главное иметь одного человека — хорошего знакомого, и к нему во что бы то ни стало стремиться добратся. Без наличия такого человека, ходок в конце-концов обязательно погибнет. Иметь там одного знакомого человека, антикоммунистически настроенного, это значит иметь потом бесконечное число верных и убежденных помощников, готовых на самые рискованные, отважные шаги.

Прошел я основательную двадцатилетнюю советскую школу жизни, прекрасно знаю, чем народная масса в СССР дышит и чего жаждет, но все это там под десятью замками. Надо иметь ключ. В данном случае, ключем к душе подсоветских людей явится для ходока знакомый человек.

23. Над чем подсоветские люди смеются.

— Если вам еще не надоело слушать меня — продолжает после небольшой паузы подсоветский человек, заметив, видимо, тяжелую грусть на моем лице, — могу вам рассказать один эпизод из советской жизни, так сказать, из „веселого“.

Я любил посещать цирки. В цирке человек обыкновенно забывал на миг тяжелую повседневную советскую жизнь. Полагаю, что вам, по всей вероятности, будет интересно узнать, что, собственно, так у людей вызывает смех, иногда гомерический — смех до слез. Как это было раньше, так и теперь, главной аттракцией в цирке являются клоуны. Клоунов публика всегда любила, любит она там их и теперь. Да как их и не любить! Помню, однажды в Ростовском цирке публика была особенно в большом экстазе от клоунов за следующее их выступление: встречаются это два приятеля — клоуны, Один из них иностранец, приехавший к своему коллеге, советскому клоуну, в СССР, в гости. При встрече, пос-

ле долгой разлуки, приятели ведут приблизительно такой разговор:

„А-а . . . дорогой товарищ, мой долгожданный гость! приветствую тебя на нашей наидемократичнейшей, наисвободнейшей (в публике смех) рабоче-крестьянской земле“, обращается советский клоун к иностранному: отдохнешь ты у нас, дружок, и откормишься после голодной буржуазной жизни“ (в публике смех).

„Да-я, дорогой товарищ, за границей совсем не голодал“, отвечает иностранный клоун.

„Ну, если не голодал, то во всяком случае очень мало ел“, перебивает советский клоун.

„Да нет, дружок! ты, я вижу, совсем неправильно информирован, у нас очень много и сытно едят“, снова отвечает другой.

„Гм . . . много! . . . сытно! А что, собственно, у вас там едят?“ спрашивает советский.

„Утром, на завтрак, кофе, булка с маслом, в обед — жирный мясной суп, бифштекс, пирожное на закуску, на ужин — тоже что либо мясное, с соусом“ . . .

— „Ну, брат, заткнись“ . . . перебивает советский клоун и хлопает иностранного своего коллегу по плечу: куда вам до нас! У нас утром селедка, в обед — селедка и на ужин — селедка . . . знаете . . . самая рыба! Не то, что у вас, мясо-да-мясо . . . А ну-ка посчитай, сколько в этой рыбе сидит калорий (смех публики усиливается) да всяких там полезных жиров“ ? . . .

— „А у нас, кроме того“, защищается иностранный: „всегда, как правило, пьют после обеда и ужина пиво“ . . .

— „Ха-ха-ха! Вот так учудил, дружок! Ха-ха-ха! . . . как правило . . . пьют пиво . . . детский напиток“! . . . заливаясь смехом, говорит советский: а у нас, товарищ, без всяких правил пьют — утром водку, в обед водку, вечером водку и целую ночь водку . . . Эх! Куда вам до нас . . . толстобрюхие буржуи“ . . .

Взрыв всеобщего смеха, крики — браво заглушают дальнейшие слова советского клоуна.

„Да ты не смейся, товарищ“, пытается снова защищаться иностранный гость: „у нас народ очень много еды за день съедает“ . . .

— „Ха-ха-ха! да ты, товарищ, я вижу, не имеешь в голове все заклепки. Ха-ха-ха! Вот так удивил!.. Нет, брат, вот тут ты нас уж никак не переплюнешь... нигде в свете так много люди не едят, как у нас в Советском Союзе... Да-да! Знаешь, товарищ, у нас каждый получит паек на целый ме-ся-ц, сядет себе да этак в один присест и съест все... Что так смотришь“?..

Страшный взрыв смеха и рукоплесканий, совершенно заглушают последние слова клоуна. В цирке невообразимый крик и шум. Публика в восторге. Снисходительно улыбается и сидящее в ложах местное советское начальство. Присутствующие члены ГПУ в явном недоумении.

Лично тогда у меня от смеха слезы текли. Чуть кишки было себе от смеху не порвал. А, собственно, для здешних условий жизни, советские клоуны в сущности ~~ничего~~ смешного не показали. Там же это имело среди зрителей колоссальный успех, окончившийся, правда, арестом обоих клоунов.

Безусловно, с их стороны была явная и, при советских условиях, весьма смелая попытка осмеять существующие советские порядки. Это публике импонировало.

„Вот, молодцы! вот это — да-а! Вот, сукины-дети, и не боятся!“ раздавались в публике возгласы.

„Так-то так! Но, вероятно, ребятам за кулисами уже говорят: посмешили людей... ну, а теперь пожалуйста, ребятки, к нам бриться!“ слышен намек на ГПУ.

Оба клоуна были действительно за вредительство арестованы.

В СССР в два счета пришьют ярлык вредителя.

24. Издержки революции.

Достаю из ящика стола книгу Бориса Солоневича „Молодежь и ГПУ“. Открываю страницу сто семнадцатую с фотографией кладбища, где изображена большая бесформенная груда человеческих трупов. Показываю фотографию подсоветскому человеку и, молча, наблюдаю

за ним. Он медленно берет в руки книгу и просматривает внимательно картину.

— Знаете, это очень характерная и верная фотография из подсоветской действительности, — замечает подсоветский человек. — Лично, подобную картину видел собственными глазами.

Во время отступления белой Армии в декабре 1919 года, я работал в городе Таганроге на хлебзаводе, который, если не ошибаюсь сейчас, находился на Кузнечной улице. Проживал я тогда в ближайшем от города селении Петрушинки. На работу приходилось ходить и возле кладбища. Белые ушли как раз в праздник Рождества Христова. Была тугая зима.

После вступления красных войск, в городе пошли обыски, облавы и, конечно, расстрелы. Расстрелы продолжались непрерывно в течении двух недель. Расстрелы совершались на кладбище, и всегда в полночь. При чем расстреливали на одной стороне кладбища, а хоронили убитых почему-то на другой стороне, близь забора, возле которого приходилось проходить по пути на работу. Обыкновенно, точно в 12 часов раздавались залпы, что означало „физическое уничтожение очередной партии белогвардейцев“. Время было очень тревожное и жуткое.

Я ходил на работу в 4 часа утра. Проходя вдоль кладбищенского забора, регулярно в течении 14 дней видел, как привозили трупы с другой стороны кладбища к готовой огромных размеров яме и сбрасывали туда с воза мертвецов.

Два человека на возу брали труп — один за руки, другой за ноги, и в такт немного размахав трупом, бросали его вниз — в яму. Зрелище было страшное. Воз для перевозки трупов был специально приспособленный: большая платформа воза была с боков на метр высоко огорожена досками. Иногда приходилось видеть, как высоко над боковыми досками были сложены штабеля трупов.

Помню, однажды проходя мимо, услышал слова: „Товарищ, спрыгни-ка да утрамбуй эту сволочь, а то вся эта дрянь не влезет в яму“.

Не поняв сути произнесенных слов, и желая узнать

в чем дело, я немного уменьшил шаг и начал незаметно наблюдать: один человек соскочил в яму и начал, под веселую мелодию, прыгать по трупам. Трупы были уже замерзшие. Во все стороны торчали руки и ноги. Прыгавший в яме особенно старался попасть на руку или ногу.

После удачного прыжка раздвинулся треск, как это бывает, когда уламывают сухую ветку.

Ночи были ясные, лунные; все это было хорошо видно.

Тяжело бывало у меня всегда на душе от такого зрелища. Чтобы немного успокоить до предела напряженные нервы — старался ни о чем не думать и остаток пути проделывал не шагом, а почти бегом. Треск человеческих костей неустанно преследовал меня...

„Издержки революции“, в одном городе Таганроге, были огромны.

25. Частушки.

Во время сплошной коллективизации, когда крестьянству пришлось буквально все свое имущество отдать в колхоз — товарищам, по Советскому Союзу была особенно популярна по блату следующая частушка, вернее, песенка:

Эх, Россия, ты моя
Хлеборобная!
Хлеб жиду отдала,
А сама голодная!
Масло, яйца и пшеницу
Отправляют за границу,
А гнилую кукурузу
Оставляют Совсоюзу.

Эту частушку распевали на мотив старой песенки: „Эх, яблочко, да куда котишься...“ Безусловно не обошлось это без очень строгих мер наказания. Преследовали эту песенку упорно, но безрезультатно; поется она там и сейчас. Первый раз я ее слышал от сынишки, который от кого-то научился ей в школе.

Во время проведения коллективизации, однажды сынишка поразил меня и следующей декламацией:

Громит, гремит!
Идет разбой!
Аж земля трясется . . .
То Сталин, на курице
Верхом, стремглав
В колхоз несется.
А за ним Калинин —
Кляча старая,
С мешком плетется . . .
Эй! колхозник, берегись,
Сюда нечистая сила
Прется . . .
Хлеб, курятина,
Гусятина и яйца
Все у тебя отберется . . .

Подобных незамысловатых, но подлинно народных частушек между колхозным народом из уст в уста передаются тысячи. К сожалению, я не старался их заучивать. Записывать было опасно, ибо за подобные вещи можно было там легко попасть в разряд „трижды презренных троцкистов“, а потом и в Соловки. Приходилось даже, во избежание доноса властям, наказывать сынишку за подобные стишки.

26. Предвыборные настроения.

— Скажите, пожалуйста, — прерываю рассказчика, — как относится население в СССР к сталинской конституции и к предстоящим выборам в Верховный Совет?

— Как к очередному советскому очковтирательству, — быстро отвечает он, — и если бы не неустанно висящая над головами советского избирателя смертная опасность, уверяю вас, советский люд выбрал бы в этот Совет исключительно самих доярок да пастухов.

— Это-ж почему?

— Просто в насмешку, саботируя очередное советское предприятие.

Я глубоко убежден в том, что несмотря на давящую там повседневную опасность, все-таки определенный процент доярок попадет в этот Совет. Ясно, что это не будет показателем „демократичности“ выборов в СССР, нет! Будет это просто массовой злой шуткой народа над всей затеей коммунистов.

С колхозниками и рабочими на эту тему перед отъездом я часто и много говорил.

Всеобщее их мнение приблизительно таково: „Если сейчас у нас кабак, так пусть будет этот кабак еще в большей степени . . . Жалко стоящих людей туда посылать . . . Э-э, Андреич, уж ежели нам будет велено в самом деле **выбирать** — то выберем . . . как это говорится: по **Сеньке** шапка, а по едрене матери колпак . . . пусть себе **доят** там „мудрого и дорогого“ . . . вместо **колхозных коров**.

Одним словом, отношение населения в СССР к предстоящим выборам самое отрицательное: все чувствуют в этом какой-то подвох со стороны советских заправил. Конечно, выбирать будут с исключительным „восторгом и единодушием“. Но тем не менее без саботажа, вернее, без выбора доярок, уверяю вас, дело не обойдется.

(По последним сведениям из СССР все теперь мы знаем, что действительно „дело“ это не обошлось без доярок.

Избрание их, по его словам, надо рассматривать, как один из видов массового народного саботажа советских выборов).

Теперь мужик там здорово поумнел, теперь его и на паре рысаков не объедешь.

Народ выборам не верит и не ждет от них улучшения своей нелегкой подсоветской жизни.

27. Товарищи матросы.

— Не задолго до своего отъезда из СССР, вернее из Азова, пришлось мне встретиться со знакомыми, нашими азовскими ребятами-матросами, которые ездили

в Испанию. Возили туда, по словам этих матросов, официально продукты для питания, а в действительности полные пароходы различного вооружения. Меня особенно интересовала заграничная жизнь, т. к. перед отъездом, получая различные удостоверения в правительственных учреждениях, я много наслушался о тяжелой жизни рабочего человека в Западной Европе.

Запугивали меня коммунистические чиновники всевозможными небылицами. Уверяли меня даже в том, что сейчас же после переезда советско-польской границы поляки арестуют меня с целым семейством и посадят в тюрьму.

„Ну, ребята“, задаю вопрос матросам: „рассказывай, что вы там видели, и как людям там живется?“

— „Э, брат, Андреич! там жизнь иная — не наша!“ не пытаюсь скрывать в интимном кругу, с восторгом в голосе, отвечают одновременно несколько матросов: „приехали мы в Барселон (Барселону). На берегу ожидали нас толпы народа, как говорило нам начальство, были то барселонские рабочие, которые пришли нас приветствовать. Не верилось нам, чтобы то могли быть рабочие: что ни человек — то наш Литвинов, каждый толстый; уж больно шикарно были одеты, да и рожи больно толстые и краснощекие. Поместили нас в хорошем, не чета нашим, отеле. В магазинах все можно было купить. Сукины-дети, чего они, эти испанцы, воюют — не поймешь, чего там люди хотят: он тебе, Андреич, дома ходит в одном костюме, в город идет в другом — совершенно новом, а на работу идет в третьем — специально для работы костюме! . . . Не то что у нас: в чем дома спит — в том и на заводе работает, и на прогулку в выходной день идет . . . Но главное, главное, Андреич, сколько там всяких магазинов! Эх-ма! Вот счастливые люди там! . . . У нас оббегаешь весь город и нужное не купишь! А там-там, брат, только повернешь за угол и уже имеешь вещь“ . . .

На эту тему было очень опасно разговаривать, везде сексоты, доносчики, шпионы, но тем не менее молодые люди не могли откровенно не восторгаться заграничной жизнью. Все было для них ново и необычайно.

„Знаешь, Андреич“, продолжал один из матросов: „когда столкнулся с заграничными рабочими и увидел их благобыт и не бедную, по сравнению с нами, их жизнь, сделалось на душе больно и обидно за нас русских. Вспомнился мне в тот момент один эпизод на заводе, где я когда-то работал: рабочего за какой-то проступок уволили с работы с „волчьим билетом“. Рабочий этот был решением дирекции завода сильно потрясен. Выбрал момент, когда директор завода ходил по заводу, подошел к нему и сильным русским матом его обругал. — Что-ж, ты, так твою . . . с чего-ж я должен жить и кормить свое семейство, разве ты не знаешь все мое имущество . . . Так смотри, изверг, — кричал, вне себя, рабочий, подняв единственную, полуразорванную рубашку и показывая директору голый пуп.

28. Колхозные дворы.

— Позвольте вас спросить, как выглядят в настоящее время селения и станицы в том районе, где вы проживали? — спрашиваю я.

— Вместо утопающих в садах станиц и сел теперь там сплошное запустение. От старых, богатых станиц пооставались лишь одни хаты: заборы, деревья, сады все уничтожено — все это употреблено на топливо; дворов нет. Чтобы попасть из одного конца станицы на другой нет надобности ходить по улице, можно идти кратчайшим путем — по прямой линии. Да, теперь там собственно и не узнаешь, где была улица, где был двор, все заросло травой.

Не узнаю я дом свой родной . . .
На дворе ни кола —
Все буйной травой-бурьяном
Поросло . . .
Где-же ты, родная станица
Моя . . .

Так поют казаки и крестьяне, вспоминая то, что было и видя то, что есть.

Обыкновенно, забором огорожен один лишь кол-

хозный двор. Огородили этот двор для того, чтобы колхозники не крали колхозное добро. Неправда-ли, пикантно получается?! колхозники огородили „свое колхозное“ имущество для того, чтобы сами-же его не могли красть!

*

— Расскажите, как это там, по станицам, организованы эти самые колхозы и колхозные дворы, ведь станицы, обыкновенно, расположены на большом пространстве, значит, колхозники должны ходить очень далеко в свой колхоз; как это все там практически проведено?

— Представьте себе селение дворов в тысячу. Вот это селение бывает, обыкновенно, двумя перпендикулярными линиями поделено на четыре равные части, в данном случае по 250 дворов. В середине каждой из этих четырех частей устраивают колхозный двор, выбрав под этот двор несколько соседних дворов, предварительно выселив их хозяев. Эти дворы обносят забором, устраивают контору, вернее квартиры для директора, его помощника, бухгалтера, кассира и т. д., строят конюшни, амбары и т. д., и колхозный двор готов. Колхоз-двор в СССР — это ни что иное, как экономия какого-либо собственника-единоличника здесь, с той лишь разницей, что здесь хозяин один, а там, в СССР, вместо одного лица хозяином является громоздкое, бюрократическое управление колхоза с целым штабом канцелярских служащих.

Кроме того, здесь в Европе каждый рабочий на экономии знает совершенно точно наперед, что он получит за свою работу за определенный промежуток времени, там же колхозник работает за то, что, как принято там говорить, „Бог ему пошлет“, а директор соизволит дать. Иначе говоря, совершенно, даже приблизительно, неизвестно за что он работает. В результате, как правило, колхозное — коммунистическое начальство, набившее себе на жульничестве хорошо руки, всегда обманывает и надувает простых, большей частью неграмотных, колхозников. Хаос, неразбериха и произвол по колхозам полный.

Рабочий день в колхозе начинается в 6 часов утра. Без десяти шесть все колхозники должны явиться в колхоз. В шесть часов раздаётся колхозный звонок. После звонка бригады, предзарительно проверив наличный состав явившихся колхозников своих бригад, распределяют колхозникам работу: одних посылают в поле пахать, сеять, боронить, другим приказывают возить навоз, солому и т. д.

Каждый колхозник или рабочие звенья колхозников, получив задание, не спеша направляются к месту работ. С прохладцей запрягают лошадей, с прохладцей черепашьям шагом, едут в поле и совсем по черепаши работают. Когда не видно на горизонте начальства, будь-то бригадир, или другое какое-либо, ребята больше покуривают махорку, нежели пахут или сеют. А если наперед определено знают, что начальство в поле сегодня не появится, то во время работы изрядно и вздремнут. Одним словом, работа в колхозах идет — все равно, как мокрое горит. Часто колхозники возвращаются с поля без лошадей, с одними кнутами. В таких случаях бригадир, обыкновенно, набрасывается на колхозника:

„Где-же ты, сукин сын, лошадь-то оставил?“

— „Та дэж!“ ничуть не смущаясь отвечает колхозник: лэжыть на дорозі, шла-шла тай лягла собі, так лягла та ось вам і лэжыть там до сього часу. Тягав, тягав я йійі за хвіст — ничего не помогало. Шо я должен був робыть? Лягты біля нейі?!. Ну я і прыйшов сам“ . . .

Однажды, в одном колхозе села Высочинное, случилось, что в один день вся дорога с колхозных полей до колхозного двора была усеяна лежащими лошадьми. По тревоге в колхозе все было мобилизовано на помощь, но пока дошли к лошадям, то голодные вороны успели лошадям повывывать глаза. Да так 28 лошадей в один выезд на работу и погибло. Ночью лошадей дежурные не кормили. Те, что выехали работать не интересовались совсем тем — были-ли лошади накормлены или нет. Каждый гнал лошадь пока шла, мало того: каждый нарочно гнал лошадь тем больше, чем менее и менее она тянула, а доработавшись, как говорится, до

ручки, бросали полудохлых лошадей в поле, а сами возвращались беззаботно домой с одним кнутом.

„Что-ж вы, мерзавцы, мать вашу этак“, кричал тогда, весь красный от гнева, директор на колхозников: „что-же это вам повылазило, что позагнали лошадей в непролазную глязь“ . . .

— „Да ты, мать твою . . . не крычы нерозібравшысь . . . Шо мы можемо робыты, колы ты дав нам на роботу 14 пар коньских калік тількі с одним оком, та ще хочеш шоб не позалазылы?!“ оборонялись колхозники, одновременно намекая на то, что все лошади, при советских порядках ослепли и вместо 28 пар лошадиных глаз было лишь одно, случайно уцелевшее, конское око.

С подобным всеобщим отношением колхозников к колхозному добру Соввласть борется жестокими мерами, но безрезультатно. Колхозники упорно продолжают изо-дня в день саботировать. Ко всяким наказаниям отношение колхозников приблизительно такое: помню, в нашем колхозе был колхозник Александр Будников, говорил сильно в нос, — как там говорили, был гундосый. Этот Будников всегда чем-либо „отличался“. Наконец, его припаяли на черную доску.

„Знаешь-ли Будников, что ты уже висишь на стенке“, доносили колхозные ребята животрепещущую новость Будникову. Но последнего было очень трудно вывести из равновесия.

„Ну, так что-ж?! Большая беда!“ гундоса отвечал Будников: колхозники — Ленин и Сталин — висят же на стенке, почему-же колхозник Будников не может красоваться возле них?“ В общем, из положения Будников выходил со спокойствием англичанина и еще „шпильку“ подпускал.

— А скажите, — задаю вопрос, — если например, колхозник хочет поехать в город или в другую станицу, может пользоваться колхозными лошадьми?

— Без разрешения председателя колхоза — ни в коем случае. Председатель колхоза дает лошадей только в особо важных случаях — по своему усмотрению. Большею частью колхозники ходят пеши. Случалось, что во время полевых работ серьезно заболел какой-

либо колхозник, необходимо бывало немедленно отвезти в город на операцию. Прибегают родные к председателю. Просят лошадей.

„Не могу дать лошадь — сейчас посевная кампания“, безапелляционно отбивает председатель-коммунист родных или детей своего соратника. И больной умирает . . .

Вообще без разрешения председателя колхоза абсолютно ничего нельзя взять из колхоза. Даже для того, чтобы взять вязанку колхозной соломы нужно в управление колхоза подать письменное прошение и ждать разрешения. Иногда ответ бывал положительный, иногда отрицательный, в зависимости от настроения директора колхоза.

Председатель колхоза, как правило, всегда коммунист, это своего рода колхозный „царь и Бог“. Посему нет ничего удивительного, что каждый председатель даже спит с револьвером под подушкой. Без револьвера ни шагу. Очень редко можно встретить какое-либо колхозное должностное лицо, которое не носит револьвер.

— А как же колхозники переправляют полученную пшеницу после молотбы и дележа урожая, — вернее после полочки натуральной заработной платы?

— Если дом колхозника расположен близко от колхозного двора или колхозного поля — колхозник носит домой пшеницу на плечах. Но большей частью отвозит домой на колхозных лошадях.

— Сколько часов в день должен колхозник работать? — задаю очередной, интересующий меня, вопрос.

— По закону полагается колхознику работать 10 часов в день, но в действительности работают от тьмы до тьмы т. е. так, как это было и до большевиков, а во время уборки урожая начальство заставляет работать даже ночью. Получает за это колхозник нормальную „палочку“ в колхозный журнал. Безусловно, колхозники используют каждый удобный случай, чтобы увильнуть от работы: как только начальство удалится от места работы, колхозники незамедлят это использовать. Собираются в кружок и „философствуют“ на тему дня. В эти моменты можно услышать от колхозников

интересные, подлинно народные мысли, загадки, шутки. Бывают между ними очень остроумные люди.

* * *

От таких колхозных рассказчиков мне удалось услышать такую историю: когда Ленин умирал, перед смертью призвал к себе Сталина и говорит ему: — знаешь, товарищ Сталин, мне уже немного осталось жить — я скоро умру. После смерти моей приказываю тебе быть моим заместителем и завещаю тебе вести наш народ по намеченному мной пути. Ты должен, товарищ, приложить все свои усилия, все свое умение, все свои знания для того, чтобы народ пошел за тобой так, как шел он за мной“.

— „Нет, нет, товарищ Ленин“, заискивающе подобострастно, согнувшись совсем в „бублик“ лепечет Сталин: „уж будь так любезен, уволь меня от великой чести сей — разве могу я так повести за собой народ, как вел ты его за собой?! . Нет-нет, дорогой товарищ Ленин, ну, а уж ежели очень желаешь, чтобы я стал после твоей смерти вождем советского народа, то я обещаю тебе сделать так, что весь народ пойдет по старому за тобой. Уж ты, дорогой товарищ Ленин, не изволь беспокоиться — твой верный ученик Сталин делает все зависящее от него, чтобы советский народ — последовал за тобой за гроб“.

Однажды наши колхозные ребята поставили меня в затруднительное положение следующей загадкой: Почему Ленин ходил в ботинках, а Сталин ходит в сапогах?“ Долго я ломал голову и подыскивал разгадку, но ответы мои неизменно считались колхозниками неудачными. Но „ларчик“, как выяснилось потом, просто открывался: Ленин ходил в ботинках потому, что проливал крови трудового народа столько, что мог еще ходить в ботинках, не боясь набрать в них трудовую кровь, Сталин же пролил море трудовой крови и, опасаясь, что намочит в этой крови ноги и получит ревматизм, принужден ходить в высоких сапогах...

Помню, вот в такие минуты досуга, когда на горизонте не было никакого начальства, огорошили меня

колхозники следующим — один из колхозников, побойчей и толковей, вдруг обращается ко мне за ассистенции остальных и говорит:

„Андреич, разгадай загадку: скажи — какая разница между кавказским ишаком и Сталином?“

Признаться, услышав сию загадку, я здорово оробел, одновременно появилось и чувство возмущения над подобным непочтительным сравнением. Тем не менее, не желая, чтобы приятельское отношение колхозников испортилось, я принялся добросовестно разгадывать замысловатую, по моему, загадку.

Регот кругом был страшный. Никак я не мог попасть, как говорится, в точку. Это колхозников очень забавляло. Что ни говорите, но я тоже был в своем роде — начальство, будучи председателем профессионального рабочего союза; судьба колхозника, до некоторой степени, зависела и от меня. И вот это начальство, оказывается, не столько умно, сколько ему, по мнению колхозника, полагалось быть.

„Э-э, Андреич, да ты оказывается не так хитер, как мы предполагали“, наконец, с определенной долей высокомерия, сжалился надо мною колхозник, задавший мне загадку: „не догадлив ты, недогадлив, друг! Посуди сам, какая-же разница может быть между кавказским ишаком и Сталином?!. Да ровным счетом никакой разницы: первый — кавказский ишак, второй — кавказский . . . человек, оба кавказские ишаки“, закончил с победным видом колхозник.

Вообще между рабочими и колхозниками циркулирует бесчисленное множество нецензурных анекдотов, шуток, вагадок и всяких историй, в которых героями являются исключительно советские заправилы во главе со Сталином. Вся эта устная литература ярко и точно характеризует советские порядки, вернее советские беспорядки и балаган.

Выискивая причины всех бед, простой народ дает всему происходящему порой удивительно обоснованные объяснения, подкрепленные цитатами из евангелия. Среди колхозников и даже многих рабочих сильно укрепилось убеждение, что советская власть — это власть сатаны, в наказание им сниспосланная Богом. По откровению

святого Иоанна Богослова, говорят колхозники, пришел на землю Зверь-дракон с семью головами и десятью рогами. Зверь этот, богохульно и гордо говорящий, ведет войну с религией, со святыми и побеждает их. Поклонились ему все живущие на земле. Но прорвалось терпение святых и страшный дракон погиб от меча ангела Господня. Имя Зверя-дракона, по евангелию, есть число шестьсот шестьдесят шесть.

Народ расшифровывает, с помощью спичек, это имя следующим образом:

$$\begin{array}{|c|} \hline | \\ \hline | \\ \hline \end{array} \begin{array}{|c|} \hline | \\ \hline | \\ \hline \end{array} \begin{array}{|c|} \hline | \\ \hline | \\ \hline \end{array} = \text{Л Е Н И Н}$$

Каждая отдельная черточка означает одну спичку. Число шестьсот шестьдесят шесть можно составить из пятнадцати спичек, фамилию — Ленин, тоже из пятнадцати спичек.

Но появился, продолжает народная молва, другой Зверь-дракон и заставил всех живущих на земле ему и первому дракону поклоняться. Кто не будет поклоняться образу Зверя-дракона — будет убиваем. И нельзя никому будет ничего ни покупать, ни продавать, кроме тех, кто будет иметь обрав или имя Зверя. Но и этот второй дракон-диавол будет ангельской и святой силой низвержен в бевдну — в ад огненный. И будут эти два Зверя — вмии и лжепророки, мучиться день и ночь во веки веков. Та же участь постигнет и всех верных слуг их. Будут они вечно страдать в горящем огне. Снизойдет тогда на спасенный народ благодать Божья, и воцарится тогда на земле праведная и справедливая жизнь.

* * *

— А как обстоит дело с питанием колхозников, кормят их в колхозе? — вадаю вопрос своему собеседнику.

— В колхозе бесплатно колхозников не полагается кормить. Но за деньги, вернее, по отпускной и пищевой легитимации он может получать завтрак, обед и ужин в общественном питательном пункте. Легитимацию вы-

дает управление колхоза из расчета 7 рублей 50 копеек на человека за однодневное полное питание. Это своего рода кредит от колхоза. При дележе урожая этот кредит высчитывают. Кормят всякой дрянью. Пищу можно брать домой, или же есть в общественной столовке.

— Ну, а как же семейство колхозника? Чем и как оно питается, если не работает? например: дети, жена, старые родители — им тоже полагается пищевая книжка из колхоза?

— Если они не работают — им ничего не полагается. В СССР кто не работает, тот не ест. В таком случае, единственная надежда на работающего члена семейства. В счет кредита, который имеет работающий, семейство получает на один-два пайка больше и вот с того живут. Но вот, когда для колхозника, ввиду большой выбранной суммы, кредит в колхозе закрывают, тогда начинается для колхозника и его семейства настоящая трагедия. Люди форменным образом голодают.

Обыкновенно тогда питаются только горячей водой с солью. Даже чай и сахар не за что купить.

— Что вы за ужасы говорите, неужели там и сейчас так плохо? Ведь в настоящее время там голода нет.

— Да, как сказать, голода нет, но люди хронически там голодают. Истинную правду вам говорю, было это, так сказать, в неголодное время, но бывало часто — зайдешь в обеденное время к колхознику в дом и застанешь всех за столом. Сидят и пьют вместо чая одну горячую воду, а вместо сахара кладут на язык щепотки соли — вот вам и советский чай... он же и обед... он же и ужин...

„Сідай, пожалуйста, Андреич, чайку выпить, да тільки ты уж нас не осуды, что предлагаемо в таком виде“, приглашают не потерявшие старую привычку гостеприимства, хозяева: „дуже тяжко стало зараз жыть, ніващо сахару купыть та чаю, і на хліб не збуває“, оправдываются бедные люди.

Такие картины я наблюдал у малосемейных колхозников. А что-ж, спрашивается, делается в многочисленном семействе, с полдюжиной ребят?! В таких семей-

ствах бывает совсем дело швах... Да-а, жизнь, что и говорить... „ве-се-ла-я“!! Запакостили сволочи такую богатую страну окончательно...

29. Веселая жизнь... по интуристу.

— А как насчет безработицы в СССР? По советским и иностранным газетам СССР единственное, как-будто, государство, где не было и в настоящее время не имеется безработных людей — правда-ли это?

— Это ложь, — быстро отвечает на заданный вопрос подсоветский человек. — Официально, конечно, там безработных нет. Официально там не жизнь, а масляница. Но в действительности, по моим личным наблюдениям в течении многих лет, каждый десятый советский гражданин является безработным. Как и из чего эти люди живут, ей-Богу, не могу сказать. По всей вероятности борются за свое существование точно так, как я боролся в последние 5 месяцев в СССР, будучи без работы. Одним словом, живут по благу...

— Неужели столько безработных в СССР? Ведь это получается около 16 или 17 миллионов душ? — перебиваю.

— Нет, если принять во внимание членов семейств, т. е. родных безработных, то количество безработных в действительности несравненно большее, — категорически утверждает мой собеседник.

— Уверяю вас, я не знал вокруг себя ни одного семейства, которое бы не имело одного или нескольких членов семейства без работы, не знал ни одного семейства, которое бы жило беззаботно, не боясь за кусок хлеба на следующий день...

— Разве там нет государственной помощи безработным?

— О-о! Как-же... по-мо-га-ют... попасть в Соловки. О другой помощи там и понятия не имеют. Попасть же безработному в Соловки — по моему легче, нежели раз плюнуть: неудачная сделка по благу — вот

и поехал в отдаленные края лес рубить или гноить Северные Тундры...

*

— Рисуете вы жизнь подсоветских людей в очень мрачных красках, о некоторых явлениях в СССР первый раз в жизни слышу. Внимательно слежу за вашим поведением от самого начала нашего знакомства и нашей долгой беседы. Откровенно говорю вам, что никак не могу усумниться в правдивости ваших слов, и рассказов, ибо в каждом вашем слове чувствуется искренность и крик наболевшей за двадцать советских лет души. Но позвольте вас спросить, чем объяснить то явление, которое приходится здесь наблюдать: в здешних левых, а иногда и правых газетах, почти регулярно можно читать статьи о хорошей, чуть-ли не счастливой жизни в СССР. Пишут ведь на основании того, что видели. По этим газетам колхознику, рабочему и вообще советскому человеку стало хорошо жить в СССР, как будто теперь там хорошие бытовые условия...

Не дав мне договорить начатую мысль, подсоветский человек прерывает меня категорическими словами:

— Простите, господин инженер, за мою резкость и что вас перебиваю — писать о том, что народу в Советской России живется хорошо может или набитый дурак, или же заядлый враг трудового народа... Подобные писаки творят большой вред и непростительный грех перед человечеством и цивилизацией. С совершенным совнанием моральной и другой какой угодно ответственности предлагаю каждому такому энтузиасту советских порядков, прежде нежели писать о подлинной жизни в СССР, во первых: изучить хорошо русский язык, во вторых — сбросить с себя к чорту все атрибуты заграничного одеяния как-то — воротничек, шляпу, костюм и т. д. и одеться в советское тряпье, в третьих — оторваться от всех приставленных коммунистами проводников и стать, этак недельки на две, к станку, как обыкновенный рабочий... вот, только тогда, приняв вид настоящего советского гражданина, заграничный человек может узнать и услышать настоящую, подлинную советскую рабочую песенку, а так... каркать то,

что приставленные к туристу-исследователю чекисты на-шепчут и наврут — вещь, во всяком случае, недостойная серьезного человека.

Проехаться по СССР в специальном для иностранцев „мягком“ вагоне, посмотреть на все из окна этого вагона и потом писать умные статьи в газеты или писать даже о жизни в СССР целые хвалебные книги это совсем дурацкое и преступное занятие . . .

— Так-то так, но вот каждый такой наблюдатель-журналист утверждает, — прерываю разволнованного собеседника, — что он говорил с колхозниками, с рабочими и что с кем им ни приходилось говорить, каждый очень расхваливал жизнь . . .

— Знаете, перебивает меня подсоветский человек, — я больше вам скажу: каждый такой спрашиваемый советский человек не расхваливал жизнь, но пел хвалебные, полные энтузиазма, настоящие серенады о райской счастливой и богатой жизни, а в желудке у него в этот момент, быть может, от голода жабы отчаянный концерт разыгрывали.

Думал же он одновременно о любопытном иностранце приблизительно так — „эх, ты, сволочь, рожа твоя толстая, от жиру покрасневшая . . . счастье твое, что спрашиваешь днем да при людях . . . случись это где-либо ночью в закоулке . . . ух, ты сволочь, и показал бы я тебе какая наша жизнь“ . . .

Нет, нет . . . не верьте тому, кто расхваливает советскую жизнь, ибо он или сам обманут или врет . . .

Да и в самом деле, возьмите хотя бы меня — какого чорта после 20 лет я сюда ехал бы с многочисленным семейством, по духу совершенно русским, если бы там была такая жизнь, как это пишут здешние борзописцы . . . Но, к сожалению, там нет жизни, вместо жизни там один кошмар . . .

Желая проверить правильность показаний подсоветского человека, вынимаю из кармана очень распространенную местную газету „А-зет“ и показываю воспроизведенные в ней фотографии рабочих домов-дворцов в СССР и говорю:

— Как же так? вы говорите одно, а вот по фото-

графиям из СССР получается другое. Смотрите, какие там рабочие дома, не дома, а дворцы.

Думаю, что вы тоже согласитесь сам, что раньше рабочие в России в таких шикарных домах не жили?..

— Да не живут они и сейчас в таких домах. Рабочая масса там прозябает по всяким подвальным сырым берлогам. В понастроенных „палацах“ имеет право проживать лишь коммунистическая аристократия.

Да и эта, подчеркиваю, может в них проживать, но не жить. Нет никакой гарантии даже для коммуниста, что в одно прекрасное время придет домой и найдет свою квартиру замкнутой, а все его барахло будет лежать на улице перед домом. Жилкооперация даже со своими партийными расправляется очень жестоко — в упрощенном, ускоренном порядке. А о простых смертных не приходится и говорить...

*

Расскажу вам такой эпизод, свидетелем которого пришлось быть не задолго до отъезда из СССР. В Азовско-машиннотракторной станции работал, как кладовщик, коммунист Плегун Фёдор, уроженец селения Пешков, которое находится в 7—8 верстах от Азова. Квартира его была вот в таком „палаце“, принадлежавшем жилищной кооперации этой тракторной станции. Быть может этот коммунист и до настоящего времени жил бы в этом доме — не случись беда. Как в каждом советском учреждении — по неписанному закону, в силу установившейся традиции, — „тройка жуликов“ этой машинно-тракторной станции ванималась воровством общественных средств и имущества. Незаконные махинации этой тройки, в конце концов, стали известны надведомственным инстанциям. В результате „тройка жуликов“ последовала в северные края для „размышления“.

Коммуниста Плегунова, как недостаточно бдительного партийца, после раскрытия дел „тройки“, уволили со службы в машинно-тракторной станции и одновременно предложили ему немедленно освободить занимаемую им комнату.

Очутившись без службы и получив предложение

выбраться из квартиры, Плегуннов бегал по городу, как угорелый — искал какую-либо другую работу. Бегал день, бегал другой, но результатов никаких. На третий день, когда вернулся домой после поисков работы, нашел квартиру замкнутой. Небогатое его квартирное имущество лежало на улице перед домом. Оказалось, что жилкооперация два раза предупредила Плегуннова, чтобы немедленно выбирался из комнаты. Несмотря на упорные просьбы Плегуннова повременить немного с выселением, управление жилкооперации на третий день потребовало наряд милиции, который просто выбросил вещи жильца на улицу, а комнату замкнул. Вопрос был разрешен „большевицким темпом“.

„Коммунистический корабль“ Плегуннова очутился совсем на мели. Несколько ночей спал у дома, на тротуаре. Потом какие-то добрые люди над ним сжалились и взяли временно к себе . . .

Лично предлагаю каждому любознательному иностранцу, прежде нежели что писать — обратиться за справками по жилищному вопросу в СССР к Плегуннову . . . к тому же он коммунист, объективность полученных от него сведений по затронутому вопросу, так сказать, будет стопроцентная! . . . заканчивает с улыбкой на лице подсоветский гражданин.

30. Гражданка, где спину потеряла? . .

Приходилось бывать свидетелем весьма курьезных, комических, одновременно полных человеческой трагедии сцен.

Бестолковщина и непорядки царят там во всем. Попасть там, например, в трамвай вещь нелегкая. Без применения физической силы, ловкости рук, без грубого нахальства часто совсем в трамвай не попадешь. На трамвайных остановках, как правило, стоят страшные толкучки. Трамвай берет толпа всеобщей атакой.

Подобные места вынужденного скопления людей ловко всегда используют, для своих воровских дел, урки, беспризорники и врожденные воры. Население об этом

прекрасно знает. Тем не менее случаи воровства среди белого дня бывают очень и очень часто.

Помню, однажды когда-то я ехал в Ростов трамваем. Пассажиров в трамвае было — что сельдей в бочке: тесно были все прижаты один к другому. Хмурые и серьезные лица пассажиров свидетельствовали о том, что каждый был глубоко занят мысленно своими повседневными заботами. Разговоров почти не было слышно.

Вдруг среди этой тишины раздается вблизи меня громкий голос:

— Гражданка, где спину потеряла? . . . Когда же ты это успела ее лишиться, ничего не почувствовав . . . вот это да . . . да и ловкая-ж, чорт возьми, работа . . . кто это тебя так обработал? . . . Посмотрите, граждане . . . это среди белого дня! . . .

Все быстро на голос поворачивают головы. Поворачиваю и я. Предметом внимания всех явилась женщина не первой молодости. Одета была, в лет тридцать старую — царского времени, уже почти совсем изношенную, каракулевую шубу. Часть шубы на спине ниже лопаток была вырвана. Вместо каракуля на спине виднелась, вся в дырах, ветхая, черная подкладка. Как выяснилось, вырезать мог какой-то „спец“ только во время толкучки при вступлении женщины в трамвай, решив, повидимому, использовать старый, царской выработки, каракуль на шапку.

Узнав о постигшем ее несчастье, потерпевшая женщина горько залилась слезами. В условиях советской жизни потеря, вернее, порча единственной старой шубы, несчастье для потерпевшего поистине весьма большое. Вид несчастной женщины в шубе с „вырезанной спиной“ был комичен. В глубине своего сердца ее горю каждый сочувствовал и все-таки, несмотря на это, никто не мог удержаться от улыбки.

31. Одиннадцатая заповедь.

В СССР очень твердо помнят т. наз. одиннадцатую заповедь — „Не зевай“, ибо уж больно сильно цветет там воровство всех видов. Зазеваешься — обязательно тебя обкрадут.

Известный уже вам директор Артель-кооперации в Азове, где я работал, пережил однажды следующую комичную историю. Парень пьянствовал у своих друзей. Домой возвращался поздно ночью. Был пьян в доску. По пути присел в парке на лавочку и уснул. Перед рассветом просыпается от холода и что-же... О — ужас! — лежит парень вовле лавки голым на земле, на теле ни костюма, ни белья, даже кепку с головы взяли. Как превратился парень в Адама — не мог нам после объяснить. Обокрали парня основательно. Очутившись в такой ситуации, наш директор, видя, что уже начинает светать, люди появляются на улицах и путь домой отрезан, прибежал в Артель-кооперацию, разбил окно и влез в кухню. У печки в кухне отсиделся до нашего прихода. Ну — и насмеялись мы тогда!..

Но это, так сказать, эпизод из веселого: директор был коммунистом и на собственной шкуре, по крайней мере, испытал все прелести и преимущества практического социализма.

Чаще, конечно, бывают подобной жертвой люди невинные, подчас совершенно бедные. Чаще всего простые и неискушенные колхозники, особенно в поездах. Как только парень задремал в пути, обязательно соберут ему „спецы“ последнее барахло.

*

В деревнях и станицах голод и в настоящее время.

Из станиц и деревень люди принуждены ездить за покупкой хлеба в город, обыкновенно, в Ростов. В деревне хлеба невозможно купить. Едущему в город за хлебом поручает купить хлеба часто его сват, кум, сосед и т. д. В Ростове в магазинах продавали хлеб, по распоряжению краевых властей, только по 2 килогр. на человека. Таким образом, человек, приехавший за хлебом в город из станицы, попадал в невероятно дурацкое положение: приехал за хлебом издалека а мог купить только два кила. Выручал блат. По блату удавалось ему скупать больше двух килогр. хлеба, скажем, 20 килограмм. Но это всегда было сопряжено с потерей времени. На покупку 20 кгр. хлеба терял, обыкновенно, не меньше двух дней.

Наконец, колхозник правдами и неправдами приобрел нужное количество хлеба и собирался в обратный путь.

Тем тернистый его путь за покупкой не кончался.

Из Ростова, как я вам уже говорил, разрешалось вывозить хлеба одному человеку не больше двух килограммов. Кто имел больше, у того излишки забирали железно-дорожные органы НКВД, будь-то на вокзале, в Ростове, или-же в пути — в поезде. Бедные люди прятались с купленным добром все равно, как зайцы. У многих отбирали, но многим как-то удавалось все эти рогатки обходить и хлеб провозить.

Попавши благополучно в вагон ходок за хлебом с чувством удовлетворения усаживался на лавку, предварительно засунув мешок с хлебом под лавку и на всякий случай привязав его к ноге. Но тем мытарства ходока не кончались.

Следующей его боевой вадачей было — не уснуть. Но как не уснешь после заячьей, пугливой беготни и непрерывных тревожений в течение нескольких дней!.. Измученный ходок, под монотонный стук вагонных колес, обыкновенно скоро крепко засыпал.

Тогда вот, на сцену появлялись вездесущие спецы по карманной части.

Часто ходок за хлебом возвращался домой не только без хлеба, но и без портков и шапки. Верные последователи и воспитанники Ильича, как говорится, парня „социализировали“ под орех.

* * *

Одно время я часто ездил в станицу Атаманскую (бывшая Егорлыцкая). В пути не раз приходилось быть свидетелем работы воров.

Помню однажды, я сидел в углу на лавке у входа в купэ. Верхние полки были заняты спящими, внизу, кроме меня, сидело полно колхозников и ходоков за хлебом в Ростов. Поезд шел в направлении Торговой. Была ночь. Все спало. Я тоже начинал дремать.

Вдруг, как тени, тихонько в купэ входят два типа, этак каждому лет по восемнадцать. Один из них оста-

новился у входа, при чем стал так, что спиной загорю-
дил лампу. В купэ стало темно. Другой тип, как кошка
прискочил к окну, открыл его, потом также тихо, легко
и быстро вскочил на верхнюю полку и начал выбрасы-
вать мешки с добром пассажиров в окно.

Видя все это, я пытаюсь разбудить своего соседа:

— Товарищ, товарищ, — тихо шепчу соседу, тол-
кая его в бок, — смотри, в купэ жулики, надо разбу-
дить остальных.

— Что ты, что ты, товарищ, — также тихо отве-
чает сосед. — Я не сплю, все вижу, но молчу, молчи
и ты, не ввязывайся в это дело, сиди тихо, иначе могут
нам кишки выпустить . . .

Совету соседа я последовал, и незаметно продол-
жал наблюдать за работой воров. Очистив вверху, вор
также основательно принялся за чистку внизу: большие
узлы или мешки с добром пассажиров летели в окно,
мелкие вещи следовали в его карман, некоторые пере-
давал своему товарищу по работе. Пытался также выр-
вать из моих рук портфель, но после второй попытки,
чувствуя что я крепко держу и не пускаю, оставил меня
в покое.

Основательно очистив купэ, ребята, как незаметно
и тихо появились, так же тихо и быстро, словно духи,
исчезли. Кроме меня и соседа, продолжали все крепко
в купэ спать.

— Так что, товарищ, надо немедленно всех разбу-
дить, иначе воры уйдут и добро людей пропадет, —
обращаюсь к соседу после ухода воров.

— Ты вижу, дорогой, или белены об'елся или же
надоело тебе жить на свете . . . разве можно вмеши-
ваться в работу урков, ведь их было здесь не два, а,
по всей вероятности, человек десять . . . Разбудишь лю-
дей — получится драка . . . подведешь себя и спящих
под ножи урков. Пусть люди спят, спи и сам . . . Обо-
брали? — ну, значит, такая их планета . . . — катего-
рически резюмировал мой сосед.

На станции Целина воры вышли из поезда и от-
правились в обратном направлении вдоль полотна же-
лезной дороги, повидимому подбирать выброшенную из
вагона добычу.

32. „Златокопы“.

К подобным явлениям там население привыкло и считает эти явления нормальными и невинными.

— Ну, что-ж, — говорит обыкновенно обокраденный в пути колхозник, лишившийся даже штанов, — украли, сволочи, все хозяйство, а теперь вот забрали последние штаны, ну и порядки!.. такую их мать...

Первый попавшийся, плохо лежащий в колхозе мешок, потерпевший колхозник обязательно потом крал и из мешка себе шил штаны.

Вообще воровством советских людей не удивишь, из равновесия их этим не выведешь: зазевался — вот и обокрали.

На советские масштабы подобное воровство — это так сказать лихая детская забава. „Социализм“, видимо, основательно пустил там в гущу народную свои корни.

Но иногда там бывали происшествия которые и на советских людей наводили жуть. Не так давно, в Ростове, в Азове и в их окрестностях часто находили трупы без голов. Находили трупы без голов в общественных уборных, парках и в захолустных местах. Один подобный труп нашли даже в одной Ростовской бане. Паника среди населения была страшная. Никто не мог первое время объяснить толком причину этого явления.

После выяснилось, что трупы принадлежали людям, которые имели на зубах золотые коронки. Неизвестные злоумышленники выискивали людей с золотыми коронками, заманивали их в укромные места и там убивали. Отрезывали головы, брали с собой, и где-то снимали с зубов золотые коронки. Одним словом, такая своеобразная добыча золота в Ростове и в Азове процветала довольно продолжительное время. Кто точно этим занимался — населению осталось неизвестным. Слухи ходили, что это была работа ГПУ.

Был тогда большой навал у зубных докторов: каждый, боясь стать очередной жертвой советских „златокопов“, спешил выменять золотую коронку на коронку из искусственного сплава.

33. На хлебзаводе.

— Не приходилось-ли вам сидеть в Чека? — спрашиваю.

— За наказание нет, но судим был. Осудили на полгода в тюрьму с заменой тюремного заключения на денежный штраф. Пришлось в течение года 25% своего жалования отдавать государству. Осудили меня, между прочим, совершенно несправедливо.

Дело было так. Работал я тогда в Азовском хлебзаводе при выпечке хлеба. Бестолочь и хаос на заводе были страшные. Главное — чтобы была выработана предписанная норма, об остальном дирекция не заботилась. Все делалось машинами... но как?! Вечно что либо было не в порядке: то были испорчены мукосейки, то тестомесы и т. д. Нормы были высокие, машины никудышные, приходилось всячески изворачиваться, все больше отдувались наши мышцы. Моей рабочей бригаде, состоящей из 3 человек, предписывалось выпечь 140 хлебов. Хлеб пекли из ячменной дерти, т. е. из муки, которую раньше бывало хозяева примешивали к полове для лошадей или коров.

Помню, однажды нам испортилась мукосейка. Прошла целая неделя, но дирекция не позаботилась ее исправить. Все это время муку мы не просевали, а сыпали в тестомесилку прямо из мешка. Один раз замечаю что-то красное в тесте. Вынимаю и, к своему ужасу, вижу, что это ядняя мышинная часть. Бегу к директору, докладываю о находке и спрашиваю — куда надо выбросить испорченное тесто.

„Э-э, да что ты, браток!“ кладет резолюцию директор — коммунист Болдырев: „что — ты! А с нормой как быть?! Нет, выбрасывать тесто никак нельзя... Выложи тесто на столы, просмотрите его хорошо и продолжайте свою работу“...

Как было приказано, так мы и сделали. Хлеб выпекли и пустили в продажу. Что было потом!! Посыпались от жителей жалобы, как из мешка: принесли нам из разных сторон семь хлебов с мышинным запеченным мясом. Паника на заводе была головокружительная. От страху ходили мы по заводу, как полуживые.

Лично имел большую досаду сам же на себя за то, что заявил о находке директору. Дело в том, что остальные бригады вообще никогда, для ускорения работы, не пропускали муку через мукосейку. Ясно, не заяви я директору о находке мышей в тесте, не так бы было легко найти виновника и козла отпущения. Одним словом, мою бригаду взяли немедленно, как говорили там, за жабры. Пошли расследования, допросы, бесконечно-длинные протоколы и т. д. На скорую руку состряпали общественный показательный суд.

Взялись за нас основательно. Чего только я не услышал на этом суде.

Разбирали нас и наше „преступление“ по косточкам. Меня расписали таким преступником, что было жутко! Благо, что тогда еще не был так в моде троцкизм, иначе бы едва-ли нам удалось из этого дела выпутаться с целой кожей и сравнительно благополучно. При судебном разборе дела метали на наши головы громы и молнии, но, принимая во внимание наше пролетарское происхождение, присудили наказание невысокое.

После этого события долго на хлебзаводе я уже не оставался, несмотря на просьбы директора и перешел в другой кабак — Артель-кооперацию.

34. Сексот.

— Почему вы говорите, что „за наказание“ не сидели в Чека? получается, по вашим словам, что вообще то как-будто вам все-таки пришлось сидеть в ней?

— Да, совершенно верно. Сидел я в Чека, но не как арестант, а как тайный агент Чека — сексот, для подслушивания . . .

— Что вы говорите! . . . Как это вас угоравдило заниматься таким подлым делом? Что вас заставило работать для Чека? — Полон удивления от подобного „откровения“ задаю вопрос.

— Не удивляйтесь, господин инженер, этому. Это обыденное явление в СССР. Судьба человека там бы-

вает иногда очень превратная. Стать тайным сотрудником Чека в СССР дело плевое.

В 1923 году я решил вернуться к себе на родину. С Дону пробирался я на родину пешим порядком. Все шло благополучно. До Збруча оставалось уже — рукой подать. Но этот страшно желанный Рубикон не удалось мне тогда перейти. Почти уже на границе попал я в руки пограничной охраны. Арестовали меня, раба Божьего, и под охраной отправили в Проскуров, а там посадили в каталажку Чеки. Предсетателем Чека в Проскурове в то время был земляк военнопленный — Вишновский. Вот этот земляк и уговорил сделаться сексотом, угрожая, в противном случае, обвинить меня в шпионстве. Одним словом, дал мне на выбор: или принять его предложение или же приготовиться чуть-ли не к расстрелу. Я согласился сотрудничать.

Мне поручил работать по линии борьбы с конокрадами, убийцами, ворами и другими уголовными преступниками. За работу было мне обещано 30% с найденного у воров и конокрадов имущества.

В это время вблизи селения Ярмолинск было произведено нападение с убийством и ограблением. Убили еврея торговца и крестьянина — возчика. Мне было поручено расследовать это дело и найти виновников. Из расспросов жителей я узнал, что в то приблизительно время через селение проходили два цыгана. Загримированный сам под бандита и босяка, пошел я из села в село искать этих цыган. В селении Михал-Поле, на базаре, действительно мне удалось набрести на этих цыган. Выдавая себя за конокрада, невязал я с ними внакомство. Из разговоров с ними я выяснил, что лошади, которых они продали, были определенно краденые. Лошадей я у них купил и одновременно немедленно донес куда полагалось. Цыган этих арестовали, на око арестовали и меня. Отвезли нас в Проскуров и там посадили в Чека. Мне вменили в обязанность выведать их сообщников и выяснить — кто выдавал им лошадиные паспорта. Это мне удалось. При чем дело это приняло самый неожиданный оборот. Окавалось, что цыгане были лишь своего рода ширмой и исполнителями, главными же членами руководителями, душой этой разбой-

ничьей шайки было целое осиное гнездо: председатель ТПУ, начальник милиции и секретарь горсовета Михал-Поле. Эту тройку немедленно арестовали и посадили в Проскуровское Чека. Что с этой шайкой потом сделали — не знаю, вероятно расстреляли.

Это было первое и последнее дело моей работы, как сексота. После этого я удрал обратно на Дон. Из обещанных 30% мне, конечно, ничего не дали, заплатили лишь расходы.

Между прочим, когда нас, после ареста в Михал-Поле, вели в Проскуров — в одном селении жители, когда узнали, что ведут конокрадов и убийц, хотели устроить самосуд. С большим трудом охрана нас отстояла. Тем не менее, несколько основательных оплеух я все-таки успел от крестьян получить. На этом мое сотрудничество в Чека и окончилось.

35. Излечение от заразы.

— Вот я слушаю вас и прихожу все больше и больше к тому заключению, — обращаюсь к подсоветскому собеседнику, — что было время, когда вы тоже — если и не были коммунистом, то, во всяком случае, желали им быть. Временами вы были повидимому, довольно активным помощником большевиков; что ни говорите, но простого смертного там не назначат председателем профессионального рабочего союза. Принимая это во внимание, мне бы хотелось знать, что, собственно, заставило вас разочароваться в коммунистическом учении и переменить свое первоначальное, по меньшей мере, благожелательное отношение к коммунистам и к их идее на отношение резко отрицательное, мало того, на отношение весьма враждебное. Это безусловно послужило одной из главных причин вашего решения уехать из СССР, к себе на родину.

— Да, господин инженер, ваше заключение совершенно правильное. Не буду скрывать, было время, когда я был почти стопроцентным большевиком. Больше вам скажу: я даже окончил там двухгодичную политшколу. Самостоятельно работал по линии ликвидации неграмот-

ности, по пропаганде ударничества, был членом союза по охране труда, т. е. шишкой, с советской точки зрения, довольно серьезной. Передо мной директора колхозов, совхозов, МТС и т. д. дрожали, как осиновые листья, когда я производил ревизию их работы.

Помню, директор колхоза „Коминтерн“, азовского района, коммунист Кочергин и его помощник коммунист Главатый, за халатное отношение к работе были, по моей ревизии, сосланы на два года в Соловки.

Относился я к своей работе очень честно и добросовестно. Все принимая за чистую воду. Был тогда я очень идейным человеком, глубоко верил в то, что трудовому народу будет житься хорошо и легче. Да и не удивительно. За двухгодичную службу свою у Пишванова я видел очень хорошую беззаботную жизнь простого народа. А тут появись вам тогда большевики, с их широковещательными программами и обещаниями еще лучшей райской жизни. Я им тоже тогда, дурак, поверил. Но не тут то было, „чем дальше в лес, тем больше было дров“, — чем дальше правили большевики, тем больше и больше я видел, что богатый край приходил в очевидное запустение, а народ бедствовал. Одним словом, получалась жизнь не „райская“, а хуже адской.

Сильный надлом в моей душе и большая трещина — невязка в моих тогдашних убеждениях появились в начале всеобщей коллективизации, вернее в начале всеобщего узаконенного грабежа имущества у простых землеробов. Для оправдания этого советского мероприятия, лично, не мог ничего придумать.

Когда отбирали имущество у богатых, все-таки тогда было какое-то моральное оправдание этого жестокого явления — дескать, все это будет отдано в пользу бедного хлебороба-трудовика или рабочего безземельника-пролетария. Но вот, когда начали, знаете, стричь под ту же гребенку и трудовика-бедняка!! Многие идейные с ужасом от большевиков отшатнулись, в том числе и ваш покорный слуга.

Тайным же врагом, врагом в душе, всей коммунистической затеи в „планетарном“ масштабе я стал немного позже — так приблизительно начиная с 1930 г.

Когда в 1929 году моя первая попытка уехать на родину не удалась, я, с болью в душе, решил продолжать советскую жизнь в начатом раньше духе т. е., совершенно никому не открывая свое внутреннее антибольшевицкое настроение, работать так, как работал и раньше. Какая-то доля веры тогда все-таки во мне теплилась — авось, быть может, все-таки что либо более-менее сносное получится . . .

Как вам уже известно, в надежде получения земных благ и для улучшения жизни семейства, был я ударником, потом председателем профсоюза рабочих и т. д. Иными словами, за мою активность меня заметно начали продвигать в гору — по ступенькам советского Олимпа. Предложили мне даже записаться в компартию, но я от почести сей категорически отказался.

Для отвода глаз отказ свой обосновал недостаточной политподкованностью для вступления в „честные и высокие“ ряды коммунистических бойцов за рабочее дело.

Поверили.

Выдвинувшись из рядов простой рабочей массы и исполняя, кроме своей работы по специальности, различные общественные, по выбору, обязанности, мне пришлось автоматически вращаться в кругах всякой советской аристократии. Между ними я, так сказать, стал своим человеком. И вот это мое новое положение и близкое, порой интимное, знакомство с вершителями судеб городов Азова, Ростова и т. д., Азовско-Черноморского края, а иногда и целого СССР внушило мне окончательное и бесповоротное решение выбраться как можно скорее из этого кабака, называемого СССР.

О-о! Вы не удивляйтесь этому, — говорит советский человек, видимо заметив на моем лице выражение искреннего удивления, — самое верное средство вылечиться от коммунистической „болезни“ это познакомиться ближе — интимно, с проводниками коммунистических идей.

Будучи на положении обыкновенного рабочего, я часто слышал на многочисленных митингах бесконечные речи различных комвельмож. Под влиянием красивых

их слов от умиления можно было расплакаться, — так уж они заботились о народе.

Потом я констатировал, что все это было показное, дурачили просто людям головы.

Мне очень часто приходилось обслуживать коммунистическую сметанку при выпивках, а иногда и самому участвовать в этих выпивках. Представьте себе, что эти люди, выпивши, о ином другом почти и не говорили, кроме еды. Весь интерес их заключался в том — как, что и где лучше — подешевке, а чаще по блату, получить что-либо из съестного.

Странно было постоянно слушать из уст „борцов“ за высокие идеи, сугубо мещанские разговоры и, порой, совсем воровские комбинации. Одним словом, их внутренний интерес, в действительности, был чрезвычайно узок и в высшей степени эгоистичен, все сводилось к собственному их желудку, к собственной шкуре.

На основании длительных наблюдений я утверждаю, что поголовно все коммунистические заправилы в СССР — жулики, хамы и обманщики. Коммунистическая идея для них является ни больше-ни меньше, как средство пожить в свое удовольствие, но отнюдь не целью их жизни.

Народу говорят и приказывают одно, а сами проделывают как раз то, за что простых смертных расстреливают.

Например, такой случай. В голодные годы было почти невозможно достать сахар, рис, крупу и другие „советские деликатесы“. Эти товары были лишь в госмагазинах, распределителях для железнодорожных служащих, для работников из ГПУ, партийных работников и т. д. Вели очень точный учет, выдавались эти съестные продукты в незначительном количестве по провиантным карточкам. Простому смертному гражданину эти товары совершенно нельзя было достать.

Я работал в то время в Артель-кооперации. Мясо для семейства я всегда в достаточном количестве крал, а вот для приварку ничего не мог добыть. Случайно, во время одной командировки, я снюхался с заведующим распределителя продуктов для железнодорожных служащих на станции Батайск. За рюмкой водки

мы договорились, что будем производить „товарообмен“: он меня будет снабжать рисом, сахаром и т. д., а я его мясом. В определенные дни, всегда вечером, я приезжал из Азова с мясом. Заходил в магазин задним входом, передавал мясо и взамен всегда получал приготовленный кулек с необходимым мне провиантом. Конечно, за этот „товарообмен“ полагался, по советским тогдашним законам, в случае провала нашей сделки, расстрел — мне и моему компаньону.

И вот, однажды, направляясь темным вечерком на заднее крылечко магазина, встречаю в дверях с кульком под мышкой начальника местного ГПУ, в другой раз прокурора суда, потом председателя горсовета; один раз встретил, с кульком под рукой, начальника милиции и т. д. и т. д.

Глава мои лезли от удивления на лоб. Верно, и я крал, но ведь я был незначительной — бедной пешкой и мне сам Бог велел красть — при советских — идиотских — порядках. А вот что бюстители „советского порядка, законности и справедливости и творцы этой новой жизни“ мелкими согнувшимися воришками выбегали из магазина, внимательно осматриваясь кругом — это было, знаете, и для меня — стрелянного воробья, в высшей степени необыкновенным табаком и поучительным явлением.

В самом деле, как это вам понравится!... Днем прокурор, судья, оба коммунисты, руководствуясь высокими идеями „коммунистического пророка“ Маркса и „мудрого“ Сталина, отсуживают, за подобное разбазаривание и грабеж социалистического имущества, людей в тартарары или к расстрелу, начальник ГПУ решение это приводит в исполнение, а темным вечерком все эти три субъекта — „бюстители“ социалистической законности, отправляются, как подленькие воришки на „охоту“ т. е. сами занимаются нещами, за которые полагается, по их же законам, высшая мера наказания. Если справедливо рассуждать — то эти три „некоронованных грозных красных царя“ в Батайске должны были бы в первую голову расстрелять самих себя...

Понятно, это они не сделали и не сделают... ина-

че потом, чего доброго, не осталось бы коммунистов и напоказ потомству.

Рассказанный мною эпизод, свидетелем которого я был — не есть единичный случай, это только лишь пример всеобщего массового явления в СССР. Все коммунисты там прежде всего самые отъявленные воры и грабители „социалистической“ собственности. Внешняя оболочка их очень блещет идейностью, внутренняя-же сущность ограничивается сугубо-инкурными и весьма эгоистичными интересами, интересами собственного желудка.

*

— Вот, посмотрите на меня, — вдруг обращается ко мне рассказчик, — вы думаете, что этот костюм, который видите на мне или пальто я честно купил?! Ничего подобного.

Одно время жена работала, как кладовщица, на станции Батайск. На станцию прислали для железнодорожных рабочих и служащих массу одежды. Начальник станции — коммунист — принудил ее, под страхом увольнения с работы, провести жульническую операцию: часть полученного товара записали в расход, как испорченное. Эту „испорченную“ одежду начальник станции взял себе, часть распродал по блату, кое-что роздал родственникам, о себе, конечно, тоже не забыл, ну и жене, в награду, немного перепало и наше семейство немного приделось. Это вам пример „идейной работы“ коммунистов.

*

— А вот вам другой пример. Заведующей общественного питания при Азовской машинно-тракторной станции была Вера Долгалева, уроженка станции Александровки. Это была очень и очень активная зоровка. Покупала для столовки, скажем лук по 1 рублю килограмм, а записывала по 2 рубля, и так делала со всем покупаемым товаром.

Одно время она имела какую-то должность в чулочной фабрике. Там крада безбожно чулки.

В общем, где ни работала, везде все крада. Об этом все знали. Наконец, все-таки отдали ее под суд. Но суд

ее оправдал, несмотря на то, что все судьи о ее воровстве все прекрасно знали. В роли защитника коммунистки Долгалевой на суде был известный Азовский коммунист Владимир Андреевич Люлюк, он же и ее любовник.

Посмотрим, что за тип этот Люлюк. Коммунист Люлюк был, а может быть и сейчас есть, одновременно директором общественного снабжения и директором пригородного Азовского хозяйства. Тому делу, которым руководил Люлюк, понимал меньше, нежели свинья в апельсине. Но как надо красть — это овладал в совершенстве. Кроме этого, его работа еще заключалась в уходе за работницами. Когда приходила какая либо девушка наниматься, первый его вопрос был: „вы замужняя“? Если не была замужем и имела смазливую рожицу, принимал ее на работу и начинал немедленно ухаживать. Если ему поддавалась, продвигал быстро в гору по работе: давал премировки, производил в „стахановку“, посылал на курорт и т. д., если же, паче чаяния, его ухаживания не достигали желанных результатов или „объект страсти“ приедался, немедленно увольнял со службы.

Был это не человек, но общественный бык или же-ребец: в Ростове жила жена с ребенком, а в Азове имел три-четыре любовницы, которые беспрерывно менял. Это вам, так сказать, портрет типичного советского директора-коммуниста. Вся работа его заключалась в измышлении, как зажулить что либо из казенных денег. Его даже нельзя было причислить к разряду коммунистов, называемых там „бумагоедами“ — это была беспринципная и подленькая личность, страшно разжиревшая на чужой беде.

Однажды его жена, заставши его на месте преступления с очередной любовницей, избила ему и поцарапала всю морду. Но он продолжал по старому, волокаться да красть общественное добро. Работать он не привык, да и не умел.

Сами подумайте, — что может дать народу в СССР подобный правящий слой?! — Кабак, больше ничего.

*

— А вот вам следующая коммунистическая фотография — коммунист Минько, бывший красный партизан и командир отряда „Черный ворон“.

Уроженец станицы Александровки; в плечах кося сажень.

Широкое, скуластое лицо коммуниста Минько, с продолговатыми на выкате глазами, всегда было преисполнено сознания собственного достоинства и горделивого выражения. Вся фигура и походка Минько свидетельствовали о том, что он определенно до революции был разбойником на большой дороге.

Вечно в дрызг пьяный, коммунист Минько не скрывал свои грабительские инстинкты. Он попросту заходил, вне очереди, в магазин, набирал, что ему было необходимо и, не платя, уходил.

Однажды, в пылу коммунистического запала, руководствуясь точно учением Маркса—Ленина—Сталина, Минько, встретивши себе подобного типа — председателя Азовского горсовета товарища Троицкого, тоже коммуниста, приказал последнему, как старший, снять пальто, надел его на себя и пошел спокойненько домой. Это, так сказать, была социализация на практике, по пониманию товарища Минько.

*

Помню, однажды зашел я в гости к одному своему приятелю-коммунисту. Это был в моих глазах идейный, порядочный, справедливый и очень честный человек. На столе, вижу, лежит полно всяких изысканных яств. Подсчитываю сгруба и определяю, что столько хороших съестных припасов и напитков невозможно купить за целое месячное жалованье. Э-э, думаю, и ты Брут. Расспрашиваю. Оказалось, что сей, в моих глазах честный, коммунист, занимался во время своих служебных командировок спекуляцией. Пользуясь своим положением — покупал на Кавказе различные фрукты и продавал в Ростове. Из Ростова на Кавказ вовил мануфактуру. Дело шло. К нему никто не мог придраться, ибо он был членом железнодорожного ГПУ по борьбе как раз с подобной спекуляцией.

Иногда покупал товар, чаще отбирал у бедного жителя, прятал в своем купэ, а в Ростове реализовывал.

Много и долго я бы мог вам рассказывать подобных примеров, ярко характеризующих внутреннее действительное содержание правящих слоев СССР. Утверждаю, что я на своем жизненном советском пути не встретил ни одного коммуниста, который бы не крал.

Полагаю, что теперь вам будет ясно и понятно, почему я не только разочаровался, но даже занял остроотрицательную позицию ко всему коммунистическому.

На собственной шкуре, путем тяжелых испытаний и долгих наблюдений, я убедился в правильности и мудрости старой пословицы, пословицы наших предков: „Не все то золото, что блестит“.

Пока я был простым рядовым рабочим, не соприкасался тесно и интимно с вершителями судеб советской жизни, какая-то доля веры была во мне в то, что быть может все-таки жизнь как-то современем улучшится. „Альтруизм“ коммунистов меня тогда необыкновенно иногда удивлял, но коль скоро я стал продвигаться по своему положению в гору и стал среди коммунистов своим — „дельным“ парнем, и получил возможность посмотреть глубже в душу коммунистических правителей, я все больше и больше убеждался в том, что коммунисты — особый сорт весьма опасных современных паразитов и трутней рода человеческого, с которыми необходимо беспощадно бороться.

36. Отношение к евреям — и что их ожидает.

— Скажите, как относятся там к евреям, — задаю последний, интересующий меня вопрос.

— Как общее явление евреев в СССР ненавидят в одинаковой степени, как и коммунистов, ежели не больше. Понятие еврей, в глазах простого народа, тесно связано с фактом управления страной советской властью. Евреев, как рабочие так и колхозники, об интеллигенции не говорю даже, считают первопричиной всего советского кабака, а этот факт в достаточной степени рельефно характеризует действительное отношение населения к ним. Ненавидит советское население евреев всеми фибрами

своей души, но, одновременно, пока очень боится их, поэтому молчит и терпит. Например, если вы назовете еврея — жидом, — за это вас немедленно посадят в ГПУ. Слово „жид“ там ругательное слово, и за это название там людей строго преследуют. Но, тем не менее, это слово очень и очень часто употребляется. Часто бывало, когда на производстве какого-либо руководителя „вычищали“, рабочие между собой обыкновенно шептались: „Ну, гляди, ребятки, какого нам теперь жидка сюда пошлют“.

Однажды удалось мне услышать следующее рассуждение колхозников: „Ну, братцы, и попались же мы в лапы этих вонючих жидов, и вырваться никак не можем . . . созсем попались мы все в их мешок, осталось еще этот мешок завязать и совсем нам будет крышка“ . . .

А когда Сталин женился на молодой восемнадцатилетней еврейке, дочери известного еврея Кагановича, народ на это событие реагировал приблизительно так: „Смотри ребята, как это вам понравится: не иначе, как чорту старому захотелось перед смертью еще попробовать жидовского молоднячка, вкусить сладость нетронутой жидовской восемнадцатки . . . И откелева берется такая прыть у этого кавказского старого ишака . . . ему бы уж умирать пора, а он — нет . . . еще пытается по молоднячкам лазить . . . Что и говорить, парень охинно прыткий“ . . .

Слышал я и такие реплики.

Обыкновенно, если не было по близости начальства, русский, видя превосходство еврея в казуистике, заканчивал часто спор с евреем словами: „Да откуда вас чорт сюда несет, нет чтобы себе отправиться в свою Палестину . . . нечистый дух прет их почему то к нам“ . . .

После такого рассуждения оппонент еврея должен немедленно бывал исчезнуть, иначе из лап ГПУ не вырваться.

Не любят евреев даже сами коммунисты. Я часто был свидетелем того, как веселая компания коммунистов, при появлении коммуниста-еврея, моментально стихала, делала умные выражения и как бы по волшебному сигналу продолжала сразу же вести деловые и серьезные разговоры.

После ухода еврея, сразу же менялось у компании

настроение, попрежнему продолжалось веселье. В догонки посылали презрительные реплики.

Если по улице идут, скажем, два рабочих и повстречаются с евреем, обязательно один другого толкнет локтем и спросит: „Видел?..“ — „Видел“, — отвечает другой.

Очень много евреев работают, как продавщики в различных государственных магазинах. И здесь чувствуется антагонизм. Не знаю почему, но народ неохотно идет в магазин, которым руководит еврей. Часто бывало спросишь, почему не ходите в магазин, который находится ближе. Спрашиваемый обыкновенно ответит: „Да там-же продает...“ и приставит кулак к своему носу, намекая так на характерный признак еврейского происхождения продавщика.

Лично полагаю, что советский строй еврейский вопрос в России не разрешил. Наоборот — усложнил. И за грехи активной коммунистической части евреинства в СССР будут терпеть вообще все евреи там.

По моему, придет очень скоро то время, когда евреев и коммунистов советское подъяремное население будет уничтожать в одинаковой степени. И будет пролито там море еврейской крови. Виновники этому — сами-же евреи, главные проводники коммунистической идеи.

37. Заключение.

Как заключение рапорта своей беседы с человеком „оттуда“, полагаю полезным познакомить читателя в кратких словах с семейством моего собеседника и с своими общими впечатлениями о людях, живших на Казачьей Земле до конца мая месяца 1937 года. Это может быть к тому же достаточно интересным, пожалуй, и полезным эмигрантам.

Моя беседа с подсоветским человеком продолжалась не час и не день, а много дней. Я работал в его родном селе, так что обстоятельства этому благоприятствовали.

После нескольких встреч мой „необыкновенный“ знакомый пригласил меня с супругой к себе в гости. Конечно, его приглашением мы воспользовались.

У меня так же, как, вероятно, у каждого эмигранта, на основании сведений, получаемых с Родины, о бесконечно тяжелой, полуголодной, а временами совершенно голодной жизни в СССР, создалось невольно убеждение в том, что люди там, в силу сложившихся обстоятельств, в своих отношениях к близким и знакомым переродились в скупых материалистов, т. е. что от нашей характерной черты — гостеприимства не осталось и следа.

Каково-же было мое приятное в этом „разочарование“ при перзой же встрече с людьми „оттуда“!

Пришли мы с супругой к ним, не предупреждая, совершенно неожиданно, в будний день. Встретили нас очень приветливо, — так, как когда-то у нас в станциях встречали гостей. Жена хозяина-возвращенца месила как раз босыми ногами глину для непаленого кирпича. Сам хозяин опралял повредившуюся от старости стену своей хатенки. Во дворе играли детишки, шумно лепеча по русски.

За минуту сидели мы уже в комнате.

Бедная обстановка: две постели, три стула, стол, лавка, кой-какая посуда — это все их имущество.

— Наше имущество, — заявил мне, чуть-ли не с гордостью, подсоветский человек, — имущество, как видите, пока что очень скудное, но за то это уже наша неотъемлемая, законом охраняемая, собственность...

Пока я сидел, осматривался и разговаривал с хозяином, стол был заполнен угощениями.

Мне даже было как-то неловко, чувствовал, что, вероятно, дают на стол последнее. Фактически они находились в положении, мало лучше, нежели мы, после великого исхода с Родины.

Есть у него в селе богатые братья, родители еще живы, но все они никак не могут понять, как это человек — жил там 22 года и вернулся домой без копейки денег, почти в чем мать родила, да еще кучу детей привез и жену иностранку. „Лентяй, босяк“ — думают. Первый месяц помагали, а потом... живи, как хочешь. Хатенку он получил от матери — девяностолетней, еще бодрой старушки.

— Неужели люди там еще не разучились быть гостеприимными, — обращаюсь непроизвольно к бедняку-хозяину, будучи приятно удивлен нашим традиционным старым гостеприимством.

— Что вы! что вы! На эту хорошую, чисто - русскую черту, даже большевики не имели никакого влияния. Знаете, здесь люди, большинство, живут очень и очень богато, сытно, в жизненных благах утопают, здесь ужасное изобилие всего, но что касается их гостеприимства — далеко им до совсем бедных материально советских людей.

Там каждый считает своим долгом гостя погостить. Если даже сам абсолютно ничего не имеет и уже с голода пухнет, — подаст на стол кипяченую воду, за неимением сахара, соль...

Нет, нет... в этом отношении меня люди там иногда просто поражали.

Наконец, имею возможность ближе познакомиться и с хозяйкой, которая приглашает нас к столу.

Типичное доброе лицо хохлушки. Голубые глаза, черные брови, светлые волосы делают ее миловидной и симпатичной. Намечающиеся легкие линии преждевременных морщин у рта и глаз, — очевидные следы „счастливой“ советской жизни.

— Как вам нравится у нас за границей? — задаю вопрос.

— Совсем мне здесь не нравится. Всего здесь в изобилии, все что хотите можете купить, и когда угодно, лишь бы были деньги. Нет здесь той беды, какую нам суждено было пережить и видеть... Но люди, люди здесь все чужие и совсем никудышные. Не с кем и слово промолвить. Это меня ужасно гнетет — не могу привыкнуть, тем более, чувствую неприязнь ко мне здешних людей, особенно женщин. Очень рада знакомству с вами — с нашими людьми. А то, знаете, я даже думала — вот умру здесь и не встречу своей родной живой души.

Я перевожу разговор о жизни в Советской России. Но сделал это я, пожалуй, несколько преждевременно, ибо как только я заговорил о Советской России — разговорчивость хозяйки исчезла. Повидимому в этот мо-

мент непроизвольно в ней проснулась, годами выработанная, привычка, так свойственная подсоветским людям, быть осторожной в своих словах. Стала почему то мало и коротко говорить, неохотно отвечала на задаваемые вопросы... Грустным и тихим голосом говорила о своем детстве. Родители ее были крестьяне-земледельцы с Украины. Жили зажиточно. Старую жизнь помнит смутно, ибо во время революции ей было всего лишь семь лет.

Когда было ей семь лет, умерли родители, брата старшего кто-то расстрелял, не понял я — кто, — не то красные, не то белые. С малых лет ей уже пришлось с младшей сестренкой жить и работать по чужим людям. Радости в детстве она не знала. Была „неизвестной жертвой“ великой, жестокой и кровавой российской революции. Повидимому, под влиянием воспоминаний о собственной нелегкой жизни, во время рассказа из глаз потекли ручьем слезы...

Не могу не отметить и следующий интересный факт. Жена подсоветского человека, во время первого нашего посещения, в разговоре о жизни в СССР сообщала нам почти исключительно благоприятные для Советов сведения. По ее первоначальным рассказам жизнь там была уж не так тяжела. Так она сначала говорила безусловно по инерции, — под влиянием глубоко укоренившейся психологии еще „там“, автоматически, из-за боязни попасть в ГПУ, все советское хвалить. Иначе не могу объяснить. Это мое мнение подтверждает и то, что ее несколько раз муж перебивал словами.

— Да, Шура, что ты за чушь порешь, — говори правду так, как оно там есть, не бойся — это тебе не Совдепия...

И действительно, при следующих встречах, когда мы ближе и больше познакомились, Александра Петровна говорила совершенно другое, аналогичное тому, что рассказывал ее муж. Бывало иногда, что рассказы мужа она дополняла, поправляла, о некоторых эпизодах, о которых муж, по всей видимости, забыл, она напоминала. Одним словом, своими устами потом она откровенно передавала сокровенные — под семью замками — действительные чувства и мысли советских работников.

Положение женщин, по ее словам, невероятно тяжелое, мало того совершенно невыносимое. Женщины там работают абсолютно по всех отраслях, включительно до самых тяжелых даже для мужчины работ, наравне с мужчинами. „Раскрепощение“ женщины подобно каторге. Мужчины имеют выходной день. Женщины фактически не имеют его, особенно замужние, те принуждены хуже, чем машины — беспрерывно, без отдыха работать: в выходной день каждая женщина нормально стирает, зашивает разорвавшуюся одежду, варит, если есть из чего на целую неделю, и делает другие необходимые домашние работы накопившиеся в течении рабочих дней.

— Нет ничего удивительного, — говорит Александра Петровна, что женщины в СССР, как всеобщее явление, питают смертельную ненависть к советской власти. Это явление в советской жизни имеет большое значение. Не говорю о простых гражданах в СССР, почти в каждой чисто-коммунистической семье существует „семейная“ оппозиция в лице жены. Редко бывает так, что жена коммуниста политически думает в унисон своему мужу. Как нормальное явление — всегда жена находится в резкой оппозиции политическим идеям мужа. Никакие доводы мужа не помогают. Эта консервативность женского населения СССР психологически бескомпромиссно отсудила коммунистическое правительство на умирание. Против этого не поможет ни что . . .

В общем, малограмотная подсоветская женщина, оказалась здраво рассуждающей женщиной. Нелегкая жизнь, повседневная борьба из-за куска насущного хлеба, подковали ее политически в противно-коммунистическом духе — основательно.

*

Во время нашей беседы у стола, вдруг с шумом открываются двери и в комнату стрелой влетает, весь покрасневшийся, мальчик лет шести.

Ребенок, увидев в комнате большое общество, остановился у дверей.

— Это мой младший сынишка, Коля, — обращается хозяин к нам.

— Коля, чего стоишь столбом, иди поздоровайся с дядей и тетей, — приказывает отец оробевшему сыну.

Мальчик продолжает в нерешительности стоять у дверей.

— Так что-ж ты, Коля, — оробел? Иди ближе, познакомимся, — подбадриваю его.

Услышав русскую речь, ребенок решительно и смело двинулся вперед.

— Здравствуйте, дядя! — говорит, подойдя ко мне, и подает руку.

— Здравствуйте тетя! — Обращается к жене, и так же смело протягивает свою слабую детскую рученку.

— А-а-а в-вы русские? — Заикаясь, обращается Коля ко мне с женой.

— Нет, мы заграничные, — шутя отвечаю.

— А-а-а я ду-ду-мал, что вы русские, — делает заключение Коля.

— Почему ты так думал?

— В-вы а-аварите по русски, — быстро отвечает с разочарованием мальчик.

— А что-ж ты думаешь, что только русские могут говорить по русски?

— Да! — с полной уверенностью в голосе, бойко отвечает Коля.

— Ну, а что, Коля, — как тебе у нас здесь, нравится? — начинаю испытывать ребенка.

— Да очень мне нравится здесь.

— А где, Коля, тебе больше нравится — здесь или в Азове?

— Здесь мне, дядя, больше нравится, — не задумываясь говорит Коля.

— А почему?

— А-а-а мне, дядя, здесь нравится б-больше п-потому, что здесь есть яблочки, груши, сливки — здесь, дядя, все есть, ма-арафеты здесь есть, — много здесь их.

— В Азове разве этого нет? спрашиваю.

— Там, дядя, ничего этого нет.

— Где-же все это делось?

— А-а-а, дядя, там все деревья пацаны поразло-омали.

— Зачем-же это они поразломали?

— Дядя, они поразло-омали, а-а-а п-по-том попа-али.

— Разве в Азове не было чем топить, что пацаны поразломали и попалили деревья?

— Со-о-всем не было чем топить.

— Кто такие были эти пацаны?

— Это, дядя, были б-ольшие пацаны.

— А что, разве есть там и другие какие пацаны?

— Я там был, дядя, ма-аленький пацан, Петька наш был бо-ольшой п-пацан, а папа — тот был со-о-всем здо-о-ровый, а-а-а ба-альной пацан.

— А почему, Коля, „марафетов“ (конфеты) в Азове нет?

— А-а-а, дядя, их ма-ало нам посылают, и ма-азинов там нет.

— Почему-же в Азов так мало посылают?

— Там и в Ро-остов мало посылают, везде ма-ало посылают.

— Почему мало посылают?

— А-а-а, дядя, я не знаю почему мало посылают. А-а-а, я думаю, что их далеко делают, а по-о-тому мало посылают.

Забавно и интересно было беседовать с подсоветским ребенком. На заданные вопросы отвечал удивительно толково и разумно, все-равно, как взрослый. У меня было впечатление, что я вел разговор не с ребенком, но с взрослым человеком.

Как потом мне его отец подтвердил, Коля правильно ответил, что там нет деревьев. Пытались садить деревья на аллеях, вдоль дорог, засаживать целые сады, но неизменно все это было неизвестными уничтожаемо. Между селами проложили, так называемые, шоссейные дороги, без штебня, тем способом, что специальными плугами выбрали на обыкновенной грунтовой дороге профиль дороги так, чтобы вода могла стекать на стороны, с каждой стороны прорыли каналы, и вдоль их посадили деревья. Но в результате из этого ничего не вышло:

По всей вероятности колхозники деревья повытягивали с корнями и спалили. Самые обыкновенные фрукты в СССР являются большим лакомством и ввиду высоких цен, доступны лишь господствующему слою населения — коммунистам.

Доставляются фрукты с Кавказа, в частности с родины Сталина — Грузии, где, по словам подсоветского информатора, до сих пор население живет на старых началах частной собственности.

Там, говорит он, и в настоящее время существуют частновладельцы, которые имеют по полторы сотни овец, по десять и больше коров, собственные виноградники, сады и т. д. Этой привилегией пользуется исключительно одна Грузия — родина „красного царя“ под псевдонимом Сталина. Ясно, там всего вдоволь.

Различные коммунистические должностные лица, как-то — члены железнодорожного ГПУ, железнодорожные кондуктора, контролеры и вообще коммунисты, которые часто ездят по службе в Грузию, этим положением пользуются, скупают или крадут здесь солдатские шинели, по блату в Грузии сплавляют, там покупают за это различных фруктов и доставляют к нам, скажем, в Азов. Одним словом, „товарообмен“ идет, а блат цветет — коммунист на вырученные деньги может пьянствовать и содержать нескольких любовниц.

Это дело особенно хорошо процветает у коммунистов-евреев, от природы прекрасных барышников и торговцев.

* * *

Хрупкенький, с тоненькими ногами и руками, худеньким, бледным хорошеньким личиком и красивыми умными голубыми глазами, тощий, как глистик, Коля, видимо, очень много недоедал в бытность в Азове, да и явная его нервность — сзидетельствовали о том, что родителям его, а следовательно и ему, нелегко жилось в СССР.

Его внешний худой вид очень неблагоприятно выделял его среди местных деревенских выкормленных детей. Долго Коле придется в этом отношении догонять своих новых, заграничных товарищей. По своему же, на его лета, совсем уже не детскому развитию, он стоял много выше, пожалуй, всех детей в родной деревне его отца.

Своими, порой совсем не детскими рассуждениями,

умозаключениями и любопытством Коля меня иногда бесконечно поражал и удивлял.

После Коля у нас был каждодневным гостем. Проводил больше времени у нас, нежели дома.

При обеде, ужине всегда был моим компаньоном и интересным собеседником.

Однажды спрашиваю его:

— Коля, хотел бы ты поехать и посмотреть еще Азов?

— Да-а, дядя.

— А почему тебе так хочется поехать в Азов, ведь там нет „марафетов“?

Тут мой Коля улыбнулся, посмотрел виновато на меня и вдруг серьезно говорит:

— А-а-а внаете, дядя, у меня там оста-алась девче-енка На-аташа, а-а-а я ее очень лю-ублю, я-а бы ей повез много ма-арафетов.

Услышав подобное признание шестилетнего карапуза я искренно, от души, расхохотался.

— А-а-а, дядя, чего смеетесь? на-аш Петька тоже имеет в А-азове девченку — Валу, о-он ее лю-убит. Та-ам ка-аждый пацан имеет девченку, — обиженно выпаливает из себя представитель молодого поколения чисто советской формации. — Я-а-а ничего, дядя, а-а-а Петька на-аш и целовался с Ва-алей, — продолжал Коля, — а-а-а я нет. По-отом мне Петька а-аварил, что он с сво-оей девченкой игра-ался в па-апу и ма-аму, а-а-а я нет.

— Как-же это Петька игрался в папу-маму? спрашиваю я совершенно пораженный „всесторонним“, подлинно советским, развитием шестилетнего ребенка.

— А-а-а я, дядя, не знаю. Петька мне не а-аварил и-и я не умею.

Помню, однажды из Праги я получил различные газеты, в том числе и советские. Сажу у стола и бегло просматриваю их. Коля возле рассматривает какие-то картинки. Вдруг схватывает советскую газету и указывая пальцем на традиционно-неотъемлемую принадлежность каждой советской газеты, фотографию Сталина, говорит:

— А-а-а это, дядя, наш мудрый и до-орогой Сталин.

— Почему ты думаешь, что это Сталин? — спрашиваю.

— Он, дядя, носит а-арошие сапоги и новую фу-у-ражку, — объясняет всезнающий Коля.

— Знаешь ты и Ленина?

— О-о, а-а-а как же! О-он носит, дядя, бо-ородку вот так — ко-озликом, — отвечает бойко Коля, правой рукой показывая ниже собственного подбородка козлиную бороду Ленина.

— Разве там нет сапог? — снова задаю Коле вопрос.

— Не-ет. Там только Сталин носит а-арошие са-а-поги. А такие ка-ак здесь у нашего жида — носят коммунисты . . .

— А в чем ты ходил — в сапогах?

— Я, дядя, бегал там босой, без сапог, а-а-а теперь у меня арошие штиблеты, — резюмирует Коля.

*

Коля, на его лета, был мальчик чрезвычайно любознательный и пытливый. О всем интересовался, все хотел знать. Слова „почему, зачем“ — чаще всего вылетали из его крохотных уст.

Своей, не детской, любознательностью однажды поставил жену в очень затруднительное положение:

— Тетя, а тетя, — обращается Коля как то к жене, — скажите, почему у вас цыцы есть, и у мамы цыцы есть, а у бабушки нет и у меня нет. Почему это так?

Этот необыкновенный вопрос так неожиданно и искренно Коля задал, что жена в тот момент даже не нашлась, что ребенку на это ответить.

Нельзя не отметить следующую характерную черту ребенка чисто-советского воспитания, воспитания в дет-колониях: Коля был безусловно очень развитым и бойким ребенком, о всем рассуждал как будто юноша, но вот при всем этом он не имел абсолютно никакого понятия об уважении, почтительности и вежливости к старшим, тем паче боязни к ним.

В этом отношении с местными детьми рабочих его никак нельзя было сравнить.

■ Безусловно ребенка в советской детколонии воспитывали своеобразно. Во всяком случае, чувство уважения к старшим в нем ни на копейку не было привито. Наоборот, на основании его поведения можно предполагать, что там детей воспитывают в неуважении к старшим.

Со старшим, 14-летним сыном подсоветских возвращенцев Петей, мне удалось поговорить лишь один раз и не долго. Он жил у родственников и дома обыкновенно никогда не был.

Петя оказался мальчиком более сдержанным и воспитанным, нежели его брат Коля. Развита была тоже не по летам. Учился он в 6 лет в семилетке. Школу он не окончил, потому что надо было ходить очень далеко в школу, а в то время очень часто исчезали дети.

Дабы Петя не стал жертвой советских „колбасных“ дел мастеров, родители решили его в последний класс не посылать. Знания Пети, почерпнутые в школе, были очень поверхностные, как говорится, учили их: „понемножку, чемунибудь и какнибудь...“ Но „троцкизмом и псами ему подобными“ его там ничкали основательно, но и этому учили как-то „вверх ногами“, вроде того, что „Троцкий — это царь возле Гитлера“...

Содержание его рассказов мало что добавило к тому, что говорили его родители. О старой жизни он, конечно, и понятия не имел.

Его страшно поразило обилие и дешевизна всего на родине отца; он себе не представлял, что так могут люди хорошо и спокойно жить.

Одет он был во все „заграничное“ и даже был при галстухе и шляпе. Это ему, видимо, доставляло удовольствие. „Заграничный“ его костюм, конечно, был сукна — не первого качества, скорей самого последнего, но тем не менее, когда я его спросил — ходил-ли он так одетым и в Азове, Петя искренно рассмеялся и ответил: — Что вы, дядя, да меня бы там за буржуя сочли!

В этой „культуре“ он себя все-таки чувствовал, судя по всему, неуклюже, точно так, как когда-то мы

все, когда военные шинели и рубашки сменили на негигиеничную и неудобную европейскую одежду.

* * *

Глава подсоветского семейства, назовем его Иваном Андреевичем, приехав на родину без ничего, мало того, вообще без копейки денег, должен был немедленно приискивать себе работу. По его специальности не так легко ее было найти.

Лично предложил ему, пока не найдет что-либо более для него подходящее, работать у меня чернорабочим на работах, которыми руковожу. Определил я его к рабочей группе, которая работала в одной из соседних деревень. Туда он должен был явиться с моим письменным приказанием старшему группы о его принятии на работу.

На другой день рано утречком мой Иван Андреевич вдруг является ко мне.

— Что случилось? Почему вы не отправились на работу, — спрашиваю, удивленный не мало его неожиданным появлением.

— Да, видите-ли, Даниил Никитович, вы мне вчера сказали, куда должен я явиться, а вот относительно рабочей нормы ничего мне не говорили, а я забыл спросить; скажите пожалуйста, какую я должен за рабочий день выработать норму? — совершенно серьезно задает мне вопрос.

От этого вопроса я рассмеялся от души. На самом деле — практически работаю вот уже полных одиннадцать лет, работал во всех концах Республики, за это время прошли через мои руки сотни и тысячи рабочих различной народности, работали под моим руководством рабочие различного характера, способностей и политических убеждений и, тем не менее, моим ушам не пришлось услышать подобного вопроса. Нет надобности. Каждый работает по его силам. Вот, думаю себе, до чего это идиотско-советское „изобретение“ для нечеловеческой эксплуатации людей въелось людям в кровь, что и здесь не могут забыть это.

Через несколько дней я заехал специально посмотреть на работу советского рабочего. Все нашел в порядке: работы сделал он достаточно и хорошо, при том без всяких норм. Вообще Иван Андреевич оказался хорошим и добросовестным рабочим. И когда я его похвалил, совсем был от радости на десятом небе.

После, во время бесед, Иван Андреевич не раз выражал свое удивление над тем способом ведения работ — без норм, каковой здесь практикуется, над моим доверчивым отношением к рабочим и над большими результатами работы.

— А что, разве рабочие не работают в моем отсутствии? — Спрашиваю.

— Вот в том то и дело, что они очень добросовестно работают и в нашем отсутствии, о всем заботятся как о своем; на работу приходят раньше, нежели полагается; во время работы используют каждую почти минуту — это явление в СССР просто невозможное, там чуть-ли не у каждого человека стоит цербер да еще над шеей каждого рабочего висит Домоклов меч, в виде нормы. Знаете, Даниил Никитович, я вот здесь не так долго, но чувствую, что моя голова после советского кавардака, балагана и беспрерывных изворачиваний очень отдохнула, о нервах и не говорю.

Вообще жизнь моя в СССР теперь кажется каким-то невообразимо страшным сном, жизнь человеческая там не ценится ни в копейку.

Вот однажды здесь я наблюдал такую картину. Было это на станции Паркань. Смотрю, идет через вокзал престарелая старушка, бедно одетая, за руку ведет четыре ребенка один меньше другого. Их останавливает жандарм и что-то видимо спрашивает. В этот момент подошел поезд. Жандарм, к моему удивлению, берет ребят за руки и направляется с ними к вагону поезда, помогает старушке взобраться по ступенькам — в вагон, а потом подает ей ее ребят. Как мне было приятно наблюдать эту картину!

Там — в СССР! Да там если бы эту старушку с детьми поезд задавил, и утопали бы они в крови, не только бы советский жандарм на них не обратил внимания, но вообще им бы никто не помог и движение бы

продолжалось, как ни в чем не бывало, как будто это лежали бы не люди, а звери.

* * *

На строительных работах электрических линий мне много приходится производить измерения. На эти работы я, обыкновенно, всегда брал с собой Ивана Андреевича. Для него при измерениях была легка работа, я же имел возможность, в минуты отдыха, расспрашивать о жизни в СССР.

Однажды, перед тем как приняться за работу, мы закатали свои велосипеды во двор одного мясника. Вышел хозяин, он же мясник, и начал расспрашивать нас, что мы тут будем мерять, для чего и т. д., одним словом, завязалась легкая беседа и мы несколько во дворе задержались.

В это время на пороге дома появилась девица — бабышня этак лет шестнадцати, по всей вероятности дочь мясника. На свои лета была чрезвычайно толстая и производила впечатление пивного боченка.

Советский мой помощник стал как-то пристально посматривать на интересную, но очень полную девицу.

Конечно, я этому не придавал никакого значения, думая про себя, что человеку, после типичных тощих советских людей, эта хорошо выкормленная молодая особа показалась весьма занимательной, интересной, тем более, что быть может человек вообще еще не видел так полных людей, а тем паче девиц.

— Ну, знаете, Иван Андреевич, не предполагал я, что вы такой бабник, — ишь как посматривали на смазливую рожицу, — что нравится? — пытаюсь подтрунить над советским человеком, выходя из ворот.

— Знаете, Даниил Никитович, — заговорил вдруг полушопотом подсоветский человек, — даю вам честное слово, если вру — пусть зот тут на месте гром меня убьет — уверяю вас, что вот эту хорошенькую, но чрезмерно жирную девицу, ей-Богу, у нас в СССР наверняка бы с'ели!

Январь, февраль 1938.

Словакия, Нитра.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Особый характер моей службы позволяет мне бывать в различных районах и концах Чехословацкой Республики.

В одну из своих командировок по службе я познакомился с человеком, вернувшимся после 22-летнего пребывания из СССР.

Будучи достаточно информированным о жизни в СССР по заграничной русской и иностранной печати, вскрывшей жуткие картины Советской действительности, знакомый с трудами легендарной семьи Солоневичей и с писаниями самой советской прессы я, тем не менее, иногда был от рассказов моего советского информатора просто в недоумении.

Чувства обиды, горечи, отчаяния, изумления и искреннего негодования сменялись в моей душе — и нарастало и крепло желание и стремление бороться с жестокими угнетателями — самодурами и поработителями.

Сведения, сообщенные мне „подсоветским“ человеком, были ценны для меня, полагаю, что они могут быть достаточно интересны и всем эмигрантам, ибо исходили они от рабочего человека, прожившего более 20-ти лет физическим трудом среди советской рабочей массы и касались почти исключительно той части населения СССР, которая в гражданской войне принимала самое деятельное и непосредственное участие в нашем изгна-

нии с Родины и в воцарении большевицкой власти; ее сокровенных дум и подлинного настроенчя.

Показания этого живого свидетел для меня, как для природного казака, ценны и тем, что они, до некоторой степени, раскрывают жуткую картину жизни подсоветского поработщенного кавачества под большевицкой пятой.

Эти обстоятельства заставили меня, при отсутствии соответствующих данных и сильно загруженного работой по службе, письменно изложить показания выходца „с того света“ для широкого осведомления.

Изложил я их в форме интервью, — в том порядке, как вел беседу.

Пусть читатель не осудит меня за то, что получилось это несколько бессвязно и материал изложен разбросанно.

Подчеркиваю — это не литературная работа или труд, это — просто протокольная запись показаний человека „оттуда“.

Всех друзей, помогшим мне так или иначе в издании этой книги, прошу принять мою искреннюю благодарность и признательность.

Особую благодарность приношу Ивану Ивановичу Колесову, который особенно много и бескорыстно потрудился над тем, чтобы вообще этот труд мог появиться на свет Божий.

Автор.